

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

МЕНТАЛЬНЫЙ АБРИС ФИЛОСОФСКОЙ СЕМАНТИКИ

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА КАК МНОГОМЕРНАЯ
КОГНИТИВНО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ
И ПРИРОДЫ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

2023 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия ВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Дёмина Л. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Купц Т. — д-р философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша);

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Митио М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Песоцкий В. А. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения, научный руководитель журнала;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс серии «Философские науки»

по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2023. — № 2. — 170 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of the journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy"
Moscow Region State University

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

L. A. Demina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Kutafin Moscow State Law University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

T. Kupsch – Doctor of Philosophy, Prof., Nicolaus Copernicus University (Poland);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. A. Pesotsky – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education, Scientific Consultant;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philosophy, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of the "Philosophy" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2023. – No. 2. – 170 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Артеменков А. А.</i> Философское осмысление сущности и природы психического отражения	6
<i>Ильин В. В.</i> Ментальный абрис философской семантики	18
<i>Костадинович Д., Бондарева Я. В.</i> Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part II	37
<i>Нестеренко Ю. А.</i> Философские интерпретации образа человека	47
<i>Филатова М. И.</i> Потенциальная бесконечность как парадигмальное ядро постмодернизма	57

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Степанова О. И.</i> Проблема человека как основная идея философии Л. Шестова	71
---	----

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Быльева Д. С., Краснощеков В. В.</i> Оригинал и копия: технологический вызов искусству .	77
<i>Лебедев С. А.</i> Современная наука как многомерная когнитивно-социальная структура .	92
<i>Прядко И. П.</i> Алгебра логики как средство обоснования архитектурного проекта: вклад русского инженера Н. М. Герсевича	108

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Гурьянова А. В., Тимофеев А. В.</i> Homo digital – субъект цифровой революции	120
<i>Евстифеева Е. А., Филиппенкова С. И.</i> Духовно-нравственный контекст проблемы качества жизни, связанного с репродуктивным здоровьем российской молодёжи	130
<i>Жульков М. В.</i> Геополитические треугольники как способ самоорганизации мировой цивилизационной сети	139
<i>Седанкина Т. Е.</i> Роль теологии в возрождении подлинного призвания учёного	153

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF COGNITION

<i>A. Artemenkov.</i> Philosophical Understanding of the Essence and Nature of Mental Reflection	6
<i>V. Ilyin.</i> The Mental Image of Philosophical Semantics.	18
<i>D. Kostadinovic, Ya. Bondareva.</i> Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part II.	37
<i>Yu. Nesterenko.</i> Philosophical Interpretations of the Human Image	47
<i>M. Philatova.</i> Potential Infinity as the Paradigmatic Core of Postmodernism	57

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>O. Stepanova.</i> The Problem of Man as the Main Idea of L. Shestov's Philosophy	71
---	----

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>D. Bylieva, V. Krasnoschekov.</i> The Original and a Copy: a Technological Challenge to Art.	77
<i>S. Lebedev S. A.</i> The Modern Science as the Multidimensional Cognitive-Social Structure	92
<i>I. Pryadko.</i> Logic Algebra as a Justification for an Architectural Design Project: The Contribution of the Russian Engineer N. M. Gersevanov.	108

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

<i>A. Guryanova, A. Timofeev.</i> Homo Digital – The Subject of the Digital Revolution	120
<i>E. Evstifeeva, S. Filippchenkova.</i> Spiritual and Moral Context of the Problem of Quality of Life Associated with Reproductive Health of Russian Youth	130
<i>M. Zhulkov.</i> Geopolitical Triangles as a Way of Self-Organization of the World Civilization Network	139
<i>T. Sedankina.</i> The Role of Theology in the Revival of the True Vocation of the Scholar	153

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 159.938

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-6-17

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И ПРИРОДЫ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

Артеменков А. А.

Череповецкий государственный университет

162622, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть сущность и природу психической формы отражения действительности.

Процедура и методы. В работе проведён философский анализ процесса психического отражения в контексте проблемы «мозг и психика». В процессе исследования использовались теоретический метод научного познания, общепсихологический диалектический метод, а также методы абстрагирования, индукции и дедукции, анализа и синтеза, мысленного моделирования этапов психического отражения.

Результаты. В данной работе подробно рассмотрен процесс психического отражения действительности с позиции культурно-исторического подхода Л. С. Выготского и системной организации физиологических функций. Автор обращает внимание на то, что мозг и психика взаимодействуют друг с другом посредством когнитивных межфункциональных связей. Хотя известно, что психическая деятельность мозга имеет двойственную материально-идеальную природу, пока остаётся нерешённым вопрос, каким же образом материальный мозг воспроизводит нематериальную психику. В этой связи в работе приводится мнение, что познание психических явлений происходит через высшие умения и навыки, психонервную деятельность и нейронную гиперсеть – когнитом. Раскрывается роль когнитивной нейродинамической системы в адекватном психическом отражении внешнего мира. Подчёркивается особое значение когнитивных нейронных связей и отношений в психическом отражении, в том числе позиция А. Р. Лурии по этому вопросу. Анализируются взгляды С. Л. Рубинштейна на взаимосвязь психических процессов с функциями мозга. Приводится мнение Д. Чалмерса относительно двух понятий ментального – феноменального и психологического. Обращается внимание на позицию Д. Деннета, согласно которой нематериальный разум чётко соотносится с материальным мозгом. В этой связи высказывается мнение, что деятельность когнитивной системы мозга человека имеет круговой характер, в котором прослеживаются следующие этапы: восприятие, осознание, понимание, мышление, речь и движение. В заключении автором показывается роль когнитивных межфункциональных связей в системе психического отражения действительности.

Теоретическое и/или практическое значение работы. В работе впервые проведено переосмысление процесса психического отражения внешнего мира с позиции культурно-исторического подхода Л. С. Выготского, в котором особую роль играют межфункциональные связи и отношения. Предпринята попытка показать истинную сущность и природу психического отражения объектов и явлений внешнего мира на основе системной организации психической деятельности мозга.

Ключевые слова: когнитивная система, межфункциональные связи, мозг, нейронная сеть, психическое отражение

UNDERSTANDING OF THE ESSENCE AND NATURE OF MENTAL REFLECTION

A. Artemenkov

Cherepovets State University

prosp. Lunacharskogo 5, Cherepovets 162600, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the essence and nature of the mental form of reality reflection.

Methodology. A philosophical analysis of the process of mental reflection in the context of the problem of “brain and psyche” is carried out in the work. In the process of research, the theoretical method of scientific knowledge and the general philosophical dialectical method were used, as well as the methods of abstraction, induction and deduction, analysis and synthesis, and mental modeling of the stages of mental reflection.

Results. In this paper, the process of mental reflection of reality is considered in detail from the position of L. S. Vygotsky's cultural-historical approach and the systemic organization of physiological functions. The author draws attention to the fact that the brain and psyche interact with each other through cognitive cross-function connections. Although it is known that the mental activity of the brain has a dual material-ideal nature, the question still remains unresolved: “How does the material brain reproduce the non-material psyche”? In this regard, the article provides an opinion that the knowledge of mental phenomena occurs through higher skills and abilities, psycho-nervous activity and neural hypernetwork – cognite. The role of the cognitive neurodynamic system in adequate mental reflection of the external world is revealed. The special significance of cognitive neural connections and relationships in mental reflection is emphasized, including A. R. Luria's position on this issue. S. L. Rubinstein's views of on the relationship of mental processes with brain functions are analyzed. D. Chalmers' opinion concerning two concepts of mental – phenomenal and psychological is given. Attention is drawn to D. Dennett's position, according to which, the non-material mind is clearly correlated with the material brain. In this regard, the opinion is expressed that the activity of the cognitive system of the human brain has a circular nature, in which the following stages can be traced: perception, awareness, understanding, thinking, speech and movement. In conclusion, the author shows the role of cognitive cross-function connections in the system of mental reflection of reality.

Research implications. The work for the first time carried out the rethinking of the process of mental reflection of the external world from the standpoint of L. S. Vygotsky's cultural-historical approach, where cross-function connections and relationships play a special role. An attempt has been made to show the true essence and nature of the mental reflection of objects and phenomena of the external world based on the systemic organization of the mental activity of the brain.

Keywords: cognitive system, cross-function connection, brain, neural network, mental reflection

Введение

Для онтологии и теории познания немаловажное значение имеют решение проблемы «мозг и психика», а также осмысление сущности и природы психического отражения действительности. На этот счёт имеется несколько научных теорий. Так, согласно теории психофизиологического параллелизма, психические и физиологические явления представляют собой два независимых и не влияющих друг на друга явления. Напротив, в теории тождества

утверждается, что психические процессы, по сути, есть физиологические процессы, протекающие в мозге. Т. е. в этой теории психику отождествляют с нервными процессами. И, наконец, теория единства утверждает, что психические и физиологические процессы возникают одновременно, но они качественно различны. В данном случае психические явления соотносятся не с отдельными нейрофизиологическими процессами, а с совокупностями этих процессов. В таком случае психику можно рас-

сма­три­вать как системное явление мозга, формируемое у человека в течение жизни в ходе овладения культурно-историческими формами деятельности в обществе. По нашему мнению, это более правильный взгляд на соотношение психического и физиологического в деятельности мозга человека, и мы будем придерживаться его в данном исследовании. Тем более, что он соотносится с культурно-историческим подходом развития психики Л. С. Выготского, в котором, как показал автор, большую роль играют межфункциональные связи. Недаром человеческая психика не дана ему с рождения и не развивается сама по себе по генетической программе, а формируется постепенно в течение жизни в соответствии с развитием мозга и социализацией ребёнка. Таким образом, психика есть результат взаимодействия внешнего (окружающего) и внутреннего (субъективного) мира человека и нейрофизиологической деятельности мозга.

Причём в этой системе взаимодействия важное значение имеют осознание и правильное (неискажённое) понимание действительности, которая постоянно изменяется. Т. е. психическое отражение не статично, а имеет динамический характер в виду пластичности мозга и непостоянства внешней среды. По сути, в этой когнитивной отражательной системе мозга происходит круговой процесс движения материи от физиологического к психическому и наоборот.

Сущность и природа психического отражения

Общепризнанно, что мозг человека является субстратом психики, значит, биологической и психической форм отражения окружающего мира. Однако пока не ясно, является ли психика только свойством нервной системы, реализующейся на нейронной сети головного мозга, или она имеет в нервной системе свой специфический субстрат? Если мы примем во внимание второе, тогда психику нельзя свести только к деятельности нервной системы, по-

скольку мозг как её центральный орган работает в основном по рефлекторному принципу, а в психической деятельности определённо видится нематериальная основа, несводимая к рефлексам. Но, как известно, при нарушении деятельности мозга изменяется и психика, и это как раз указывает на их единство. Т. е. физиологические изменения в деятельности мозга непременно сказываются на состоянии психики. Следовательно, психическое исходит от нейрофизиологического. Но первоначальным источником формирования психики, т. е. её детерминантой, всё же является окружающий внешний мир. Иными словами, психические явления, входящие в структуру поведения, есть результат нейрофизиологической деятельности мозга, опосредованной внешними (экстероцептивными) и внутренними (интероцептивными) влияниями.

Собственно говоря, на это ещё указывал И. М. Сеченов, пытаясь подвести под рефлекторные акты все сознательные и бессознательные процессы, протекающие в мозге человека. В частности, он писал, что физиология предоставляет целый ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с нервными процессами [26, с. 12]. По его словам, «соматические нервные процессы и низшие формы психических явлений, вытекающие из деятельностей высших органов чувств, родственны между собой по природе» [26, с. 19]. Таким образом, вопрос о происхождении психической деятельности по типу рефлексов И. М. Сеченовым решается утвердительно. Но для нас сейчас особенно важно понять, как это происходит в мозге? Как материальный мозг порождает (или воспроизводит) нематериальную психику? Этот вопрос также волновал и И. П. Павлова.

Тем не менее, И. П. Павлов вместо термина «психический» вводит новый термин «высшая нервная деятельность», подразумевая под ним работу коры больших полушарий с ближайшей подкоркой по дифференцированию, анализу и синтезу раздражений, поступающих из окружа-

ющей среды. По этому поводу он пишет следующее: «Я убеждён, что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадёт естественным путём мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу» [22, с. 188]. Далее Павлов отмечает, что временная нервная связь, образующаяся в мозге между нервными центрами, есть универсальнейшее физиологическое явление, но вместе с тем оно же и психическое, называемое психологами ассоциацией. По мнению Павлова, «здесь имеется полное слияние, полное поглощение одного другим, отождествление» [22, с. 230]. Таким образом, видно, что И. П. Павлов явно указывает на единство физиологического и психического в деятельности мозга. И, на наш взгляд, в этом есть суть и смысл деятельности мозга как единой интегративной саморегулирующей системы.

В этой связи возникновение психики в филогенезе видится как закономерное и природно-обусловленное явление. Психика, являясь особым свойством мозга, обеспечивает возможность получения субъектом знаний об объективной действительности благодаря особой связи в мозге с нервными процессами. Иначе говоря, психическая форма отражения действительности реализуется совокупностью познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов, обеспечивающих чувственное восприятие свойств объектов внешнего мира [15, с. 114].

В этом есть адаптивный результат эволюционного развития мозга и психических функций. На основании этого выдвигается гипотеза, что психические образы в мозге формируются как функциональные системы, объединяющие взаимодействие субъекта с объектами среды [18, с. 66]. В этом нам видится общебиологический смысл «движения» живой материи в веществе мозга как таковой. И в этом аспекте действительно могут решаться многочисленные вопросы теоретической биологии

и психологии: частное и общее, уровни организации живого существа, сознание и осознание, мозг и мысль, развитие от простого к сложному, свобода личности в её физиологическом понимании, соотношение разума и чувств в философском и физиологическом смыслах [20, с. 17–18].

Следовательно, процесс психического отражения мозгом действительности в форме образов, соответствующих предметам и явлениям внешнего мира, также должен рассматриваться с системных позиций. Видимо, поэтому есть мнение, что предметы действительности запечатлены в мозге в форме их эмоциональных эквивалентов на структурах акцептора результатов действия функциональных систем психической деятельности. При этом «отпечатки действительности» по голографическому принципу извлекаются доминирующими мотивациями «без потери» информационной значимости результатов, удовлетворяющих исходные потребности. В этой связи системное построение психической деятельности раскрывает механизмы адекватного отражения действительности головным мозгом [27, с. 77]. Можно также отметить и то, что при таком механизме психического отражения акцент в формировании психической деятельности человека переносится от внешних воздействий на исходные первичные внутримозговые процессы [28, с. 73]. И по мере взаимодействия субъекта с окружающим миром всё время обогащается информационный компонент акцептора результатов действия, и поэтому от младенчества и до старческого возраста постоянно идёт накопление знаний и формируется интеллект [28, с. 78]. Но есть и другое мнение на этот счёт.

Психическое отражение понимается как «открытие» субъектом отражения его поведенческого пространства и приспособительного поведения. Т. е. при рассмотрении природы и происхождения психического отражения всё чаще анализируются особенности физического, биологического и психического отражения. И, если учесть, что живые существа способны

к биологическому и психическому отражению и управлению своим поведением, то это значит, что существуют разные формы отражения действительности [12, с. 18]. Соответственно, возможно и то, что мозг и психика на протяжении жизни человека образуют некоторое неделимое единство с нелинейным регулированием психофизиологических процессов. Более того, мозг и психика являются непрерывно изменяющимися образованиями: от структурности и системности, переходящими к проявлению динамического хаоса. Впрочем, тогда их неравновесность является обязательным условием поддержания жизни [11, с. 405]. И это может быть действительно правдоподобно, поскольку в системе «мозг – психика – отражение» не всегда имеет место регулирование процессов, протекающее по типу стимул-реакция. Тем более, что сейчас имеются большие перспективы применения моделей нелинейной динамики в когнитивной науке, поскольку психосоматические связи строятся по принципу циклической причинности. Тело и душа, мозг и сознание всегда находятся в отношении взаимной детерминации [13, с. 46].

Впрочем, Н. И. Чуприкова имеет своё видение на развитие психики и на систему психического отражения действительности, в которой для регулирования поведения человека мозг как телесный орган взял на себя главную функцию. Тогда психическая реальность представляет собой отражательную и регулирующую поведение деятельность мозга. И именно она должна быть признана и фактически уже является онтологическим объектом психологии. Отсюда следует авторский вывод, что процессы психической деятельности мозга имеют двойственную идеально-материальную природу. Они идеальны по своему содержанию, т. к. воплощают в себе вне них существующую действительность. В то же время они материальны, т. к. от начала до конца пространственно-вещественны [33, с. 92].

Однако по мнению Ю. В. Щербатых, психика представляет собой не «продукт деятельности мозга», а естественный режим его работы во время обработки

информации и создания в мозге виртуальных копий объектов реального мира. Формируя психические явления, мозг не просто «отражает» мир, а «смотрится» в это отражение, используя для этого свои потребности высшего порядка [34, с. 105]. И если всё-таки биологи и психологи принимают за основу первичное положение мозга по отношению к психике и сознанию человека, то крайне важно понять, как объективная работа мозга превращается в субъективные нематериальные психические явления [21, с. 160].

В этом отношении изучение высших когнитивных процессов, включающих сознание, неизбежно приводит нас к проблеме психофизиологического дуализма, т. е. «несводимости» физического и психического. И поэтому действительно необходим новый взгляд на мозг и психику через «призму» высших умений человека – искусства и языка [32, с. 834]. Вместе с этим предлагается дополнить основные философские принципы дуализма и физикализма новыми принципами интериоризации, трансформации и экстериоризации, что позволит сформировать методологическую базу для описания высокоупорядоченных процессов, протекающих в системах «психика – тело», «сознание – мозг» [29, с. 48].

В эти модели высокоупорядоченных процессов психического отражения логично вписывается концепция образной психонервной деятельности И. С. Бериташвили, который показал, что образ жизненно важного объекта фиксируется в памяти животных и «извлекается» оттуда для удовлетворения биологических потребностей. Поведение животных в подобных ситуациях управляется не материальными стимулами, а идеальными образами, связанными с морфологией мозга на уровне нервных клеток [14, с. 97]. Поэтому в поисках создания современной фундаментальной нейронаучной теории сознания и разума предлагается рассматривать мозг не как коннектом (нейронную сеть), а как когнитом – нейронную гиперсеть, состоящую из нейронных групп, обладающих специфическими когнитивными

свойствами. В данном случае структура когнитивного тождества в структуре разума, а сознание есть специфический процесс широкомасштабной интеграции когнитивных элементов в этой нейронной гиперсети [3, с. 39].

Тогда можно полагать, что нейронная гиперсеть как субстрат психического отражения действительно сформировалась у человека в антропогенезе под влиянием внешней среды. Таким образом, анализ эволюции психического отражения также позволяет продвинуться в понимании генезиса психического образа и выявить исторические предпосылки, механизмы возникновения и функционирования сложных форм психического отражения у человека [30, с. 56]. Именно поэтому очевидно, что есть необходимость выведения психических функций из законов эволюции и антропогенеза [17, с. 31].

Межфункциональные связи и психическое отражение

Как было сказано ранее, существуют биологическая и психическая формы отражения действительности. Причём биологическое отражение в нервной системе осуществляется по рефлекторному механизму и имеет морфофизиологический (материальный) субстрат, а психическое отражение носит такой характер, при котором объекту внешнего мира в мозге человека соответствуют свой субъективный образ и представления. Причём психическая форма отражения действительности имеет нематериальный, а идеальный характер, т. к. образ не существует в мозге человека так же объективно, как в материальном мире. В этом смысле когнитивная мозговая нейродинамическая система обеспечивает только отображение внешнего объекта вследствие активации определённых локальных областей мозга. Но стоит заметить, что в отражающей когнитивной нейродинамической системе мозга в связи с важностью текущей обстановки происходит избирательность отражения, т. е. субъективный образ возникает в мозге в про-

цессе декодирования поступившей в него информации в соответствии с реально существующим материальным окружением. В данном случае мозг человека выступает не как регуляторный орган человеческого тела, а как источник субъективных психических явлений. А это уже несколько иной уровень его деятельности. И это очень важно понять, поскольку на этом уровне регулирования осуществляется превращение материальных электрофизиологических процессов, протекающих в мозге, в нематериальный субъективный образ.

С этой стороны деятельности мозг человека является не регулирующей телесные процессы системой, но своеобразной когнитивной системой, поскольку всё отражаемое мозгом включает весь реально существующий окружающий мир, а отражёнными являются только те или иные нематериальные психические явления. В таком понимании мозг человека явно изучен недостаточно. Несомненно, при психическом отражении вся воспринятая информация об окружающем мире подвергается обработке мозгом, в чём, собственно, и проявляется активное и избирательное отражение мира субъектом. Следовательно, можно сказать, что при отражении объективной действительности любое внешнее воздействие всегда преломляется через внутреннее состояние каждого конкретного индивида, и поэтому одно и то же внешнее воздействие всегда неодинаково отражается разными людьми. Т. е. одни и те же внешние воздействия вызывают различные субъективные состояния у человека. В этой связи можно сделать вывод, что психическое отражение всегда субъективно, а психика в таком случае есть ни что иное, нежели психическое субъективное отражение объективного мира. Но всегда для человека наиболее важное значение имеет правильное (адекватное) отражение действительности. А это есть такое отражение, при котором внешнее воздействие «проходит» через внутренние психические особенности человека без искажения картины реально существующего объективного мира.

Тогда получается, что каждый мозг отдельно взятого человека не только отражает объективный мир, но и постоянно воссоздаёт некую репрезентацию, динамическую модель мира в соответствии с собственной уникальной организацией и своим индивидуальным ассоциативным опытом [25, с. 24]. При этом нервная система человека постоянно «поддерживает» эту динамическую модель внутреннего и внешнего мира в соответствии с изменяющимися условиями среды. К тому же у человека есть уникальная способность осознавать и изменять эту модель реальности. Причём осознание позволяет объединять психические феномены, возникающие в мозге, и соединять их в соответствии с собственным опытом, когда несколько элементов действительности связываются воедино и каждый элемент приобретает своё логическое место в понятийной системе [25, с. 265].

И здесь следует остановиться на культурно-исторической концепции развития психики Л. С. Выготского, в которой центральным моментом являются вопрос отношения мысли к слову и проблема межфункциональных связей [7, с. 9]. Автором показано, что с развитием человека изменился и сам тип развития психики с биологического на общественно-исторический, при котором существенное значение имеет осознание понятий и операций собственной мысли. По его мнению, произвольность какой-либо функции ребёнка является обратной стороной её осознания, в то время как само развитие состоит в большей степени в изменении межфункциональных связей и отношений. Именно изменение функционального строения сознания и составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития в целом [7, с. 323]. Но только в системе, как указывал Выготский, понятие может приобрести осознанность и произвольность. В этой связи он пишет следующее: «Отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли» [7, с. 456]. Таким образом, от проблемы мышления

и речи Л. С. Выготский переходит к более сложной проблеме слова и сознания. Поэтому мышление и речь, по его мнению, являются своего рода ключом к пониманию природы человеческого сознания.

В дальнейшем А. Р. Лурия развил эти представления Л. С. Выготского в книге «Язык и сознание», где указал на то, что человек обладает новой формой отражения действительности, т. е. не наглядным чувственным, а отвлечённым рациональным опытом. И такая способность мозга человека, по его мнению, характеризует сознание. Т. е. способность человека «выходить» за пределы наглядного, непосредственного опыта и есть фундаментальная способность его сознания [16, с. 8]. Отсюда следует вывод автора, что предметом психологии как науки является не внутренний мир человека сам по себе, а отражение во внутреннем мире внешнего мира, т. е. активное взаимодействие человека с объективной реальностью посредством мозга [16, с. 22].

Другой исследователь, психолог и философ С. Л. Рубинштейн, также акцентировал внимание на связи психических явлений с деятельностью мозга. В частности, он говорил об этом следующее: «Психические явления возникают и существуют лишь как функция или деятельность мозга. Существование в качестве процесса, в качестве деятельности, и именно, деятельности мозга, – таков первичный способ существования всего психического» [24, с. 7]. Причём автор здесь рассуждает о двойственном характере психической деятельности: «Психическая деятельность – это деятельность мозга, являющаяся вместе с тем отражением, познанием мира; одни и те же психические явления всегда выступают и в том, и в другом качестве» [24, с. 7]. Однако здесь нам следует отметить одно очень важное обстоятельство, которое выделил Сергей Леонидович. По его мнению, мозг в данном случае выступает как орган психической деятельности, а не как её источник. Источником же психической деятельности является окружающий мир, воздействующий на мозг [24, с. 9].

И это действительно может быть так, поскольку окружающий мир является отражением пространственно-временных параметров конкретной среды обитания и адаптации к ней. Вот почему принцип опережающего отражения внешнего мира, открытый П. К. Анохиным, является неотъемлемой стороной жизни каждого человека [2, с. 244]. И на основе этой формы отражения действительности специализировался и сам мозг как орган психической деятельности, т. е. орган всеобщего отражения мира [2, с. 252]. Но, так или иначе, детерминантом отражения психического образа всё же является субъективный мир человека, который безграничен в пространстве и времени, а интегральным способом бытия субъективности выступает сознание [10, с. 63–67]. Впрочем, как считает М. М. Решетников, ясное сознание определяется наличием здорового головного мозга, который является необходимым, но недостаточным условием адекватного функционирования человеческой психики [23, с. 202].

С другой стороны, мы видим, что в психологической литературе всё чаще обсуждается природа сенсорного порога сознания и указывается на то, что осознанные решения могут приниматься человеком даже на основе неосознанной информации [1, с. 15]. В этом есть определённый смысл, поскольку осознание действительности и её психическое отражение могут осуществляться с участием трёх отделов нервной системы, которые образуют свою собственную психическую сферу [5, с. 198–199]. В частности, три сферы психики (эндопсихика, мезопсихика и экзопсихика) имеют собственный «набор» психических явлений, каждое из которых выступает элементом соответствующей «сферы». Указанные «сферы» психики представляют собой некоторое атомарное образование, где ядро – это эндопсихика, промежуточный слой – мезопсихика, и наружная оболочка – экзопсихика [5, с. 189].

Таким образом, на примере взаимодействия трёх сфер психики мы видим, как может на самом деле осуществляться

психическое отражение внешнего мира у человека. Но Д. Чалмерс считает, что процесс взаимодействия физического окружения и психического отражения происходит несколько иначе, и указывает на то, что с точки зрения когнитивной науки внутреннее состояние, ответственное за продуцирование нашего поведения, находится ментально вне зависимости от его осознанности. И поэтому он выделяет два понятия ментального: феноменальное и психологическое. Под феноменальным понятием ментального им мыслится сознательный опыт человека. Напротив, психологическое понятие ментального видится им как каузальная основа поведения человека [31, с. 28–29]. Вместе с тем, по В. В. Васильеву, любое поведение можно рассматривать как отношение между ментальными событиями и физическим телом, при котором ментальные состояния кажутся частями единого целого с телом. И тогда получается, что все наши действия вызываются вовсе не желаниями как таковыми, а нейронными процессами, протекающими в мозге [6, с. 87–88]. В таком случае нейронные процессы, протекающие в мозге, действительно являются основой нашего сознания и разума. Ведь не зря же Д. Деннет пишет о том, что нематериальный разум есть сознательная мыслящая вещь, которую мы познаём непосредственно и которая находится в контексте с материальным мозгом [9, с. 33]. Отсюда можно сделать вывод, что человеческий разум заключается именно в способностях мозга как материального органа отражать внешний мир. Но мозг как часть нервной системы функционирует только через многочисленные цепи нейронной активности, структурно связанные с внешним миром через органы чувств. Т. е. деятельность нервной системы действительно характеризуется операционной замкнутостью [19, с. 195]. Причём одно состояние нейронной активности в мозге приводит к другому состоянию нейронной активности, и поэтому функционирование систем мозга в человеческом организме носит круговой характер [19, с. 156]. Собственно

говоря, это обстоятельство подтверждают современные методы нейровизуализации МРТ и фМРТ, которые позволяют прижизненно видеть участие в работе практически всех структур мозга при различных формах психической активности. Однако установление межфункциональных связей между определёнными частями головного мозга человека при когнитивной нагрузке вовсе не объясняет происхождения субъективного состояния. И это, к сожалению, не даёт ответа на главный вопрос, каким образом материя мозга производит субъективное явление [8, с. 8]. Тем не менее, мы надеемся, что посредством категории «мозг» нам удастся прийти к решению фундаментальных междисциплинарных нейронаучных проблем современности, поскольку решение психофизиологической проблемы видится нам именно в понимании телесно-мозговых межфункциональных связей мозга [4, с. 31]. Подобные когнитивные межфункциональные связи образуются на разных этапах психического отражения: от чувственного восприятия внешнего мира до осознания (образования осознанных знаний), понимания (включения знаний в понятийную систему) и мышления (оперирования осознанными знаниями). Заключительными этапами психического отражения являются речевая передача знаний и организация движений. Таким образом, истинная роль межфункциональных когнитивных связей в мозге, очевидно, заключается в обеспечении психического отражения действительности. Т. е. определённо можно сказать, что системное когнитивное межфункциональное взаимодействие в мозге инициирует субъективное психическое отражение.

Заключение

Таким образом, в данный момент есть понимание, что мозг осуществляет психическое отражение внешнего мира и бытийное существование в нём человека на основе когнитивных межфункциональных связей. Т. е. психика и мозг выступают как системные явления, всё время формируя

связи с внешним окружением. Причём узловым моментом в психическом отражении мозгом окружающей действительности являются процессы осознания и понимания происходящих в жизни событий. И хотя психика в целом и процесс психического отражения соотносятся с нейронными процессами, происходящими в мозге, в полной мере они не сводимы к рефлекторным актам. И в этом особую роль играют межфункциональные, а не структурные связи между различными отделами целостного мозга. Причём эти межфункциональные связи образуются не хаотично, а в соответствии с воспринимаемыми объектами внешнего мира или в ходе определённой мыслительной деятельности человека. И в этом нам видится особый смысл и природа психической формы отражения действительности, при которой мозг «строит» единую систему внешних и внутримозговых межфункциональных связей для обеспечения жизнедеятельности. И если в системе «мозг – психика» достигается единство, то оно, очевидно, имеет материально-идеальную природу, поскольку оно, с одной стороны, сопряжено с внутримозговой нейронной активностью, а с другой – с нематериальной деятельностью мозга человека. Но если нейронная активность мозга замедляется, то и мыслительная деятельность мозга закономерно снижается. Следовательно, и идеальное психическое отражение также замедляется. Иначе говоря, сознание и мышление произвольно активируют когнитивные межфункциональные связи в нейронных сетях мозга и стимулируют процесс нематериального психического отражения. Поэтому психическое отражение подчинено сознанию и у человека всегда есть возможность осознать, понимать, «исправлять» своё поведение.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В. М., Карпинская В. Ю. Порог сознания как эмпирическая данность и как логическая неизбежность // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 6. С. 14–24.
2. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Книга по Требованию, 2013. 450 с.
3. Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
4. Артеменков А. А. Категория «мозг» в решении междисциплинарных нейронаучных проблем современности: наивысшее сознательное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 31–48.
5. Балин В. Д. Введение в теоретическую психологию. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2012. 232 с.
6. Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: ЛЕНАНД, 2021. 240 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Эксмо, 2022. 544 с.
8. Гончаров М. Ю., Масютина Д. Д. Философия сознания и методы нейровизуализации // Системная интеграция в здравоохранении. 2020. № 1 (47). С. 5–9.
9. Деннет Д. Разум от начала до конца: новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности / пер. М. С. Соколовой. М.: Эксмо, 2021. 528 с.
10. Мельников Н. В. Детерминанты отражения психического образа человека // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 37–1. С. 63–67.
11. Ершова-Бабенко И. В. Концепт «Brain-psyche-(mind/consciousness...)» и вопрос гипертетории концепта // Вестник Пермского университета. 2021. № 3. С. 405–412.
12. Иванников В. А. О природе и происхождении психики // Национальный психологический журнал. 2015. № 3 (19). С. 15–23.
13. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и своё будущее. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 264 с.
14. Копаладзе Р. А. Иван Соломонович Бериташвили (1885–1974) – у истоков когнитивного бихевиоризма // Успехи физиологических наук. 2016. Т. 47. № 1. С. 97–110.
15. Корниенко А. Ф. Природа психики и психической формы отражения // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 104–116.
16. Лурия А. Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2021. 448 с.
17. Маланов С. В. От определения психических явлений к анализу направлений развития действий // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 2. С. 31–40.
18. Маланов С. В. Эволюционное развитие и проблема локализации психических функций // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 4 (19). С. 62–68.
19. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. Ю. А. Данилова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
20. Наточин Ю. В. Философия физиологии // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 17–27.
21. Ноздрачев А. Д., Щербатых Ю. В. Физиология и психология – диалектика взаимодействия при решении психофизиологической проблемы // Российский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. 2021. Т. 107. № 2. С. 154–176.
22. Павлов И. П. Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности. М.: ЛЕНАНД, 2022. 256 с.
23. Решетников М. М. Мозг и психика // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № 2. С. 201–202.
24. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: АСТ, 2022. 400 с.
25. Свет М. С. Введение в нейрофизиологию концептуального мышления: Код неопределённости. Как наши индивидуальные концептуальные системы определяют мышление, обуславливают поведение и формируют восприятие. М.: ЛЕНАНД, 2022. 408 с.
26. Сеченов И. М. Элементы мысли: Впечатления и действительность: Исследование психики человека и её взаимосвязи с внешним миром. М.: ЛИБРОКОМ, 2022. 224 с.
27. Судаков К. В. От И. М. Сеченова к современным представлениям о системной организации психической деятельности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 77–89.
28. Судаков К. В. Системная организация психической деятельности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 72–81.
29. Тутунджян А. К., Тутунджян А. А., Григорьева В. В. Решение психофизической проблемы // Электронный журнал: наука, техника и образование. 2021. № 1 (32). С. 48–85.

30. Филиппова Г. Г. Филогенез психического отражения: сравнительно-психологический подход к пониманию генезиса психического образа // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 47–57.
31. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2019. 512 с.
32. Черниговская Т. В. Нейрофизиология в поисках смыслов // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2020. Т. 56. № 7. С. 833–834.
33. Чуприкова Н. И. Психическая реальность и предмет психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 92–104.
34. Щербатых Ю. В. Что есть психика? История и перспективы решения психофизической проблемы // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2020. № 3. С. 105–132.

REFERENCES

1. Allahverdiv V. M., Karpinskaya V. Yu. [The Threshold of Consciousness as an Empirical Reality and as a Logical Inevitability]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2021, vol. 42, no. 6, pp. 14–24.
2. Anohin P. K. *Ocherki po fiziologii funkcional'nyh system* [Essays on the Physiology of Functional Systems]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2013. 450 p.
3. Anohin K. V. [Cognit: In Search of a Fundamental Neuroscientific Theory of Consciousness]. In: *Zhurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti* [Journal of Higher Nervous Activity], 2021, vol. 71, no. 1, pp. 39–71.
4. Artemenkov A. A. [Category “Brain” in Solving Interdisciplinary Neuroscientific Problems of Our time: The Highest Conscious]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 2, pp. 31–48.
5. Balin V. D. *Vvedenie v teoreticheskuyu psihologiyu* [Introduction to Theoretical Psychology]. St. Petersburg, Sankt-Petersburg University Publ., 2012. 232 p.
6. Vasil'ev V. V. *Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoy ontologii* [Consciousness and Things: Essay on Phenomenalist Ontology]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 240 p.
7. Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 544 p.
8. Goncharov M. Yu., Masyutina D. D. [Philosophy of Consciousness and Methods of Neuroimaging]. In: *Sistemnaya integraciya v zdorovoohranenii* [System Integration in Health Care], 2020, no. 1 (47), pp. 5–9.
9. Dennett D. From Bacteria to Bach and Back (Rus. ed.: Sokolova M. S., transl. *Razum ot nachala do konca: novyj vzglyad na evolyuciyu soznaniya ot vedushchego myslitelya sovremennosti*. Moscow, Eksmo Publ., 2021. 528 p.).
10. Mel'nikov N. V. [Determinants of the Reflection of the Mental Image of a Person]. In: *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2018, no. 37–1, pp. 63–67.
11. Ershova-Babenko I. V. [The Concept “Brain-psyche-(Mind / Consciousness...)” and the Issue of Concept Hypertheory]. In: *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2021, no. 3, pp. 405–412.
12. Ivannikov V. A. [On the Nature and Origin of the Psyche]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2015, no. 3 (19), pp. 15–23.
13. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Osnovaniya sinergetiki: Chelovek, konstruiuyushchij sebya i svoyo budushchee* [Fundamentals of Synergetics: A Person Who Constructs Himself and His Future]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2018. 264 p.
14. Kopaldze R. A. [Ivan Solomonovich Beritashvili (1885–1974) – at the Origins of Cognitive Behaviorism]. In: *Uspekhi fiziologicheskikh nauk* [Progress of Physiological Sciences], 2016, vol. 47, no. 1, pp. 97–110.
15. Kornienko A. F. [The Nature of the Psyche and the Mental Form of Reflection]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 3 (31), pp. 104–116.
16. Luriya A. R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2021. 448 p.
17. Malanov S. V. [From the Definition of Mental Phenomena to the Analysis of Directions for the Development of Actions]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2017, vol. 13, no. 2, pp. 31–40.
18. Malanov S. V. [Evolutionary Development and the Problem of Localization of Mental Functions]. In: *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2015, no. 4 (19), pp. 62–68.
19. Maturana H., Varela F. El árbol del conocimiento. Las bases biológicas del entendimiento humano (Rus. ed.: Danilov Yu. A., transl. *Derevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya*. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2019. 320 p.).
20. Natochin Yu. V. [Philosophy of Physiology]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2022, no. 12, pp. 17–27.
21. Nozdrachev A. D., Shcherbatyh Yu. V. [Physiology and Psychology – Dialectics of Interaction in Solving Psychophysiological Problems]. In: *Rossijskij fiziologicheskij zhurnal imeni I. M. Sechenova* [Russian Journal of Physiology named after I. M. Sechenov], 2021, vol. 107, no. 2, pp. 154–176.

22. Pavlov I. P. *Izbrannyye trudy po fiziologii vysshey nervnoy deyatel'nosti* [Selected Works on the Physiology of Higher Nervous Activity]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 256 p.
23. Reshetnikov M. M. [Brain and Psyche]. In: *Voprosy psicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov* [Issues of Mental Health of Children and Adolescents], 2017, vol. 17, no. 2, pp. 201–202.
24. Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. Moscow, AST Publ., 2022. 400 p.
25. Svet M. S. *Vvedenie v nefrofiziologiyu konceptual'nogo myshleniya: Kod neopredelyonnosti. Kak nashi individual'nye konceptual'nye sistemy opredelyayut myshlenie, obuslavlivayut povedenie i formiruyut vospriyatie* [Introduction to the Neurophysiology of Conceptual Thinking: The Code of Uncertainty. How Our Individual Conceptual Systems Determine Thinking, Condition Behavior, and Shape Perception]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 408 p.
26. Sechenov I. M. *Elementy mysli: Vpechatleniya i dejstvitel'nost': Issledovanie psihiki cheloveka i eyo vzaimosvyazi s vneshnim mirom* [Elements of Thought: Impressions and Reality: A Study of the Human Psyche and Its Relationship with the Outside World]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2022. 224 p.
27. Sudakov K. V. [From I. M. Sechenov to Modern Ideas about the Systemic Organization of Mental Activity]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2010, vol. 31, no. 2, pp. 77–89.
28. Sudakov K. V. [System Organization of Mental Activity]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2013, vol. 34, no. 6, pp. 72–81.
29. Tutundzhyan A. K., Tutundzhyan A. A., Grigor'eva V. V. [Solution of a Psychophysical Problem]. In: *Elektronnyy zhurnal: nauka, tekhnika i obrazovanie* [Electronic Journal: Science, Technology and Education], 2021, no. 1 (32), pp. 48–85.
30. Filippova G. G. [Phylogeny of Mental Reflection: A Comparative Psychological Approach to Understanding the Genesis of the Mental Image]. In: *Mir psihologii* [World of Psychology], 2009, no. 4 (60), pp. 47–57.
31. Chalmers D. *Soznayushchij um: V poiskah fundamental'noj teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow, URSS Publ., LIBROKOM Publ., 2019. 512 p.
32. Chernigovskaya T. V. [Neurophysiology in Search of Meaning]. In: *Zhurnal evolyucionnoj biohimii i fiziologii* [Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology], 2020, vol. 56, no. 7, pp. 833–834.
33. Chuprikova N. I. [Psychic Reality and the Subject of Psychology]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2020, vol. 41, no. 4, pp. 92–104.
34. Shcherbatykh Yu. V. [What is the Psyche? History and Prospects for Solving the Psychophysical Problem]. In: *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri* [Bulletin of Pedagogy and Psychology of South Siberia], 2020, no. 3, pp. 105–132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артеменков Алексей Александрович – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета;
e-mail: basis@live.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Artemenkov – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Theoretical Foundations of Physical Culture, Sports and Health, Cherepovets State University;
e-mail: basis@live.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артеменков А. А. Философское осмысление сущности и природы психического отражения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-6-17

FOR CITATION

Artemenkov A. A. Philosophical Understanding of the Essence and Nature of Mental Reflection. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-6-17

УДК 13

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-18-36

МЕНТАЛЬНЫЙ АБРИС ФИЛОСОФСКОЙ СЕМАНТИКИ

Ильин В. В.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Калужский филиал
248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В кругу семантических разысканий возникает концептуальная сверхзадача – освоение самоизбыточных (диффузных, «нечётких») контекстов со специфической реляционной, многоуровневой, многозначной семантикой потенциальных состояний, адаптированной к экспозиции «трансмировых линий» за счёт выхода из реалиса в кондиалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив.

Процедура и методы. Процедурным остовом рассмотрения выступил блок общенаучных (индукция, дедукция, традукция, абдукция) и специфических (рефлексия, трансляция и др.) способов освоения реалий.

Результаты. Результат исследования – положительная программа: обосновывается, что в отличие от лингвистической, логической семантик философская семантика оценивает генерируемые образы мира через установление их соответствия предметному строю реальности – с позиции Status Rerum.

Теоретическая и/или практическая значимость. Доктринальное и прагматическое значение материала заключается в демонстрации необходимости перехода от осмысления пропозиций, формул, образов мира, в слове явленных, к стоящим за символами предметам, обстоятельствам, конституентам реальности.

Ключевые слова: текст, произведение, денотативность, коннотативность символических форм

THE MENTAL IMAGE OF PHILOSOPHICAL SEMANTICS

V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga Branch
ul. Bazhenova 2, Kaluga Region, Kaluga 248000, Russian Federation

Abstract

Aim. In the circle of semantic searches, a conceptual super-task arises – the development of self-redundant (diffuse, “fuzzy”) contexts with specific relational, multilevel, multi-valued semantics of potential states adapted to the exposure of “transworld lines”, due to the exit from the realis into the conditialis, from the factive to the counterfactive, from the actuate to the possessive.

Methodology. The procedural framework of consideration was a block of general scientific (induction, deduction, traduction, abduction) and specific (reflection, translation, etc.) ways of mastering realities.

Results. The result of the research is a positive program: it is justified – in contrast to linguistic, logical semantics, philosophical semantics evaluates the generated images of the world through establishing their correspondence to the subject order of reality – from the position of Status Rerum.

Research implications. The doctrinal and pragmatic significance of the material consists in demonstrating the need to move from the comprehension of propositions, formulas, images of the world, revealed in the word, to the objects, conditions, constituents of reality behind the symbols.

Keywords: text, work, denotativity, connotativity of symbolic forms

Светлой памяти В. А. Песоцкого

Введение

Предпринятая нами критика тезиса Лейбница о тождестве неразличимых [6] и обоснование использования в рассуждениях отношения «различия тождественных», где стандартно равнообразное самодифференцируется, формируя понимание онтологической индивидуализации тождественных, подводит к представлению экстенционально-интенциональной поливариантности предметности. Последнее предопределяет размежевание задач известных типов семантик: лингвистическая, логическая семантики – доктрины *voix significative* – не претендуют на реконструкцию, экспозицию предметных определений человечности, – говоря определеннее, – человеческого в человеке. Развёртыванием соответствующей тематизации озабочивается философская семантика, разрабатывающая адекватный аппарат фиксации антропоориентированной реальности.

Особенности предметной сферы

Осуществимым требованием выполнения указанной в постановке проблемы концептуальной сверхзадачи выступает использование нестандартной поисковой экипировки.

Проводя уместные аналогии, позволено говорить о принципах

– суперпозиции: как в онтологической (результатирующая массы влияний), так и в эпистемологической (состояния системы описываются не только различными функциями, но и их комбинациями) редакциях;

– мероморфии: изучаемые соотношения предстают как функции комплексного переменного, выражаемые суммами сходящихся на комплексной плоскости степенных рядов;

– многозначности: функции, принимающие разные значения для одного и того же значения аргумента из пластичной об-

ласти определения функций (в том числе – неявные, обратные);

– размытости (не говоря – мнимости) переменных: не допускающих подстановку постоянных;

– неперечислимости: отсутствие алгоритма последовательного задания элементов (параметры, признаки) (составления их перечня);

– полиморфности: способность вещей в зависимости от условий менять базовые состояния, модифицировать свойства без изменения состава;

– неопределённости: отсутствие точных значений одновременно определяемых величин; выражает многогранную, полифундаментальную природу человекоёмкой материи;

– дискретности: прерывность возможных значений фиксируемых величин, отображающих «квантовые переходы» в состояниях систем;

– необозримости: реальная бесконечность числа степеней свободы систем, инспирирующая количественную беспредельность – необъятность, неохватность – интерпретаций (отсутствие «окончательных» трактовок – онтологическое основание их «конфликтности»);

– целостности: несводимость внутреннего единства к числу входящих в него частей, влекущая осложнения (не прямо, спонтанно) осваивания дискурсией [19, p. 442];

– координации: интегральность содержательной реконструкции предметной картины ресурсами разных языковых (изобразительно-выразительных) описаний; речь не о дополнительной, а о полиэкранности, исключающей минимизацию;

– плюральности: априорное отсутствие «предпочтительных» систем отсчёта в выработке понимания полиотсечных комплементарных контекстов, итоговая концептуальная сценография которых калейдоскопична;

– сложности: антикомбинаторность – отказ от универсализируемого Бэконом, Декартом нахождения онтологически, эпистемически «простых праформ» в пользу выявления синергичных, когерентных, кооперативных эффектов.

Как видно, речь об ином типе аналитической, символической культуры с утированием нестандартных умпотистических инициатив, чувствительных к аутопоэзису, креативному морфогенезу.

Во всех эпизодах заявления формалистического подхода (структурализм – в лингвистике, функционализм – в логике) выхолащивается содержательный момент, утрачивается человеческая смысло-значимость.

Немногие хабитуальные приобретения паушально-формальной семантики купируются пониманием ущербности питающей её идеологии *idem numego*: истончается глубинное богатство

– предметности: формальная семантика имитирует сущность со стороны знаковой представленности, что потворствует толкованию исчисления знаков в качестве самоценной и самоцельной деятельности, каковой на деле она не является; как неоднократно подчёркивалось, «текст» – не агрегация «записей», получаемых через синтаксическое комбинирование символического материала (что и стимулирует лулливско-лейбницеvский комбинаторный метод); говоря строго, «текст» (в редакции «произведение») возникает в створе содержательного сочетания словесно-фразовых элементов, по смыслу далёких, но при сближении образующих единые обобщённые, вполне предметные образы [2, с. 29]. Отсюда – дело погружённого в fiction деятеля – многосмысленная «вечность» (никак не причастное «бренности» «чисто»-писательство);

– доказательности: при формальной оценке демонстрация – суть визуально удостоверяемое обследование выполнения оперативных переходов, приёмов выведения из посылок заключений (из одних записей других); радикализуется фокусировка на структуре формул с установлением

реализации наперёд заданного отношения следования определённой степени строгости. Осматривание череды знаковых рядов считается достаточным для выводов о состоятельности (правильности) доказательства. Говоря проще, если эмпирически не констатируется, что в системе S в качестве итоговой записи фигурирует $0 = 1$, S – состоятельна.

Между тем и лингвистический, и логический опыт объективно преодолевает формализм, навевает разработку когнитивных, релевантных, модальных (сверхзнаковых) углов зрения (лингвистика: аппарат идентификации тропных отношений – сравнение, эпитет, метонимия, синекдоха, метафора, ирония, эвфемизм, эзопова речь, олицетворение, аллегория, перифраз, оксюморон и др.; составление тезаурусов – списков коррелируемых понятий, классификация лексики на гиперонимическо-гипонимической основе [20]; логика: аппарат учёта модальных отношений).

Типологичные процессы, тенденции тем более активизируют философский семантический опыт, отображающий стихию самоизбыточных, безмерных, переливчатых, бликующих связей.

Формализму фронтально сопротивляется жизнь, – в случае глубокой лингвистической, логической семантики – со стороны бастиона: человек – «всё»; в случае глубокой философской семантики – со стороны бастиона: «всё» – в человеке.

Обратимся к фактуре.

В математике, логике «мощность» множества выступает обобщением понятия «количество элементов, частей в целом»; на базе количественной характеристики вводится отношение эквивалентности – «равномощности», детализируемое установлением взаимно однозначного соответствия между элементами сопоставляемых совокупностей. В математике, логике есть равномощность (не беря в расчёт теорему Кантора о множестве (2^A) всех подмножеств множества A, не равномощном ни A, ни его подмножеству, т. е. A, 2^A , 2^{2^A} и т. д. с бесконечно многими кардинальными чис-

лами). В жизни – в стандартной трактовке «равномощности» как множественной функции – равномощности может не быть; здесь равномощность не множественна, а уникальна, индивидуальна. Напомним цветаевское:

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один (только! – В. И.)
Мне равносилен.
В мире, где столь
Многого хощем,
Знаю – один (исключительно! – В. И.)
Мне равномощен.
В мире, где всё –
Плесень и плющ,
Знаю: один (единственный! – В. И.)
Ты – равносуш
Мне¹.

В логике – в «стандарте» – нетерпимость к противоречию (закон непротиворечия – регулятив актуальных рассуждений); в жизни – оксюморон:

Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи².

В математике, логике – идиосинкразия к парадоксам (антиномиям) с устойчивым стремлением блокировать предпосылки в фиксированных системах получать утверждения $a \cdot \bar{a}$. В жизненных ситуациях всё свито из антиномий:

Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою³.

И сильнее: «влюбиться не значит любить. Влюбиться можно и ненавидя»⁴; или: «со злобы любил, эта любовь самая сильная»⁵. И ещё сильнее – Катулл: *odi et amo*.

Не сбиваясь на патетический тон, взять хоть увечную строчку из расхожего шлягера: «Девушки хотят, чтоб всё было так, как они хотят». Учítывая, по вышесказанному, что «хотеть» можно и то, что «не хочется», и даже то, что «хотеть нельзя», и подставляя в исходное, получаем парадокс «хотящих девушек», отвечающий общей формуле $R\epsilon R \sim R\bar{\epsilon} R$.

В логике высшим мерилom, третьейским судьёй адекватности (правильности, корректности, истинности) синтаксических выражений является метаязык. В философии подобную роль подобного языка играет совокупный опыт. В логике метаязык – вполне операциональное средство; в философии метаязык – вполне субстанциональное средство. Существенный прорыв в формальной логике – конструирование семантически замкнутых языков, включающих процедуру самоуверения. В философии сходные попытки конструирования сходных языков всякий раз терпели фиаско (проекты «универсальных» органов вплоть до физикализма, операционализма, системного подхода, синергетики). Последнее – вследствие невозможности (проецируя и на лингвистическую семантику) нахождения «семантических примитивов», проводящих редукцию «сложного» к «простому» (идеология Соссюра – Вержбицкой); такого рода редукция недостижима по учёту того, что крайним «пределом чрезмерности» (Флобер) философских рассмóтрений оказывается самоизменчивый человек.

Ангажированность антропоцентричным взглядом на природу вещей, – именно она отличает сверхформальную, трудно

¹ Цветаева М. В мире, где всяк... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/35376/v-mire-gde-vsyak> (дата обращения: 28.04.2023).

² Цветаева М. Ты, меня любивший фальшью... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/35380/ty-menya-lyubivshii-falshyu> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Лермонтов М. В. Нет, не тебя так пылко я люблю... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/37197/net-ne-tebya-tak-pylko-ya-lyublyu> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml (дата обращения: 28.04.2023).

⁵ Достоевский Ф. М. Вечный муж // Классика.ру: [сайт]. URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/vechnyi.txt&page=26> (дата обращения: 28.04.2023).

артикулируемую щепетильность отнесения «всего и вся» – к человеку.

Избегая неуместных претензий на какую-то всесторонность, полноту, составим некий *vademesim* осмысляемого, обращающая внимание на характерный эффект – подрыв постоянства онтологии, – что картина реальности – суть самоизбыточная картина: не прозрачный «пейзаж» как общий вид какой-то местности; пейзаж есть воспроизведение фрагмента действительности в его отнесённости к личности; во «всяком ... пейзаже движется ... человек»¹. Отсюда – метаморфозы:

– фасцинация: восприятие «городской среды»: «... дыхание занялось в его груди, всё в нём обратилось в неопределённый трепет, все чувства ... горели ... всё перед ним окунулось каким-то туманом. Тротуар нёсся под ним, кареты со скачущими лошадами казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валились к нему навстречу... алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице глаз. И всё это (! – В. И.) произвёл один взгляд, один поворот хорошенькой головки»². Возможно ли такое?

– мультипликация: восприятие «природной среды»: «как, какой непонятной силой этот молчаливый и даже неловкий на вид человек остановил навеки (! – В. И.) тот удивительный вечер на реке и увидел в нём гораздо больше (! – В. И.) прелести и красок, чем увидела в то же самое время она?»³. А такое?

– катарсис: восприятие музыки: звуки мелодии «... будили в нём ... тоску, но теперь к ней примешивалось ощущение едко-сладкое, приятно коловшее сердце, он чувствовал себя так, как будто его обливало что-то тёплое и густое, как парное молоко, обливало и, проникая внутрь ...

наполняло собой все жилы, очищало кровь, тревожило его тоску и, развивая её и увеличивая, всё более смягчало. В душе ... выросла страшная сладкая боль, точно льдина... давившая его сердце, таяла, распадалась на куски, и они кололи его там, внутри»⁴. И такое?

– элегизм: восприятие опустошённого мира: грустно-задумчивые, безрезультатные вопрошания:

Что в жизни без тебя?

Что в ней без упования?⁵

– изумление: восприятие поразительного: «... в их слабых вскриках прозвучал выразительный тон, но не потому, что не узнали друг друга ... а потому, что мгновенным порывом было спросить: как было то? как это? И как все за эти восемь лет? И можно ли, боже мой, наконец, в самом-то деле, можно ли верить глазам, рукам и губам?»⁶;

– самоинициация: восприятие близко-го: «Я видел её смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда»⁷;

– страдания: восприятие вещной среды как свидетельства тайной муки:

Я знаю, ни единый стон

С уст молчаливых не сорвётся,

Но в тайне, что хранят уста,

Твоя рука мне признаётся⁸.

⁴ Горький М. Тоска // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: Государственное издание художественной литературы, 1949. С. 295–296.

⁵ Батюшков К. Элегия («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...») // 45 параллель: [сайт]. URL: https://45parallel.net/konstantin_batyushkov/elegiya_ya_chuvstvuyu_moy_dar_v_poezii_pogas.html (дата обращения: 28.04.2023).

⁶ Трифонов Ю. В. Время и место. М.: Известия, 1988. С. 308.

⁷ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. М.: Советская Россия, 1982. С. 329.

⁸ Шторм Г. Я знаю, ни единый стон... / пер. А. Энгельке // История немецкой литературы: [сайт]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/istoriya-nemeckoj-literatury/teodor-shtorm.htm> (дата обращения: 28.04.2023).

¹ Пришвин М. М. Незабудки. М.: Художественная литература, 1969. С. 100.

² Гоголь Н. В. Петербургские повести. СПб.: Азбука, 2014. С. 17–18.

³ Паустовский К. Г. Ильинский омут. М.: Советская Россия, 1984. С. 302.

Мы обратили внимание на специфическую трансформируемость онтологии в зависимости от антропоморфизации, – тонкость, какую не способны тематизировать ни лингвистическая, ни логическая семантики, не выявляющие скрытые планы реальности при центровке человеческого фактора.

Лингвистическая семантика идентифицирует грамматическое выражение подлежащего, однако без потребной позднейшей квалификации контекстуального его статуса. Проводящий анализ предложения «Суровое зрелище откроется перед вами» [3, с. 307] Выготский специально отличает несовпадение значимости случающегося: грамматическое подлежащее «зрелище» психологически не корреспондирует сказуемому «откроется», уступая ему по аксиологической, модальной силе.

Логическая семантика указывает на неизбежную условность характеристики, тем более – отождествления по *idem species* в стремлении заменить «зрелище» более слабыми лексемами: представленное взору «явление», «событие», «происшествие».

Дело же тем не менее должно сдвигаться с мёртвой точки; сдвигается оно содержательной ощупью – опоясыванием предметной среды человекоёмким эоном – «жизненным существованием». Здесь сразу всё становится на свои места. «Текст» воспринимается объёмно (не как агрегация знаков, скопище пропозиций), – играет красками сверхзнакового образования – с сюжетом, темой, мотивом, интригой, героем, оценивается в терминах семантики референциальной. Мир погружается в сверхидентичное персонифицируемое многомирие, где предметы как бы вспыхивают внутри «душой» и волшебным просвечивают. Почему? Потому что мы обращаем на них «родственное внимание»¹. Возникает многозначительное явление резонанса – ответного звучания настроенных в унисон одухотворённых тел [11].

Рвущееся из груди сердце! Путь к нему – не по кадастру дорог, а по неучитываемой территории жизни.

Герда вдохнула в Кая тепло; душа его оттаяла; неприступное царство Снежной королевы разрушилось одной горячей слезой – слезой искренней заинтересованности, откровенной взаимности. Как тут не поверить в идеальную любовь, «вечную женственность» (Гёте), ведущую к жизненной истине, какая «чувствуется прежде, чем мыслится» (Руссо). «В мечте есть сторона, которая лучше действительности»², – высказывал Толстой. Так и хочется спросить: повествуют ли об этом, по Абельяру, семантики *vox significativa*? Есть ли в них инструмент фиксации капитальных состояний:

- быть человеческим ради человечности, прежде всего – ради себя;

- самопонимания: как сетовал ап. Павел, «не понимаю, что делаю» (Рим. 7: 15), «не то делаю, что хочу» (Рим. 7: 16);

- экзистенциальных прочувствований «сразу и навсегда», уловлений «вечного» в «скоротечном»;

- права на бессмертие вне подленького чувства злорадства, с которым встречается кончина достойного: утверждает Марк Аврелий: «никто не бывает настолько удачлив, чтобы его смерть не вызвала в ком-либо ... чувство злой радости. Пусть он был превосходным человеком – всё же найдётся в конце концов кто-нибудь, кто про себя скажет: "наконец-то мы можем вздохнуть свободно, избавившись от этого наставника"» [16, с. 349].

Философская семантика вступает в полноценные права в деликатных обстоятельствах *pugnae difficiles*, – подправляя Горького, – в печальном бессилии мысли перед лицом тёмных загадок познания, существования, когда приходится не прояснять (лингвистическая, логическая семантика), но задавать (пограничные) смысло-значимости. В качестве примеров

¹ Пришвин М. М. Записи о творчестве // Контекст-74: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 270.

² Толстой Л. Н. Дневник. 3 июля 1851 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 65.

возьмём лишь затруднения алгоритмического разрешения проблем

– жизнесферы:

Попробуйте для доброго найти
К хорошему – хорошие пути¹;

– концептосферы: определение «истинности / ложности» любого данного суждения;

– символосферы: разведение игрового и серьёзного;

– космосферы: воплощение гармонии мира;

– социосферы: приобщение к сиянию «всеобщего света» (по Каменскому – Панавгии) [14, с. 313];

– антропосферы: достижение эвдемонии фундированной «строгой» наукой о счастье, называющей средства, согласно которым «мы можем всегда быть счастливы и становиться... счастливее» [15, с. 397].

В полноте содержания и объёма речь – о своеобразной пансофии (используя фигуру Коменского), версифицирующей сапиента в модусе creator mundi (Playing God) и притязающей на Великое преображение мира ресурсами всеохватного органа, исключающего сомнения: «вход в царство человеческое, основанное на науках, будет почти таким же, как вход в царство небесное» [1, с. 33].

Подчёркиваем: сказанное – преимущественно по части, как говорил Паскаль, *l'esprit de finesse* – изящного ума, через сердечное представительство вскрывающего глубину вещей (не сомневаясь в его наличии и отмечая очевидные переклички в толковании «тонкого разума» Паскалем и «целостного разума» Киреевским [12, с. 274], констатируем в данном месте доктринальную непроработанность указанного гносеологического ресурса, дающего больше, чем нестрогое оправдание, но меньше, чем строгое доказательство. Не оцениваем здесь также и неясные славяно-

фильские умозрения касательно того, что будто бы познание на Востоке отличается «правильностью» внутреннего состояния мыслящего духа, тогда как на Западе – «внешней» «связью понятий». Общее место гносеологии безотносительно культурологических проекций – тезис унитарности интуитивного и дискурсивного в познавательном процессе, удостоверяющий наличие фундаментальных мыслительных констант – ФМК) [7].

В «рутинной» стихии мыслительного самотёка актуализируется менее амбициозная (лучше – экзотическая) задача (сопоставительная с задачей достижения «полноты» истины, счастья в головоломном трепетном «разумопостижении сердцем») – смыслоозначивания сущего потенциалом не формальной (!) философской семантики (в тонирующей дихотомии: теизм: квиетистское упование на чудо во вступлении в Эдем в потусторонней жизни – сциентизм: активистское проектирование чуда в техно-, социоморфизме в потусторонней жизни).

Характер отображения

В гносеологии популярен осязаемый мотив «несокрытости» истины, получающий рамочное оправдание в наивном

– теологизме, утрирующем керигматический потенциал Предания – Писания;

– методизме, утрирующем потенциал «естественного света» всей познавательной организации, принципиально координирующей порядка идей и вещей.

Отмеченное подкрепляет и этимология «истины» – *«aletheia»* (греч.), «естина» (рус.) – как того, «что есть».

Было бы недопустимым простодушием, однако, держаться прямолинейных некритических, профессионально преодоленных взглядов. Суть заключается в том, что истина как отобразительная атрибуция «что есть» – не лежит на поверхности, она не феноменологична (не в прочтении Гуссерля); применительно к нашим баранам – непосредственно формальными лингво-логическими резонами не мотивирована.

¹ Брехт Б. Добрый человек из Сычуани // Royallib: [сайт]. URL: https://royallib.com/read/breht_bertold/dobriy_chelovek_iz_sichuani.html#286720 (дата обращения: 28.04.2023).

Смутно предчувствуя именно такое состояние дел, традиционную экипировку искательства истины расширили апелляцией к музыкальной гармонии [21]; прекрасному – красоте в отображении природы (Гёте)¹; упомянутому «сердечному чувству» (Паскаль, Дюгем) [5, с. 259] и др.

Предощущение «непрозрачности», «самонеданности» истины дополнялось практическим убеждением невозможности её получения прямой истолковательной процедурой в «науке комментирования» (и в религиозной – от ортодоксов до реформаторов, от христиан – экзегетика – до мусульман – ильм тафсир аль-Куран; и в светской – востребующие герменевтики «книги» природы, культуры – сферах).

Гносеологические прозрения усугублялись прозрениями:

– онтологическими: если последовательно исходить из самопротиворечивости «земной основы» (Маркс), отобразительно расщепляющей «видимость» – «значимость», приходится принимать феноменологическо-эссенциологическую – двусоставную конституцию действительности с относительным несовпадением явления и сущности, – толща свидетельствований обыденно-научного материала об отсутствии предустановленности сцепки «явление – сущность», в силу которой (всегда?) сущность – является, явление – существенно и которая исключает вклинивание в неё (сцепку) иллюзорности, мнимости (кажимость);

– антропологическими: озадачивающими рефлексивно не прорабатываемыми парадоксальными казусами типа «в обилии – гибель»:

От жажды умираю под ручьём²

В прямом и переносном смысле.

¹ Гёте И. В. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 10 / под общ. ред. А. В. Луначарского, М. Н. Розанова. М.: Государственное издание художественной литературы, 1937. С. 717.

² Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа // Аскбука литературы: [сайт]. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/fransua-viyon/ballada-poeticheskogo-sostyazaniya-v-blua.html> (дата обращения: 28.04.2023).

Резюмируя доводы, приходим к девальвации формальной лингво-логической экспликации вариабельной природы вещей посредством аналитики языковых (выразительно-изобразительных) массивов, добывающейся установления (морфологических, лексических и т. д.) оттенков слов (лингвистическая семантика), равно как и их (атомарных предложений) значений истинности (табличный, метаязыковой способ и т. д.) (логическая семантика).

Вызывает необходимость очищения духа от *hybris* структуралистско-функционалистских притязаний во имя послойного освоения предметности в определении (на весах пониманий) человеческих путей в мире.

Для расширения перспектив, углубления насыщенности размышлений оттолкнёмся от семантизации «осени», наделяющей и не наделяющей конкретное время года (природная определённости) субъектностью (антропная определённости). Возьмем «Осень» в исполнении Пушкина и Левинзон.

В классическом залоге проводя характеристизацию времён года, Пушкин высказывает о себе, отмечая, по каким причинам ему не близки весна, зима, лето и в силу чего он расположен к осени. Вводя оксюмороны

Унылая пора! Очей очарованье!

...

Люблю я пышное природы увяданье...³

последующие уместные и даже пикантные детализации

...

Здоровью моему полезен русский холод;

...

Легко и радостно играет в сердце кровь,

... я снова счастлив, молод,

Я снова жизни полн...⁴

поэт получает мизансцену, обеспечивающую доверительный разговор о расцвете его обильных, вне осени не растрачивае-

³ Пушкин А. С. Осень // Культура.ру: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4408/osen> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Там же..

мых, рвущихся на волю сил. Испытывая блаженство совпадения внешнего и внутреннего в полновесном проявлении собственных возможностей, художник предаётся вожделенному – творчеству. Душа его

... стесняется лирическим волнением,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне¹

...

с вполне ожидаемым итогом

... мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и ...²

О чудо! – рождается произведение (не текст!).

Совершенно иной подход к тематизации осенней поры периодических сезонных изменений природы заявляет Левинзон. В фокусе её внимания – экзистенциальные инкарнации, центроположенность человеческого в натуралистическом, что при персонификации натуралистического в его агрессивном наступлении на человеческое влечёт неконсистентность символически образуемых систем «человек в осени» – «осень в человеке».

Небольшое ёмкое, повествовательно устремлённое на финал создание творческой мысли Левинзон заслуживает восприятия произведения.

Осень – она не спросит,
Осень – она придёт.
Осень – она вопросом
В синих глазах замрёт.
Осень дождями ляжет,
Листьями заметёт...
По опустевшим пляжам
Медленно побредёт.
Может быть, ты заметишь
Рыжую грусть листы,
Может быть, мне ответишь,
Что вспоминаешь ты?

Или вот это небо,
Синее, как вода?...
Что же ты раньше не был,
Не приходил сюда?
Пусть мне не снится лето,
Я тебе улыбнусь.
А под бровями где-то
Чуть притаится грусть.
Где-то за синью вёсен
Кто-нибудь загрузит...
Молча ложится осень
Листьями на пути...³

Три восьмистишия далеко не идеального живого поэтического слова (опуская профессиональный разбор стихов с характерной инструментальной, обилием ассонансов, неполных рифм, ненарочитых повторов и т. п.).

«Осень» Пушкина выполнена в ключе «семантика природоведения». «Осень» Левинзон выполнена в ключе «семантика человековедения». Два разных типа семантик. В одном случае «увядание природы в сезонной поре», в другом случае «увядание личности в закате жизненного процесса». Действительно.

Персонифицируемая, наделяемая субъектностью, но остающаяся антропно не проявляемой, – аморфная, едва ощутимая, но ощущаемая, суровая, жестокая стихия подступает, наступает и, тесня, – лишает; из мрачного подспудья видопоказательно убеждает: горе – не продаётся, счастье – не покупается, – они приходят и уходят вместе с утверждением осени. Осени жизни.

Сближение с линией существовательного горизонта отягощает мучительным раздосадованием: вчера – нет; сегодня – преходяще; завтра – может не быть. Где место каждого из нас на мировой линии? В движении «на закат» – оно не завидно. Не завидно разодолжительством – неожиданным удивлением упрочения всеохватного опустошения. Экзистенциальная «осень» именно – об этом. Об утрате всего и – самоутрате.

¹ Пушкин А. С. Осень // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4408/osen> (дата обращения: 28.04.2023).

² Там же.

³ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

Каждое мгновение здесь – текст единственной мелодии «Ближе к тебе, Господи!» Мелодии, звучащей в груди не тех, «кому за», но всех. Каждого, ибо расходуется запас внутренних сил, исчезает радость жизни, пропадают её краски, теряет насыщенность колорит.

Ужасная безысходность. Всё поглощает океан забвения: что раньше удивляло, впечатляло, потрясало, – перестаёт волновать. Всё топится пучиной тщетности.

Странная и страшная история. В особенности на фоне практического осознания того, что «быть человеком» актуализируется со стадии узнания себя. И вот тут-то, когда только-только овладеваешь «материалом» потребного, срачиваешься с ним, настигает окаянное. У одних учащаются срывы, у других истерики, у третьих приступы безразличия. Но без исключения у всех крепнет чувство последнего рейса. Все переходят в состояние среднечеловеческого нуара – состояние осени.

По всему видно, – осень – унылая пора! Пора межеумочности – нечёткости, неточности, промежуточности существования, когда почти всё было и почти ничего не будет. Обескураживающее «почти», в котором, однако, теплится надежда, побуждающая играть в практически сыгранной пьесе жизни. Где все мы – актёры, произносящие всё более кривые, короткие тексты своих уже сыгранных ролей.

Осень – насыщенное место – на меже; средостение «было – как бы (условно) есть – не будет». Место сосредоточения обладаемого и пропадаемого; место сетования, что принадлежащее нам – не наше.

Истощается плоть, умаляется душа, – место, знаменующее событие обратного отсчёта времени, – времени соборной молитвы по невозвратному.

Осень – экзистенциально трудный сезон, обременяющий свои концептуальные трактовки неожиданными подрастваниями, со-значениями, многоликими со-мыслями, со-смысливаниями, не оставляющими сомнений: осень – не природное, –

человеческое явление, постигаемое соплодием «вечности – мига».

Исключительно об этом – налитанные орудием чудотворства – метафорами, – в общем незамысловатые, но ёмкие стихи Левинзон.

И восьмистишие – непретенциозное озачение-недоумевание – констатация буквально в стилистике опытных протоколов. Не условий расцвета органики в сезонной периодике, а неуклонного складывания предпосылок её одряхления. Последнее прямолинейно навязывают антропоморфизирующие глаголы, в пакете с идущим рефреном местоимением 3 лица женского рода придающие отстранённую персонификацию отрешённой, ничем не сдерживаемой разрушительной силе. Используется олицетворение.

Проходя катком, точно «чёрный ворон», переезжая «нашу маленькую жизнь», гипостазированная сущность, – не спрашивая, «приходит», в ничего не подозревающих, относительно неспросчитываемых судьбических извивов всегда наивных синих глазах «замирает». Замирает не имеющим ответа вопросом. Точнее – скрытыми вопросами: как, когда, почему, зачем?

Неисповедимы пути Господа; не ясны повороты судьбы. Но осень не играет на поле «движущие силы истории», она предугадывает, лишая проективизма – целесообразно-разумного контроля индивидуального будущего. Тем более, что будущее уже наступило, и ждать особенно нечего. Кончились чудеса, когда тлело желание и возможность жертвовать всем и собой ради мечты. Сказки выводят из приниженности, но возникает момент, с которого бессмысленно рассказывать сказки. Отменяя мечты, сказки, осень отменяет перспективы, обескураживает, укрепляя тревожные чувства предзнаменованиями – маркерами зримых изменений среды двойного назначения, для чего используется активная предикация непосредственной участности: осень – дождями «ложится», листьями «заметает», по некогда обеспечивающим буйство самореализации – пиршество полнокровия – пляжам медленно «бредёт».

И что? И – всем происходящим недвусмысленно намекает на подведение итогов. Не как говорил Трифонов, – не предварительных!

Жизнь – подобие тоски неизбывной; неизбывная тоска – модус жизни, – en forme de carpe хитросплетения новообретаемой тревожной формы сущего и существования детализирует II восьмистишие, отчётливо показывающее: безвременность времени, лукаво подмигивающая безысходность разрушительно действуют на человека.

Причина бытия времени, – дабы всё не случилось одновременно, – высказывает Эйнштейн. С наступлением осени «всё» становится одновременным, а значит, онтологически – вневременным, экзистенциально – безнадежным, безысходным. С человеческой точки зрения осень сеет страх, недоумение, разделение. Лишая иллюзий, она выбивает подпорки из-под самоосознания.

Если после августино-декартовской доктринации cogito камнем преткновения гносеологии выступало освоение «чуждого и чужого», то вследствие вступления в сезон деграданса, обострения «увядания» отменяется действенность cogito «своего». По той простой причине, что каждого когносценда не удаётся расположить к (шопенгауэровской) схеме мироздания, по которой индивидуальные увечья – движения в никуда, к ничто есть форменные благоприобретения космической вечности.

Движение к смерти для лица – зло, для мира – добро; – в такой стереоскопии трудно развёртывать философию cogito как родовую галерею «идей и дел»: потому что, во-первых, неизбежность событий равна для всего [4, с. 189]; во-вторых, творение человеком мира – не чудотворение; проект «антроподицея» неизмеримо сложнее проекта «теодицея».

До удивления горячее отношение к сказанному – в горьких и точных словах разбираемой строфы.

Осень Пушкина источает «свет», осень Левинзон – «покой». Перипетии успокоенного «внежизненного» времени дискурсивно трудно схватываются, – взамен гно-

сеологически выверенных инструментов реконструкции «стандартной» реальности задействуются беллетристические механизмы нащупывания экзистенциальных инкарнаций. В данном случае – ненавязчивые наводящие вопросы, приближающие уразумение человеческих развоплощений.

Может быть, ты (наконец, и – ты! – В. И.)
заметишь
Рыжую грусть листвы...¹

Безжизненная картина непышного природы увядания – опавшая листва – утраченное ens realissimum, подножие существования; точно шрам на сердце, непоправимое повреждение – контрапункт, где очарование переходит в разочарование. Неизбежная разрушительная работа времени. Таймер отсчитывает «быстрее, быстрее, быстрее». Всякое мгновение на вес золота; череда наваливающихся невосполнимых утрат трудно переносима. Обилие изнуряющей меланхолии, хандры, мрачно-томительной скуки.

Осень – проникающий угнетающе-топливый период – период силина, экзистенциальной диастазы времён, когда жизнь перемещается в память. Обозначенное – камертон единой и единственной (не по Тиллиху) тревоги.

Осень – драма, засвидетельствуемая и натуралистическим образом – рыжей грустью листвы.

С детской вредностью

Жизнь уходит сквозь пальцы
Жёлтой горстью песка².

Что остаётся? Воспоминание. Потому – резонный вопрос:

Может быть, мне ответить,
Что вспоминаешь ты?³

¹ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

² Шпаликов Г. Остаётся во фляге невеликий запас // Геннадий Шпаликов: [сайт]. URL: <http://shpalikov.ru/index.php/stikhi/109-ostaetsya-vo-flyage-nevelikij-zapas> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249>

Однако же не дышащая в затылок памятная связь с былым перестаёт расширять душу. Вопрос – безответен.

Новая попытка произвести реинкарнацию по удалённому примыканию:

Или вот это небо,
Синее, как вода?..¹

Попытка оборачивается пыткой: «из бездны сувениров не несут» (Ахмадулина). Востребующая встречного отклика обязывающая адресация к «небу» – всечеловеческой, надчеловеческой ценности, заслуживающей гласно-ответной реакции (на «примыкание»), увы, также безрезультатна!.. «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим. 12: 2) отрезвляет ап. Павел.

Отчаянное, исчерпывающее возможности заключительное вопрошание выглядит тяжело и прерывисто:

Что же ты раньше не был,
Не приходил сюда?²

отзывается безутешным, безучастным безмолвием. Слова все сказаны, и они – в прошлом; в настоящем, перефразируя Бунина, всё в мире – не моё. А коли так, – говорить не о чем. Silentium.

От I ко II строфе просматривается упадочническая динамика: I формирует безотрадный, раздосадывающий ландшафт, II усугубляет его безысходные отклики. Терминальную потугу восстановить причастие универсуму неутраченной жизни погруженному в глубокую «осень», истосковавшемуся лицу предпринимает III восьмистишие.

Укротимо ли неудобье осени? Как с ним справляться? Движением от реминисценций – былого и бывшего – к подлинному.

Пусть мне не снится лето³

www.bards.ru/archives/part.php?id=21249 (дата обращения: 28.04.2023).

¹ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

² Там же.

³ Там же.

Даже не снится! Ибо и лето – не моя почва, где не прорастают и не прорастут никакие цветы. И всё же, всё же, всё же –

Я тебе улыбнусь⁴.

Улыбкой – не усмешкой изнеможения. Зазор между памятным в прошлом и его отсутствием в настоящем преодолевается порывом искренности, заставляющим глаза вспыхивать не мрачным огнём

А под бровями где-то
Чуть притаится грусть⁵.

Пускай искра подлинности не разожжёт костра прежних желаний. Пускай, как утверждалось в II – экзистенциальных заметках об осенних впечатлениях, – былого не вернуть и «неба» не возратить, – и тем не менее природно утраченное восполняется рукотворным.

Сила – в мелочах, тем более – многозначительных. Потому – нет смысла питаться идеей отрицания: за гранью вечности встретиться случая не представится. Жизненная вечность – миг. Тем более – когда тебе – улыбаются. Сердечная улыбка, скорее всего, не поведёт к чему-то большему; натурально, этого жаль, но не эсхатологически: грусть затаивается еле-еле, едва-едва – «чуть» и не в глазах – зеркале души, – а на периферии – где-то на выступе над глазной впадиной. Ощущение этого теплит надежду: вопреки Экклезиасту нечто новое есть и под солнцем (Эккл. 1: 9).

Неумолим ход безвременья, но уже в неопределённом – не нашем – насыщенном месте –

Где-то за синью весен⁶

там – ледяным безутешным трепетом
неопределённый

Кто-нибудь загрустит⁷

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Мы же (я, ты, подобные нам) выходим во вне процесса. И спасаемся: точно сторонние наблюдатели, отчуждённо созерцаем, как

Молча ложится осень
Листьями на пути...¹

Стихи не имеют окончания, завершаясь недосказанным отрешённым многоточием. Вместе с тем – проясняется: мечты сбываются не только в вымыслах (почему люди любят сказки); смысловое замыкающее заворачивающее пианиссимо – не наш напев. Мы отживаем. Между тем – когда мы отживём? – очевидно: когда отживут нам улыбающиеся. Почему? Потому, что нас перестанут одаривать взаимностью. Не срывающая цветов удовольствия подлинная взаимность – это всё, что у нас есть. И оно – сверхценное всечеловеческое. Неотменяемое никакой осенью, оставляющей со своим приходом «жизнь на грани тления» (Гегель) – опавшие листья.

Философскую – неформальную и лингвистическую, логическую – условно «формальные» семантики разделяет бездна; они прокламируют, объективируют разноматные сущности.

Образная правда. Философская (гносеологическая) семантика оценивает *data cogitata* как образы мира через их соответствие предметному строю действительности; сверхцель её – *status rerum*.

Лингвистическая семантика оценивает регуляторы изобразительно-выразительного свойства, – варьирования оттенков мысли в словесной фиксации; в сцепке образности с правдой она поглощена «образностью». Для усиления впечатлений в выполнении произведений художник идёт на искажения, представления явлений в ложном свете: Лермонтов, обходя «правду жизни», заставляет в «Мцыри» барса «весело визжать», «вставать на дыбы»².

Фактические несообразия подобного рода специально подмечал бывший некогда звероловом Сельвинский, указывавший: барс, не будучи собакой, не визжит, не будучи лошастью, на дыбы не встаёт. Игнорируя опытную адаптивность, беллетристика превозносит изобразительно-выразительную яркость, живость – тропность, – образы мира, в слове явленные [17], которыми и упивается лингвистическая семантика. Недалеко уходит логическая семантика, оценивающая аппарат исчислений как набор правил компоновки знаков (законы исчислений высказываний, классов, отношений, предикатов).

В обоих последних случаях интерес мысли прикован к знаковому характеру человеческого символизма, тогда как в первом случае он выступает распознаванием в символизме предметной стороны, – не отвлечением от неё, но в неё вовлечением.

Поле значения. Повышенное внимание в данном отсеке изысканий лингвистическая семантика уделяет установлению внешней (звуковое выражение) и внутренней (этимология) формы слова. В предметно-жизненное измерение своих построений не вникает и логическая семантика, ставящая на формализацию – синтаксическое преобразование знаков в исчислениях с последующим установлением истинностных значений из фиксированных областей их задания.

Ничего сходного (беря в расчёт и этимологию) – в философской семантике, открытой для освоения не «слов», но мира. Объекты лингво-логической семантики – слова, пропозиции, формулы; объекты философской семантики – предметы, обстоятельства, конституенты реальности.

Попытка обойти логический функционализм уравниванием каузального и имплицативного остова рассуждений представляла задачу Льюиса [22], намеревавшегося блокировать парадоксы логического следования шестью исчислениями $S_1...S_6$ с модальными операторами (алетические «необходимо», «возможно»; деон-

¹ Левинзон И. Осень // Bards.ru: [сайт]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=21249> (дата обращения: 28.04.2023).

² Лермонтов М. Ю. Мцыри // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/36709/mcyri> (дата обращения: 28.04.2023).

тические «обязательно», «позволительно»; эпистемические «знаю», «верю»; темпоральные «всегда», «иногда» конструкции).

Наиболее представительное (базисное) построение S_5 , однако, комбинирует, опять же, отрешёнными параметрами рефлексивности, симметричности, транзитивности, не отвечает фактосообразному углу зрения. (Одна из теорем S_5 декларирует: всё, что необходимо, существует действительно. Последнее, конечно, не так, что в обход практического убеждения: от логического к фактическому нет прямого моста, находит дополнительную поддержку в общеизвестной критике гегелевского панлогизма – тезиса: «всё разумное (мысле-необходимое – В. И.) – действительно!»)

Поле смысла. В отличие от лингво-логической семантики философская семантика не только денотативна, но и коннотативна. Коннотативность в нашем вопросе – естественная текучесть, летучесть, неуловимость, перманентная смысло-преобразуемость, заменяемость, замещаемость, изменяемость – несохраняемость исходных трактовок, – следствие привнесения сопутствований, подразумеваний, привхождений, соположений.

Лингвистическая семантика идентифицирует и локализует тропы – переносы, иносказательные вторичные значения слов, уподобления для характеристики явлений через трансляцию признаков по нестандартному расширяющему пониманию через придание эффектных оттенков, окрасов, ярких определений, индивидуализаций, переименований, сопутствований, контрастов, смежности, сходства, сопереживания, использования имён собственных в качестве нарицательных, замещения прямых средств предикации косвенными и т. п.

Логическая семантика, как отмечалось ранее, всячески противится полисемантизму (арсенал аксиоматизации, формализации, образования предметов рассмотрения списочным образом, введением правильно построенных предикатов, по возможности – исключение непредикативных формулировок).

Вопреки указанному философская семантика всячески пестует полисемантичность, навлекая эрозию повсеместных канонов мыследеятельности, правил восприятия, оценки, универсализации смысла-значимостей. Её исконная стихия – подрыв тождества, эвристичное оправдание локальной (не «запатентованной» в интенциональных логиках) многозначности. Используя логически «нелепые» (архаичные) законы олицетворения, инкарнации, воплощения, манифестации, – приёмы символизации [8] «насыщенных мест», философская семантика «отменяет» лобовые, наивные, житейски неплодотворные техники отождествления, идентификации, консистентности; центрируются начала оборачиваемости, многогранности, диспозициональности, стереоскопичности, поливариантности.

Именно они – названные начала – обеспечивают бесперебойное движение по маршруту «тревога жизни» в достижении «света – покоя».

Нет заманчивей задачи, чем уяснить внятную сердцу метафизику перехода сущего в несущее, взаимодействия временного с вечным. Не злоупотребляя комментированием, обратим внимание на такие тютчевские строки, выполненные в стилистике образных «крутых поворотов».

Диспозиция:

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушёл...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью тёмной¹.

Краткая, до обидного отрезвляющая остановка, прерывающая исполнение экзистенциальной саги. Где лицедей истории?

¹ Тютчев Ф. Святая ночь // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45550/svyataya-noch> (дата обращения: 28.04.2023).

На самого себя покинут он –
Упразднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...¹

Выдворенный из бурного жизненного потока, человек вытеснен в воспоминания. В них и обретает радостное причастие общеродовому.

Образное семантическое решение «насыщенного места». Доходчиво и убедительно. С недопускающим пересмотра убеждением: ничего нет страшнее, непредсказуемей человеческой жизни, переходящей из «осенней» в «ночную» пору. Иллюзии развеиваются: после «осенних» «ночные» прозрения – наиболее мудрые, где мудрость сравнивается с честностью, но и – наиболее страшные. С данного конкретного момента всё чаще начинают дрожать губы, в глазах не перестают стоять слёзы...

Индикаторы не телесных – душевных ущербов, – непроходящей боли, которая не лечится – только множится. Множится жуткой пустотой меркнувшего, мерцающего существования. Сменив осень, ночь

... с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...²

И что же?

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!³

Что такое «осень», «ночь» как стадийные жизненно-смысловые судьбические состояния? Вопрос – в человеческий кос-

мос, который никак не осваивают ни лингвистическая, ни логическая семантики.

Инструментарий. В философской семантике теряет универсальность приём квантификации (как, впрочем, в математике – неявное допущение безграничности количественной детализации предмета изучения: в любом масштабе он возможен. С безразличием к качеству уже нельзя мириться в комбинировании бесконечными совокупностями, навязывающими необходимые дифференцировки «количественного» и «порядкового»).

Философская семантика опирается на специфические способы «выслеживания истины» (Толстой) в антропологически ёмких ареалах – типа ареалов экзистенциальной «осени», «ночи», представляющих метонимические олицетворения, гигантские эпитеты смысловых фазовых переходов, не влияющих на объём, но перегружающих содержание, осуществляющих переизбыток сущего. В нашем плане «осень», «ночь» – пункты не тяги к самоистязанию, но тоски по недостижимому. Человек уходит в себя, как устрица в раковину, переживает свою боль в одиночестве. Тело выходит «из своих суставов» (Шекспир); душа рвётся на куски от бесчувственности к лавине восторгов. Наступает уныние, заполняет тревога, не преодолеваемая силой воли [18, с. 232]. Настойчивая, устойчивая, всепоглощающая пустота!

Персональная самоутрата, существовательная потерянная, внутренне безрадостная, смутная остановка, бедные надеждами (не до книжной идеальности!) угрюмые ожидания. Человек превращается в дерево, лишённое питающих корней...

Жизнь даёт один урок – невозможности; она исключает повторения (на фоне утверждаемого сомнительна идущая рефреном мысль Марка Аврелия: жизнь – повторение: всё в ней «однородно и единообразно») [16, с. 310].

Как всё это выразить становящимися ложью (Эсхил) словами, тем более укрощаемым потенциалом «пропозициональных» семантик.

¹ Тютчев Ф. Святая ночь // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45550/svyataya-noch> (дата обращения: 28.04.2023).

² Тютчев Ф. День и ночь // Тютчевiana: [сайт]. URL: <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/128.html> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Там же.

Тематизация. И лингвистическая, и логическая семантики отвлекаются от предметных связей, довольствуются явлениями связей структурообразующих (синтаксических, лексических, имплицитных и т. д.). В философской семантике совершенно иные принципы установления связей, обуславливающие специфическую композицию тематизирующей процедуры.

Любой отсек мыследеятельности воздействует весь логический арсенал познавательного снаряжения в лице индукции, дедукции, традукции, абдукции. Не является исключением философская семантика, в тематизации, версификации интересующего её предметного материала применяющая (от лат. *ducere* – «вести») наведение; вы-ведение; пере-ведение; но активнейшим образом прибегающая к приведению. При-ведение – абдукция – суть творческий приём, по разъяснению Пирса, заключающийся в том, чтобы «предположить теорию, которая объясняет... множество исследуемых фактов» [24, р. 209].

Наглядная схема абдуктивного мыслотока: имеются данные Е; под них подводится эксплицирующая гипотеза Н; при согласовании Е с Н допускается, что Н правдоподобна (именно так, поскольку с Е когерируема и ложная Н).

Абдукция – эвристическое расширение без явных правил (о механизме продуктивных, креативных инициатив речь – в 7 книге сериала по теории познания [9] с упором на опыт работы в материале, активизирующем фигуры профессиональной логики (позволяющей, кстати, снимать формально-логические трудности типа парадокса подтверждения, поскольку по закону преобразования суждений исходное утверждение «все вороны чёрные» формально эквивалентно утверждению «все не чёрные существа – не вороны», тезис «белый пароход» – «не ворон и не чёрный» – подтверждает исходное утверждение. Парадокс подтверждения купируется отходом от формально-логической точки зрения выбором релевантного универсума, чувствительного к базовой предметной

сфере и сцепленного с ней релевантным (! – не любым) образом).

Так – в науке, увязывающей абдукцию с более широкой профессиональной логикой, легализующей предметосостоятельные семантические директивы.

Гораздо дальше идёт философская семантика, подключающая не только профессиональную, но и антропную логику [10], нерв которой – нюансирующая аналитика, добывающаяся чувствительности рефлексии к вариативности признаковых групп.

В логике, математике – засилье антивариативности, торжество идентичности, в силу которого интерес познания устремляется на демонстрацию равнообразности по сухой кальке: одно (x) тождественно другому (y), если для всякого исчезающе малого (ϵ) разность между отправным минимальна: $x = y \sim \forall \epsilon |x - y| < \epsilon$.

В философских разысканиях такого рода калька – не работоспособна: "х" и "у" может отличать любое, сколь угодно малое ϵ , но различия между ними могут быть непомерно большими. Для подкрепляющего примера озаботимся: может ли любящая мачеха заменить ребёнку любящую мать? Насколько транзитивно сердечное чувство глубокого расположения, самоотверженной, искренней привязанности? Определяется ли оно – всецело – физиологическим родством? Тогда – в чём разница? И можно ли её фиксировать лексически, логически?

Задание истинности. В лингво-логических разысканиях истинность толкуется функционалистски в обход обязывающих адресаций к фактическим (литература: у Шекспира по разным актам леди Макбет то имеет, то не имеет детей; у Гоголя Чичиков летом одевает шубу и т. д.); смысловым (логика: парадоксы материальной, сильной импликации и т. д.) связям. В философских (гносеологических) рассматриваниях истинность толкуется субстанциально – по отнесению к *status rerum*.

Заключение

Лингвистическая семантика выстраивается на учёте правомочности / неправомочности предикации с позиции маркерности корректности / некорректности («идея – треугольна»), ситуативной нормальности / аномальности (оксюмороны), категориальной последовательности / непоследовательности, совместимости / несовместимости переноса на что-то некой системы признаков («спят курганы тёмные») [13], влекущих лексические противоречия. Принимаются во внимание смыслы, значения слов – не обстоятельств!

На этом же поле играет логическая семантика, анализирующая знаково-символические операции по схеме: атомарное предложение P(a) истинно, если замеча-

емый «а» объект обладает свойством «Р»; изыскание же, насколько Р сообразно реальности, не входит в компетенцию логики. С предметной точки зрения логическая семантика оказывается семантикой «указания», исследующей отношение «имя – обозначаемый объект» [23] вне и помимо уточнения его онтологического статуса.

Философская семантика не является теорией «указания». Истинность предложений устанавливается здесь объёмной оправдательной процедурой, предполагающей обращение к материальному (не номинальному) существу (корреспонденция языковых выражений внеязыковым обстоятельствам).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост. А. Л. Субботин. М.: АН СССР, 1978. 593 с.
2. Виноградов В. В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Материалы и исследование по истории русского литературного языка: в 4 т. Т. 3. / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 4–44.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 503 с.
4. Дидро Д. Собрание сочинений. Т. 5 / пер. Р. И. Линцер. М.; Л.: Academia, 1936. 657 с.
5. Дюгем П. Физическая теория. Её цель и строение / пер. Г. А. Котляра. СПб.: Образование, 1910. 326 с.
6. Ильин В. В. О различии тождественных // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 6. С. 381–389.
7. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
8. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2013. 380 с.
9. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.
10. Ильин В. В. Философская антропология. М.: Книжный дом Университет, 2008. 232 с.
11. Ильин В. В. Философия гуманитарного знания. *Studia Humaniora*. Гуманитаристика. М.: Проспект, 2019. 256 с.
12. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
13. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2012. 352 с.
14. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 656 с.
15. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 3 / ред., сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1984. 734 с.
16. Марк Аврелий. Наедине с собой // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / сост. В. В. Сапова. М.: Республика, 1995. 463 с.
17. Тамарченко Н. Д. Теоретическая поэтика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 286 с.
18. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. А. Боковникова. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
19. Bradley E. H. *Appearance and Reality*. Oxford: Clarendon Press, 1966. 570 p.
20. Hallig R., Wartburg W. v. *Systeme raisonne des concepts pour servir de base a la lexicographie*. Berlin: Akad-Vlg, 1963. 315 p.
21. Kepler Y. *Harmonices mundi*. Lincii Austriae, 1619. 255 p.
22. Lewis C. J. *A Survey of Symbolic Logic*. Berkeley: University of California Press, 1918. 412 p.
23. Martin R. *Intention and Decision*. New York, 1964. 188 p.

24. Peirce C. S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 8: Reviews, Correspondence, and Bibliography. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 798 p.

REFERENCES

1. Bacon F. Essays (Rus. ed.: Subbotin A. L., comp. *Sochineniya*. T. 2. Moscow, AS USSR Publ., 1978. 593 p.).
2. Vinogradov V. V. [Gogol's Language and Its Significance in the History of the Russian Language]. In: Vinogradov V. V., ed. *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka*. T. 3 [Materials and Research on the History of the Russian Literary Language. Vol. 3]. Moscow, AS USSR Publ., 1953, pp. 4–44.
3. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenij*. T. 2 [Collected Works. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 503 p.
4. Diderot D. Collected Works (Rus. ed.: Lincer R. I., transl. *Sobranie sochinenii*. T. 5. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936. 657 p.).
5. Duhem P. La théorie physique: son objet, et sa structure (Rus. ed.: Kotlyar G. A., transl. *Fizicheskaya teoriya. Eyo cel' i stroenie*. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1910. 326 p.).
6. Ilyin V. V. [On the Difference between Identical Ones]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 6, pp. 381–389.
7. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arhitektura ponimaniya* [Theory of Knowledge. Hermeneutical Methodology. Architecture of Understanding]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 184 p.
8. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 380 p.
9. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of Knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 173 p.
10. Ilyin V. V. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. Moscow, Knizhny dom Universitet Publ., 2008. 232 p.
11. Ilyin V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia Humaniora. Gumanitaristika* [Philosophy of Humanitarian Knowledge. Studio Humaniora. Humanities]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 256 p.
12. Kireevsky I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 439 p.
13. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 352 p.
14. Komensky Ya. A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya*. T. 2 [Selected Pedagogical Works. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 656 p.
15. Leibniz G. W. Essays (Rus. ed.: Maïorov G. G., Subbotin A. L., comps. *Sochineniya*. T. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 734 p.).
16. Marcus Aurelius. Alone With Myself (Rus. ed.: *Naedine s soboi*. In: Sapova V. V., comp. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avrelij* [Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 463 p.).
17. Tamarchenko N. D. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999. 286 p.
18. Jung C. G. Seelenprobleme der gegenwart (Rus. ed.: Bokovnikov A., transl. *Problemy dushi nashego vremeni*. Moscow, Progress Publ., 1994. 336 p.).
19. Bradley E. H. Appearance and Reality. Oxford: Clarendon Press, 1966. 570 p.
20. Hallig R., Wartburg W. v. Systeme raisonne des concepts pour servir de base a la lexicographie. Berlin: Akad-Vlg, 1963. 315 p.
21. Kepler Y. Harmonices mundi. Lincii Austriæ, 1619. 255 p.
22. Lewis C. J. A Survey of Symbolic Logic. Berkeley: University of California Press, 1918. 412 p.
23. Martin R. Intention and Decision. New York, 1964. 188 p.
24. Peirce C. S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 8: Reviews, Correspondence, and Bibliography. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 798 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Sciences, Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В. Ментальный абрис философской семантики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 18–36.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-18-36

FOR CITATION

Ilyin V. V. The Mental Image of Philosophical Semantics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 2, pp. 18–36.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-18-36

УДК 001.891

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-37-46

GENERALLY RECOGNIZED SCIENTIFIC CATEGORIES AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR SCIENTIFIC RESEARCH. PART II

D. Kostadinovich¹, Ya. V. Bondareva²

¹ University of Niš

Univerzitetskigr 2, Niš 18106, The Republic of Serbia

² Moscow Region State University

ul Veri Voloshinoy 24, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, consider in detail the content of some general scientific (philosophical) categories “content”, “essence”, “organization”, “structure”, “integer”, “quantity”, “quality”, “measure”, “leap”, “system” and give them a definition in the modern edition.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using methods of classification and comparative analysis.

Results. Reasoning about the system of philosophical categories because of intellectual activity, which is the systematization of information about a phenomenon and the naming of this phenomenon, is still relevant today. The categories reflect the features of the phenomena of a certain class, the essential properties of the phenomena and the connections between them are recorded. Moreover, based on the content of general scientific categories, methods of cognition are formed. They also have a general scientific character; they participate in all scientific research without exception. This fact attaches particular importance to understanding the essence of general scientific (philosophical) categories, which, working to solve the problems of scientific research, are transformed into methods of scientific research. This circumstance determines the need for a detailed presentation of the content of general scientific (philosophical) categories in their modern version.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: content, essence, organization, structure, integer, quantity, quality, measure, leap, system

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЧАСТЬ II

Костадинович Д.¹, Бондарева Я. В.²

¹ Университет в Нише

18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия

² Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально рассмотреть содержание некоторых общенаучных (философских) категорий «содержание», «сущность», «организация», «структура», «целое», «количество», «качество», «мера», «скачок», «система» и дать им определение в современной редакции.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. Рассуждения о системе философских категорий как результате интеллектуальной деятельности, представляющей собой систематизацию сведений о каком-либо явлении и назывании этого явления, сегодня по-прежнему актуальны. В категориях отражаются признаки явлений определённого класса, фиксируются существенные свойства явлений и связи между ними. Более того, на основе содержания общенаучных категорий формируются приёмы познания. Они также имеют общенаучный характер, применяются, участвуют во всех без исключения научных исследованиях. Этот факт придаёт особое значение пониманию сути общенаучных (философских) категорий, которые, работая на решение задач научных исследований, трансформируются в приёмы научного исследования. Данное обстоятельство детерминирует необходимость детального представления содержания общенаучных (философских) категорий в их современной редакции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: содержание, сущность, организация, структура, целое, количество, качество, мера, скачок, система

Introduction

Taking as a fundamental thesis about categories formed on the basis of techniques, we should continue the reasoning begun in previous issues of the journal. The subject of this study was the categories “content”, “essence”, “organization”, “structure”, “integer”, “quantity”, “quality”, “measure”, “leap”, “system”. It is reasonable to assume that interacting elements give rise to new qualitative characteristics of phenomena. What exactly?

Category “content”

First of all, it should be noted: the interactions of elements give rise to the content of phenomena. There are many reflections on this subject in the scientific literature. The most widely represented position is that the content is synonymous with the phenomenon¹. The above conclusion is developed in the statement that the content is a set of elements, sides, properties, connections, and trends that make up a specific object, process, phenomenon. We can agree that the content is, indeed, a collection of elements. At the same time, it is difficult to recognize as true the assertion that the

content is also a set of properties, connections and trends. It is difficult for the reason that in such a wording the content is identified with the form. Of course, they are inseparable, but science involves an accentuated approach to understanding both content and form.

It is difficult to question the conclusion that the content creates the form of phenomena, fills it with a certain meaning. Having considered the above conclusions, we note that strict adherence to the object of knowledge allows us to interpret the category of “content” as a form of philosophical knowledge, reflecting the totality of interacting elements that form it.

Having decided on the content of phenomena, it is logical to ask the question of what is their essence.

The category “essence”

The category “essence”, like other categories, in philosophical science is defined in a wide range. Let’s analyze the proposed positions.

First, it is important to pay attention to the conclusion that the essence, as a rule, is not revealed at the ordinary, sensual level. It is the subject of special attention of science². As an argument, we cite the following conclusion: the essence is the inner content of the object,

¹ Моисеева Н. А., Сорокикова В. А. Философия: краткий курс: учебное пособие. СПб.: Питер, 2010. 320 с.

² Там же.

inaccessible to the senses, its meaning. This premise is interesting in two contexts. On the one hand, an indication of the dialectical unity of essence and phenomenon. On the other hand, the orientation to the fact that the essence is very rarely revealed at the sensory level of cognition of phenomena, since it is a product of scientific cognition.

Secondly, it is traditionally productive to consider the essence as the main thing in the content. We should agree with this. This point of view is defended by many authors in different editions. In the scientific literature there are many conclusions about the connection between essence and the nature of phenomena. On this occasion, we read: "... to know the essence of an object means to understand its cause and the law of life"¹. It seems fair to us to point out that the essence is organically connected with the laws of the existence of phenomena. A lot has been said about this. In particular: "Essence is a set of deep, internal relationships, laws that determine the main features and directions of development of things, processes, phenomena"².

The main, in our opinion, in the nature of the content of the philosophical category "essence" is the understanding that it reflects the totality of the parts of the phenomenon, without which it cannot arise, exist and develop. Moving beyond the objects of analysis, we have the right to state that the philosophical category "essence" reflects the totality of interacting parts of phenomena, without which they cannot exist.

Categories "organization" and "structure"

It is well known that all the phenomena of reality without exception are organized and structured in one way or another. This circumstance is the basis for qualifying the categories "organization" and "structure" as philosophical. At the same time, it is very important to determine their essence, to see

their unity and differences. In the interest of solving this problem, let us analyze scientific sources, primarily encyclopedic ones, in which attention is drawn to the essential features of such phenomena as the organization and structure of phenomena. The results of the analysis show that in most cases the organization is considered as the antipode of chaos, while experts in the field of synergetic rightly note that in certain cases chaos gives rise to fundamentally new organizations, but these facts do not cancel the opposites of organization and chaos. In fact, in all encyclopedic sources it is indicated that the organization of phenomena is their structure, device. Despite the actual unanimity in the understanding of organization as the antipode of chaos and a phenomenon that provides the structure, arrangement of phenomena, the authors often differ in detail, which, in our opinion, carry an important semantic load in understanding other essential features of such phenomena as the organization and structure of phenomena.

Not only with systems, but also with all phenomena, the authors of the source associate the organization, in which it is stated that the organization is the structure, the device of something. With this approach, it is obvious that all phenomena have an organization. And this is fair. At the same time, there is also a debatable component in their opinion. In particular, when they state that organization is, among other things, also a structure of phenomena. Further we will show that the identification of organizations and structures is erroneous.

In the literature, the concept of organization as a degree of internal order, consistency of parts of the whole has been established – a certain structure, structure, type of connections as a way of connecting elements into a system. In this conclusion, the organization is considered as an internal order of parts that form a whole, as a structure, structure, type of connections, as a way of connecting elements into a system. Once again, we note that it is difficult to find a sufficient basis for considering only systems organized without seeing at the same time the difference between the organizations of

¹ Тарасов Ю. Н. Философия: учебное пособие. М.: МПСИ: МОДЭК, 2006. С. 462.

² Бучило А. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 109.

phenomena and their structures. But the remark that the organization ensures the integrity of phenomena seems to us important and essential.

In this regard, the authors of those sources that directly indicate the connection between the organization of phenomena and their integrity are right. It seems to us that the organization of the phenomenon is formed by their elements, which are in a state of all-connectedness. Behind the “board” of the organizations of the phenomenon are their elements that did not fall into the mechanism of all-connectedness.

Thus, an organization is: a) a set of elements and parts of phenomena that are in a state of all-connectedness; b) providing their structure, device; c) whose interactions determine the integrity of phenomena. The philosophical category “organization” is precisely intended to reflect at the scientific level the named signs of the phenomenon of being of the same name. Phenomena that lack structure cannot have organization. As well as vice versa. In other words, organization is always structured and structure is always organized.

Before expressing our opinion on the content of the philosophical category “structure”, let’s analyze the points of view on it presented in the scientific literature. Let’s represent them positionally. Position one: structure is the interactions between elements. Position two: structure is the structure, arrangement and connection of the constituent parts of something. The second position differs from the previous one in that it speaks not just about the interaction of elements, but about connections as the most stable interactions of phenomena. In addition, it contains a clarification that the structure of phenomena is formed not by connections between the elements of certain phenomena, but by connections between their parts, that is, the most important, significant elements. Position three: structure is a diverse hierarchical relationship between phenomena. Hierarchical relationships, as it is known, differ from arbitrary, disordered relationships in that they are correlated, coordinated, and subordinated. The indication that structure is a way of regular connections between parts and only parts is interesting, but not indisputable.

The fourth position: the structure should be considered in unity with the sign of the integrity of the phenomena of being. At the same time, the conclusions of supporters of this position may differ. Some believe: “Structure is a set of stable connections of an object that ensure its integrity”¹. The same point of view is presented in a literal version in other works. As you can see, in them the structure is considered as a certain determinant of the integrity of phenomena.

There are many works in which the connection between the structure of phenomena and their quality is noted. For example: “Structure is the interconnection and interdependence of the elements of an object, ensuring its qualitative specificity and preservation of properties during various changes”². In this study, not all points of view on the essence of such a phenomenon as “structure” are given. Starting from the ontological basis of the knowledge of phenomena, let us name the main essential features of the structures of phenomena.

1. Structures are interactions of elements of phenomena.

2. Structures are interactions of phenomena coordinated in a certain way.

3. Structures are all connections of both elements and parts of phenomena.

4. Structures are invariant, stable interactions of elements and parts of phenomena. Of course, the invariance of these interactions cannot be absolute. You should see their relative stability.

5. The structure of phenomena ensures their integrity, works to preserve it.

Thus, the philosophical category “structure” is a reflection of the invariant (relatively stable) mechanism of the all-connectedness of elements and parts of phenomena, which forms their integrity. The problem of the integrity of phenomena is important, but it is interpreted in the scientific literature very ambiguously.

¹ Структура // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 439.

² Тарасов Ю. Н. Философия: учебное пособие. М.: МПСИ: МОДЭК, 2006. С. 460.

Category “integer”

Let's try to systematize the views of scientists on the essence of the philosophical, general scientific category “integer”, presenting their totality of certain conclusions.

- the category “integer” is philosophical. This is true, since the integrity of phenomena is a universal characteristic of the phenomena of nature, society and consciousness. Recognizing the philosophical status of the category “integer”, many authors associate the integrity of phenomena with their parts.

- the above conclusions guide us to understanding the connection of the integer with the structure of phenomena.

- far from all researchers consider the integer as a unity of only parts of phenomena. Often the whole is interpreted as the unity of both parts and elements, which seems important. In particular, in the same source one can find confirmation of what has been said: “The integer is a set of interrelated parts, as a result of the interaction of which new integral properties, patterns that are not characteristic of separate components arise”¹. In this statement, the whole is presented as a collection of interrelated parts. Literally on the next page of the same work, we find: “... the categories “integer” and “system” are distinguished, because in the concept of “integer” the emphasis is on new integral properties of interconnected elements, which cannot be said about summative systems”². In this context, the whole is presented as the interconnection of not parts, but elements of phenomena.

- any integer – something complete, complete, integral, in which there is everything necessary. In this regard, one of the encyclopedic remarks is interesting: “Integrity is completeness, totality, integrity and its own regularity”³. At the same time, it must be remembered that the state of integrity

is conditionally relative, changeable, not absolute.

If we integrate the above conclusions and connect them with the ontological basis of the category “integer”, then we can propose the following definition of the category “integer”. The whole is a philosophical category that reflects the facts of the existence of real phenomena that have all the necessary elements and parts, and their connections determine the emergence of integral properties in integral phenomena⁴.

Categories “quality” and “quantity”

All internal parameters of phenomena have both quantitative and qualitative certainty. Let us first consider the quantitative parameters of the phenomena. To do this, it is necessary to strictly define the content of the category “quantity”. In accordance with the approach to determining the essence of philosophical categories established in this work, let us consider the ideas presented in modern scientific literature regarding the category “quantity”: it is interpreted through the parameters of phenomena – number, size, volume, weight, shape, size, numerical certainty; it is interpreted as a certain phenomenon, unrelated to the qualities of certain phenomena. In particular: “Quantity is the common thing in things, which is indifferent to the specific content and qualitative certainty of the object”⁵. Indeed, one should recognize a certain indifference of quantity to the quality of phenomena. At the same time, it cannot be absolutized, since this leads to ignoring the operation of the universal law of the mutual transition of quantitative changes into qualitative ones and vice versa.

There are also such opinions, according to which the quantity is directly related to the degree of expression, intensity of the properties of objects. The quantity, indeed, one way or another reflects the intensity

¹ Философия: учебное пособие / отв. ред. Е. Г. Кривых. М.: МГСУ, 2014. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Целостность // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 507.

⁴ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 174.

⁵ Количество // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 406.

of changes in the qualities of phenomena, however, the question of indicators of the intensity of changes in the qualities of phenomena remains open. In addition, the observation that quantity is the intensity of change in the properties of phenomena is contradictory. If we consider properties as external stable manifestations of the qualities of phenomena, then it should be recognized that the quantity is organically related to the quality of the analyzed phenomena, and therefore, to the intensity of changes in the qualities of phenomena. Quite often, quantity is integrated not only with quality, but also with the essence of phenomena. In particular: "... quantity is a set of such changes in a certain system, which, characterizing the homogeneity, similarity of elements, systems, subsystems, are not identical to a change in their essence"¹. The idea is productive and interesting, but not strictly defined. There are doubts about the accuracy of the definition of the concepts "quantity", "quality", "essence". If they were strictly defined in dialectical interaction and dialectical relations, then there would be less doubt.

Following the universal features of phenomena, we propose the following definition of the philosophical category "quantity", linking its essence with two important features – the number and rate of changes in the qualities of phenomena. So, quantity is a philosophical category that reflects the number of elements that make up cognizable phenomena, the duration and pace (intensity) of changing their qualities. Following the quantity, we will consider the positions presented in the scientific literature regarding the content of the category "quality": "quality is a philosophical category that expresses the essential certainty of an object, due to which it is precisely this and not another"². The essence of this common view is rooted in Hegel's conclusion that

quality is what makes a thing that thing. Quality in one way or another is associated with the internal features of phenomena by elements, structures, organizations, forms of organization of elements, the architectonics of their connections. "Quality is nothing but the unity of all properties of a given object"³. This conclusion acquires a certain development in the following interpretation: "... quality is such a certainty of an object that reveals itself as an integral characteristic of mutually exclusive properties that determine its existence, in contrast to the existence of other objects"⁴. Here quality is presented as an integration of the properties of a particular phenomenon, and not just their unity. This translates the understanding of the essence of quality into a somewhat different plane. The presentation of quality as a system is interesting. At the same time, the disadvantage of such a position is that we are talking about a system of properties of phenomena, and not about elements, parts. It is well known that properties are an external manifestation of the qualities of phenomena. In addition, some authors associate quality only with the internal features of phenomena, their certainty, while others believe that it organically connects both their internal and external certainty. This creates a certain contradiction. Summing up, we note that quality is such a certainty of phenomena that makes them integral and stable; it integrates both the internal and external certainty of objects, being the basis for identifying their differences and similarities, which make it possible to classify the phenomena of being.

Perhaps, of all the above conclusions, only the assertion that the category "quality" is a combination or system of properties of phenomena is doubtful. This doubt is not unfounded, since traditionally in the scientific literature properties are interpreted as external, stable manifestations of the qualities of phenomena in the environment. Thus, paying tribute to the researchers of the philosophical category "quality", it should be noted that quality is a certainty that makes a particular thing this thing. Without doubting

¹ Количество // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 406.

² Качество // Новый энциклопедический словарь / отв. ред. А. П. Горкин. М.: Большая Российская энциклопедия: Рипол Классик. 2007. С. 495.

³ Там же. С. 495.

⁴ Там же.

this approach in the main thing, nevertheless, we note that it does not give an answer to an important question – what generates the named certainty of the phenomenon? The answer to the question is there.

The category “quality” reflects the essence of the unique, sustainable ways of connecting elements into a whole. These ways (certain sequences of links between elements) ultimately make each specific thing exactly that thing.

Categories “measure”, “leap”, “system”

Understanding the essence of quantity and quality concretizes the category of “measure”, expressing their dialectical relationship. The overwhelming majority of researchers are unanimous in their understanding of the category “measure”. First, it expresses the dialectical unity of the quantitative and qualitative characteristics of an object; secondly, it reflects the boundaries, intervals, zones within which the qualities of phenomena are modified. This summary hardly needs any additions. The named category is organically connected with the philosophical category “leap”. In the scientific literature, its essence is interpreted without any particular contradictions, but with certain nuances. They are easy to understand by paying attention to the following conclusions: “A leap is a philosophical category that expresses the nature of the transition of a thing from quantitative to qualitative changes, from one qualitative state to another, a decisive turn, a radical change in the development process”¹. There is hardly any need to comment and detail the above definition. In our opinion, it expresses all the main ontological features of the phenomenon, the essence of which reflects the category under consideration. Reflecting on the essence of categories that reflect the internal features of phenomena (content, essence, organization, structure, whole, quantity, quality, measure, leap), one cannot ignore the category “system”.

There are several reasons. Thus, in the scientific literature there is a struggle between those who consider the category “system” to be general scientific, and those who qualify it as a philosophical category. We are deeply convinced that the category “system” is philosophical, and therefore general scientific. This conclusion can be substantiated by the following theses: the systemic quality of phenomena should be qualified as their most perfect organizational and structural state; all phenomena tend to be systems, but not all become systems; in every unsystematic phenomenon there are elements that are systems; in each system there are elements that are not systems, but they do not determine the main trends in the development of phenomena-systems; phenomenon-system under the influence of conditions, causes and grounds may lose its systemic quality; systemic and unsystematic states of phenomena can replace each other. The systemic state of phenomena is always higher in quality than their unsystematic state.

The system is a complex of interacting elements. Its author is the Austrian biologist L. Bertalanffy, who is considered to be the founder of systems theory. Without belittling the role of the named researcher, we note that long before him, the concept of a system was widely used in the works of many scientists, including philosophers: Aristotle, Hegel, Fichte, Schelling, Marx, etc.

From the standpoint of modern science, the accuracy of the definition proposed by L. Bertalanffy is questionable. Indeed, all systems are complexes of interacting elements. At the same time, all phenomena are also complexes. It follows from this that the named sign cannot be the basis for distinguishing between phenomena-systems and non-systemic phenomena. In addition, the acceptance of the interaction of elements as the main feature of systems means that all phenomena of being should be considered as systems. However, practice daily convinces us of the opposite: both systemic and unsystematic phenomena of the world around us really exist. There are researchers who, in our opinion, mistakenly believe that all

¹ Современная мировая философия: учебное пособие / под ред. А. С. Колесникова. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2013. С. 79.

“objects of the material world, as well as the spiritual one, can be considered as systems” [1; 2].

Paying tribute to L. Bertalanffy as the creator of systems theory, we note that modern science and its methods of cognition allow us to see many essential features of phenomena-systems. Although even today many researchers adhere to the traditional approach to the essence of systems, presenting it variably [3; 4; 5; 6]. In particular, there is a statement that the system is a set of elements that are in an ordered interaction. Often the essence of systems is interpreted as a set of elements and their connections, not interactions, but just connections of elements. The system is a kind of integral formation. It is defended by a large group of researchers who believe that all systems, without exception, are a complex of elements that form phenomena.

The system is the unity of the composition (components) of phenomena and their structure. They represent the latter as an order, organization of elements, relations of their subordination and coordination, hierarchy. Undoubtedly, systems, like virtually all phenomena of being, have a characteristic of structure. This fact does not allow us to consider it only as an essential feature of the system. Systems have the ability to self-organize [7; 8].

Very often this sign is qualified only as a sign of material systems. In our opinion, it is inherent in all systems. Highlighting the main features of systems, it should be noted that any system tries to maintain integrity, that is, the internal energy of this system plus the kinetic energy of its particles must be greater than the energy of external influences; each system is built on the principle of optimality; in a system the law of the part is not equal to the law of the whole; the system is hierarchical, it has main and secondary parts, elements; the system is adaptive, changes its behavior under the influence of external influences; it changes either in the direction of lowering or in the direction of increasing the organization; in an ordered system there are elements of chaos; each system has its own dynamic rhythm;

– there is an increase in the rate of development in the system; processes of differentiation and integration of connections and elements are going on in them; the system has a goal, the process of self-management is directed not to any, but to a certain result; in the system there is an increase or decrease in its information capacity; it stores information about its past dynamic state [9; 10].

Analyzing the proposed version of the features of systems, we note the following. First, all these features are present in different systems. Their set can be qualified as a meaningful, rather than an essential characteristic. Secondly, only some of the above signs can rightfully be called essential and universal. Thirdly, there are certain repetitions in approaches to the features of systems.

Conclusion

It becomes obvious that the reasoning about the system of philosophical categories as a result of intellectual activity, which is the systematization of information about a phenomenon and the naming of this phenomenon, is still relevant today. The categories reflect the features of the phenomena of a certain class, the essential properties of the phenomena and the connections between them are recorded. Moreover, on the basis of the content of general scientific categories, methods of cognition are formed. They also have a general scientific character, they participate in all scientific research without exception. This fact attaches particular importance to understanding the essence of general scientific (philosophical) categories, which, working to solve the problems of scientific research, are transformed into methods of scientific research. This circumstance determines the need for a detailed presentation of the content of general scientific (philosophical) categories in their modern version.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина Е. В. Метатеоретический уровень биологии и генетики: проблема происхождения жизни // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2020. № 4 (22). С. 68–72.
2. Буренков С. В. Антропология и аксиология труда: Эллада // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 39–45.
3. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.
4. Загребин М. В., Буренков С. В. Наука как сложное социальное явление // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник V Международной научной конференции, г. Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 133–145.
5. Колесниченко Ю. В. Методологический инструментарий научного исследования: способы и подходы // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник V Международной научной конференции, г. Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 215–222.
6. Колесниченко Ю. В., Архангельская Н. О. Неоклассика как этап развития науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник V Международной научной конференции, г. Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 166–175.
7. Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. Системный подход как основа научной методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 148–158.
8. Молчан Э. М. Трансформация образовательной деятельности как социокультурный феномен // Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов РАН, г. Москва, 30–31 марта 2017 г. М.: Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, 2017. С. 210–212.
9. Песоцкий В. А., Колесниченко Ю. В. Исследование и его роль в научном познании // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник V Международной научной конференции, г. Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 322–332.
10. Синенко В. Я. О качестве оценки качества образования // Сибирский учитель. 2009. № 3 (63). С. 5–9.

REFERENCES

1. Alyohina E. V. [Metatheoretical Level of Biology and Genetics: The Problem of the Origin of Life]. In: *Gumanitarnyj vestnik Voennoj akademii Raketnyh vojsk strategicheskogo naznacheniya* [Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces], 2020, no. 4 (22), pp. 68–72.
2. Burenkov S. V. [Anthropology and Axiology of Labor: Hellas]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 39–45.
3. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological Problems of Scientific Research: On the Question of the Functions of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 26 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 26, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 106–116.
4. Zagrebina M. V., Burenkov S. V. [Science as a Complex Social Phenomenon]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological problems of the study of Russian society: collection of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 133–145.
5. Kolesnichenko Yu. V. [Methodological Tools of Scientific Research: Methods and Approaches]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik V Mezhdunarodnoj*

- nauchnoj konferencii, g. Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collection of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 215–222.
6. Kolesnichenko Yu. V., Arhangel'skaya N. O. [Neoclassicism as a Stage in the Development of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collection of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 166–175.
 7. Maikova V. P., Gorbunov V. S., Namestnikova I. V. [System Approach as the Basis of Scientific Methodology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 148–158.
 8. Molchan E. M. [Transformation of Educational Activity as a Sociocultural Phenomenon]. In: *Metodologiya v nauke i obrazovanii: materialy Vserossijskoj konferencii universitetov i akademicheskikh institutov RAN, g. Moskva, 30–31 marta 2017 g.* [Methodology in Science and Education: Materials of the All-Russian Conference of Universities and Academic Institutions of the Russian Academy of Sciences, Moscow, March 30–31, 2017]. Moscow, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman Publ., 2017, pp. 210–212.
 9. Pesocky V. A., Kolesnichenko Yu. V. [Research and its Role in Scientific Knowledge]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collection of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 322–332.
 10. Sinenko V. Ya. [On the Quality of Education Quality Assessment]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian Teacher], 2009, no. 3 (63), pp. 5–9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danijela D. Kostadinovic – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head at the Department, Department of Philosophy, State University of Education;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша (Республика Сербия);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Kostadinovic D., Bondareva Ya. V. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part II. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 37–46.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-37-46

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Костадинович Д., Бондарева Я. В. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 37–46.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-37-46

УДК 111.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-47-56

ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА

Нестеренко Ю. А.

*Российская открытая академия транспорта Российского университета транспорта (МИИТ)
125315, г. Москва, ул. Часовая, д. 22/2, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Философски интерпретировать понимание образа человека в процессе глобализации в современном мире. Обращение к проблеме места и положения образа человека с точки зрения философской интерпретации обусловлено изменениями, происходящими в современном обществе.

Процедуры и методы. Определение места и положения образа как смыслового начала, латентно выражающегося в повседневной деятельности и познавательных функциях.

Результаты. Был выявлен ряд аспектов, в которых образ человека как сложный научный смысловой принцип интерпретируется в соответствии с конкретными обстоятельствами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Было определено, что образ человека включает личность в культуру, и это даёт возможность философской интерпретации образов людей и философской деятельности. Индивидуальная окраска идеальных представлений о человеке обеспечивает связь личности с контекстом культуры и позволяет философски осмыслить образы человека и реализовать проективную функцию философии.

Ключевые слова: анализ, идеал, интерпретация, многознание, образ человека, познание, смысловое начало

PHILOSOPHICAL INTERPRETATIONS OF THE HUMAN IMAGE

Yu. Nesterenko

*Russian Open Academy of Transport RUT (MIIT)
ul. Chasovaya 22/2, corp. 1, Moscow 125315, Russian Federation*

Abstract

Aim. To philosophically interpret the understanding of the human image in the process of globalization in the modern world. The appeal to the problem of the place and position of the human image from the point of view of philosophical interpretation is due to the changes taking place in modern society.

Methodology. The determination of the place and position of the image as a semantic principle latently expressed in daily activities and cognitive functions was done.

Result. Several aspects have been identified where the image of a person as a complex scientific semantic principle is interpreted in accordance with specific circumstances.

Research implications. It was determined that the image of a person includes a person in culture, and this makes it possible to philosophically interpret the images of people and philosophical activity. The individual coloring of ideal ideas about a person ensures the connection of the personality with the context of culture and allows philosophically comprehending the images of a person and realizing the projective function of philosophy.

Keywords: analysis, ideal, interpretation, polyknowledge, image of a person, cognition, semantic principle

Введение

Актуальность этого исследования заключается в вопросе о сущности, положении и роли образов в человеческом существовании, являющихся одной из основ философии и науки. К интерпретации и определению понятия образа, в том числе человеческого, можно подходить как с общенаучной, так и с философской точек зрения.

Образ означает не столько визуальное изображение, сколько модель реальных событий, построенную как набор мультимодальных ощущений для субъекта. Поэтому в английском языке понятия *имидж* (образ) и *модель* (представление образа) различны. А. Леонтьев в рамках развития психологической теории констатировал, что «в процессе своей деятельности индивиды создают картину мира» и «это играет роль опосредования их деятельности в этом мире» [14, с. 5]. При этом мир понимается как реальность, в которой живут и действуют индивиды, которую они видоизменяют и в некотором смысле создают сами» [14, с. 5].

Автор создаёт концепцию, называемую пятой стадией, где объективная реальность представляется человеку и понимается как смысловая единица или система ценностей.

Другими словами, образ – это не только проявление психобиологических параметров человека, но и смысловой принцип, который позволяет человеку координировать свои действия в мире, но при этом постоянно корректируется в основном на основе негативного опыта. Поэтому люди заметили существование определённого типа образования – посредника между объективной реальностью и объектом восприятия, который действует как призма, заставляя человека обращать внимание на определённые факторы и заставляя его игнорировать другие. Образ – это «результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека»¹.

Вся текущая информация встроена в некую имеющуюся у субъекта структуру, что позволяет учитывать в поведенческой среде те объекты, которые в настоящее время не находятся в текущем поле восприятия. Таким образом, образы используются как эффективное средство преодоления стимульной реакции поведения человека², т. е. имеют косвенные и чёткие характеристики.

С другой стороны, в рамках когнитивной теории образ тесно связан с общением и процессом коммуникативной работы. Как отметил В. Лекторский, достижение современного познания заключается в утверждении метода коммуникации для определения «фундаментальной важности производства и потребления данных знаний для понимания различных явлений» [13, с. 6]. Это и когнитивная теория самости и биологической эволюции, когнитивная психология (личная и социальная) и общая когнитивная наука (в том числе наряду с психологией, лингвистикой, логикой, философией и некоторыми разделами математики) [13, с. 7].

Это приводит к исправлению старых образов и созданию новых, которые отмечают как текущую, так и соответствующую реальность. Такая оценка проблемы напрямую связана с социальным контекстом жизни человека, и нельзя сказать, что она встроена в культурный мир.

Философско-методологический анализ образа человека

Сложность образа и его место в жизни человека разрабатывались философами с древних времён. Аристотель определял метафизику как науку о высших силах (жизни), лежащую в основе философии. Стоит отметить, что правила, регламентирующие сверхспособности и возможности человеческого познания, предполагают некий предел этих возможностей, т. е. сложность самых разных видов познания.

¹ Образ // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 120000 слов и фразеологических выражений. М.: А-Темп, 2020. С. 478.

² Лешкевич Т. Г. Философия и теория познания: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2018. 512 с.

Иными словами, помимо науки и техники здесь чётко обозначена онтологическая проблемная область. В любом случае образы можно рассматривать как представления, встречающиеся в мире повседневности у человека, а также как результаты философских творческих усилий. С помощью конкретных инструментов психологического познания это можно увидеть в качестве результата представлений человека о мире повседневной жизни.

Повседневные и неповседневные «реальности» (мечты, сказки, идеалы, религиозные переживания), согласно П. Бергеру и Т. Лукману, строго разграничены и обозначены как отдельные «смысловые провинции» или «анклавы» [3, с. 37]. Переходная реальность от повседневной реальности и обратно может быть описана как «скачок» [3, с. 37]. Реальность отрицает идеал как образ должного. Идеал же отрицает реальность [3, с. 37]. В этом и заключается неотъемлемая часть человеческого восприятия реальности и определяется перспектива жизни.

Философское понимание образа реальности и образа человека в этой реальности в значительной степени происходит под влиянием вышеупомянутых установок Аристотеля. Укрепляется только религиозная метафизика образа и подобия Бога.

И. Кант отстаивал научную идею метафизики, переводя проблему в плоскость трансцендентальной теории субъекта, таким образом ставя под сомнение всю предшествующую традицию в её научном смысле [12, с. 67]. У человека есть своё собственное измерение самого себя. Всё в человеке связано с «Я», и это имеет в нём свой источник, который доказывает его существование, его идентичность. Разум может устанавливать границы человеческого существования и тем самым закладывать основу для построения соответствующего образа. Другими словами, снова возник вопрос об определённом семантическом принципе, который характеризует человеческое существование, в частности, о свободе.

Когда тематические и общие эпистемологические проблемы находятся в центре

внимания философов, онтологические проблемы отходят на второй план. XX в. также вновь онтологизировал человеческие проблемы в рамках различных философских «проектов» и «поворотов» [5, с. 45]. Мы можем сказать, что философствование о человеке и представление о нём в итоге уходят корнями в повседневную жизнь, хотя это и не очевидно. Другими словами, философская рефлексия продолжает воспринимать структуру той же проблемы на обычном уровне, как описано выше, но в своём собственном видении и использует конкретные философские методы, чётко понимая цели и задачи, стоящие перед философами. Следовательно, конструктивная составляющая в данном случае явно выходит за рамки непосредственного переживания реальности. Более того, в некотором смысле это стало философским принципом.

В современных философских исследованиях образ человека используется как концептуальная конструкция, позволяющая выявить и описать скрытый пласт человеческого существования, но в то же время характеризующаяся определённым типом человека. Факты доказали, что этот тип привязки эффективен при изучении самых сложных культурных явлений, будь то сила и природа человека, власть или, например, принципы маргинальной антропологии [8, с. 156]. Устойчивое формирование проявляется в организующих культуру образах представлений о себе и мире, а также в самооценках мира у конкретных представителей разных эпох и, по существу, носит нормативный характер.

Субъективное восприятие истины происходит при реализации или построении модели. В процессе познания действительности опыт формирует картину мира. Культура в том числе и посредством языка предоставляет ему идеальные образы человека или такие образы, которые человек сам построил на основе представлений о правильном. Другими словами, человеческий образ имеет аксиоматическое измерение. Субъект в основном используется при создании образа человека и при интерпретации

существующего образа. Человеческая фигура служит для определения ограниченной интерпретируемости событий и поведения. В семантическом принципе эти значения содержатся в образе человека и не вводятся при анализе информации. Необходимым условием философского анализа образа человека является определение его статуса во многих сходных явлениях и его роли в историческом процессе общественного развития. Образ человека характеризуется своей упорядоченностью, целесообразностью и неизменностью. Более того, поскольку человеческий образ является своего рода семантической определённости, лежащей в основе человеческой деятельности, его можно интерпретировать как неотъемлемую часть жизненной структуры существования. Человеческие существа создают и преобразуют мир на основе системы образов, которая является их конечной причиной.

Как говорилось раньше, первое философское объяснение человеческого образа возникло в древности. Таким образом, Анаксимандр проанализировал проблемы возникновения и становления жизни [1, с. 167]. Кроме того, это относится к естественной эволюции органических видов человека.

Гераклит обратил внимание на особую природу человеческого сознания. Согласно его точке зрения, познание стремится постичь сущность, т.е. знак, который является проявлением судьбы. Он придаёт огромное значение различию между «многознанием» и истинной мудростью. «Множественное знание» не способствует истинному знанию принципов устройства мира. Человеческое сознание-душа (дух) подчинено Логосу [1, с. 90].

Софисты обратились к вопросу о человеке. Они изучали археологию, интерпретацию Гомера, музыку, этику. Человеческий образ мифов и натурфилософов был заменён человеческим образом публики. Протагор писал: «Человек есть мера всех вещей – существования существующего и несуществования несуществующего» [11, с. 375].

Сократ первым заговорил о природе и цели жизни, и поколения философов копировали его образ. По его словам, есть только одно добро – знание, и одно зло – невежество. Образ Сократа, разработавшего приёмы разговора и юмора, проникает в тайны разума и самопознания [11, с. 380].

Средневековая философия имела два основных источника своего возникновения. Первый – это древнегреческая философия, в основном платоновская и аристотелевская традиции. Второй – Библия, которая направляет философию в сторону христианства. Платоновская традиция была унаследована от Августина Блаженного, который позже оказал большое влияние на формирование образа человека в этот период [9, с. 73].

Образ средневекового человека – это образ страдающего человека. Средние века значительно повысили человеческое самосознание и разработали первую концепцию индивидуализма.

Фома Аквинский считал, что человек представляет собой единство души и тела [9, с. 77]. Тело выполняет все функции, но душа – это его форма, его действие. Защищая независимость и бессмертие души, он ввёл понятие завершённой и незавершённой материи. Целостная субстанция – личность как единство души и тела, но душа, взятая сама по себе, является субстанцией неполной. Оковами души является не тело, наоборот, союз их благодетелен. Бог создал, вдохнул душу и превратил тело в человеческий эмбрион. Люди находятся между зверями и ангелами. По сравнению с последними, человеческая личность – вещь несравненно более низкая и несовершенная. И наоборот, люди занимают высшее положение в иерархии материальных созданий как совершенные животные.

Аквинат утверждал, люди отличаются от животных неосознанной разумной душой и свободой воли. В силу последнего человек несёт ответственность за свои собственные действия, и, поскольку у него есть свободная воля, он может выбирать между добром и злом. Грех и добродетель,

наказание или награда должны предшествовать существованию свободы воли. Человеческая свободная воля и связанные с ней решения, в том числе произвольные, имеют свои истоки как в интеллекте, так и в познании. Точнее говоря, корень любой свободы – это разум. Он утверждал, что интеллект выше воли, его позиция по вопросу о человеческой свободе известна как моральный интеллектуализм. Он основан на том факте, что для того, чтобы действовать морально, достаточно иметь истинное понимание добра и зла. Фома Аквинский отмечал, что иногда воля может выполнять функцию порождения причин, связанных с разумом, как если бы она способствовала познанию [4, с. 91]. В этом отношении она совершеннее разума. Свобода воли позволяет человеку действовать в соответствии с моральными добродетелями. Свободная воля существует только при поддержке Бога, потому что она является первоисточником естественных причин и свободного выбора человека.

Воля присуща человеку, потому что в противном случае внушения и увещания, запреты и приказы, награды и наказания будут напрасными. Значение формы Ф. Аквинского отличается от аристотелевского. В его понимании это общий набор фундаментальных свойств, присущих чему-то, чего не существует вне кого-либо или до кого-либо [4, с. 77].

Фома Аквинский отмечал огромную роль эмпиризма и чувственного познания. В них используются термины *опыт*, *чувственное познание*, *чувство*. Всё естественное познание происходит от органов чувств, а объект познания есть реальность, отделённая от них и независимая от субъекта или человеческого разума. Суть знания в том, что знающий становится известным. В некотором смысле объект сравнивается с субъектом, но с его не материальной, а идеальной, духовной формой. Восприятие основано на способности воспринимать духовные формы познания отдельных вещей, а это способность участвовать в нематериальном божественном существовании. Это следы Бога в природ-

ных телах, а познание есть «открытие» их зависимости от Творца.

Человеческая душа наделена разумом именно потому, что она причастна к интеллектуальному органу, более высокому, чем она сама, т. е. к деятельному разуму, помогающему ей в интеллектуальном познании.

Форма интеллектуального знания, привлекаемая из чувственных образов, помещается в следующий орган души – потенциальный разум. Необходимость существования этого познавательного органа обусловлена тем, что разум, на котором основана деятельность, является не телом, а формой человеческого тела и не может быть непосредственно связан с ним.

Мыслители эпохи Возрождения разработали концепцию человеческого образа, основанную на принципах гуманизма, которая учитывает уважение к человеку и его достоинству, веру в его силу и необходимость его свободы, представляет гармоничное развитие человека как высшую ценность и является независимой. Его индивидуализм предполагает реализацию личных интересов, а также автономию и самоутверждение в социальной среде [2, с. 53].

Философы эпохи Возрождения создали образ человека как неуловимого и бесконечно пластичного существа, «хамелеона», способного имитировать все биологические формы сверху донизу. В эпоху Возрождения человеческая мысль всё больше сосредоточивалась не на своём отношении к сверхъестественному, а на самом человеке. Появилась концепция человека как разумного существа природы, центра мироздания, т. к. исключение человека из этого мира сделало бы всё бессмысленным. По мнению Ф. Бэкона, человек изначально не был наделён моральными достоинствами. Личные интересы направлены на собственное «я» и удовлетворяют потребности в самообороне и самосовершенствовании [15, с. 138]. Второй аспект обучения предполагает рассмотрение различных типов людей и тенденций.

Изобилие, богатство, здоровье, бессмертие, мир – это основные составляющие человеческого счастья, они могут быть достигнуты только с помощью науки. Все заняты одним – приобретением знаний. Знание – это истинная цель человеческой жизни. Средства становятся самоцелью.

Причина появления человеческих способностей в мире принадлежит Р. Декарту. Все традиционные знания представляются сомнительными. Он считал необходимым отложить в сторону все суждения по этим вопросам. Несмотря на обращение к рациональным аргументам, кто-то на Земле может усомниться в существовании этих тем. В то же время Декарт не верил, что сомнение само по себе было бесконечной целью. Сомневаться нужно в том, насколько, по его мнению, метод должен быть последовательным и универсальным. По Декарту, они как принципы познания природы и человека должны быть упорядочены строгим и разумным образом [10, с. 245].

Декарт мотивировал существование человека как предмета мысли. Основное содержание народного кредо раскрывается в его девизе: «Я мыслю, следовательно, существую» [10, с. 246]. В этом выражается основная идея его философии – человек существует как личность только потому, что осознаёт, что он мыслящий человек. Однако сущность человека здесь лишь упрощена до уровня бытия, и всё богатство человеческого бытия есть мышление.

С точки зрения К. Гельвеция, люди и все живые существа подчиняются одним и тем же законам и сделаны из одних и тех же материалов. Разница между человеком и животным заключается в степени организации. Поведение человека определяется личными интересами и не должно противоречить интересам общим: «Не поступай с другими так, как ты не хочешь поступать с тобой» [8, с. 125] и «Общественное благо – высший закон» [8, с. 524].

Гельвеций хотел вывести те же неизменные и вечные философские принципы из неизменной природы. Каковы уникальные характеристики человеческого образа? Человек К. Гельвеция – это, прежде всего,

чувственное начало. Он автоматически избегает боли и получает радость и счастье от существования. Из чувственной природы человеческого К. Гельвеций вывел эгоизм, универсальный принцип эгоизма, который был объявлен движущим принципом человеческого существования [8, с. 90]. Эмоциональная боль и счастье заставляют людей думать, действовать и являются единственными рычагами, управляющими моральным миром.

Идея зависимости человека от внешней среды, по К. Гельвецию, заложена в характеристиках общей методологической установки и проникла во всю его систему философских воззрений. «Люди, – говорил К. Гельвеций, – не рождаются, а становятся теми, что они есть» [8, с. 90]. Человеческие добродетели и пороки не являются наследственными качествами. Они целиком являются продуктом окружающей среды. Чтобы воспитать в человеке лучшие психологические качества, необходимо изменить окружение и сделать условия жизни людей разумными и справедливыми. Социальная среда – это фактор, который активно создаёт и формирует человека, наделяя его определёнными духовными, психологическими и моральными качествами, направляя на то или иное реальное поведение.

С помощью данного метода построения и применения образа человека в европейской традиции возник другой метод. Поэтому в своей критике школы суждения Кант критиковал способность судить о структуре естественной или биологической целесообразности [12, с. 357].

Механическая причинность была ключом к научному объяснению всех процессов и явлений в природе, основанному на идее целей. С изучения анатомии человека усиливается тенденция к распространению принципа механической причинности на органическую природу и человека.

Если «Критика чистого разума» исследует способность законодательного понимания, «Критика практического разума» – способность законодательного понимания, «Критика способности суждения» ис-

следует связь между разумом и рассудком. Вся концепция Канта направлена на понимание человека и изучение его способностей. Никто прежде не говорил смертному более возвышенного слова «Познай самого себя» [12, с. 258]. В течение определённого периода времени человек будет говорить не от первого лица, а от третьего. Он считает, что его «я» начинается с того момента, когда он начинает говорить от первого лица. Способность мыслить – это ум. Ребёнок, который начал говорить от первого лица, раньше думал только о себе, но теперь он увидел свет, и теперь он думает не только о себе. Кант развил самоанализ, воображение, память и стремление к свободе как предмет страсти, который описывает тип личности, её природные склонности, индивидуальность и темперамент.

У Канта вопрос, что такое человек, был сформулирован как основной вопрос философии. Он понимает человека как существо, принадлежащее двум мирам: природной необходимости и нравственной свободе. В первом случае важно понять влияние природы на человека, а во втором – он может и должен относиться к себе как к свободно действующему существу [12, с. 267]. «Новый вселенский дом для человека уже не замышляется, – замечает М. Бубер, – но от него, как строителя домов, требуется осознание, способное постичь самого себя. Кант видит наступающую эпоху во всей её переменчивости, как эпоху самоотречения и самопознания, как антропологическую эпоху» [6, с. 180].

Высокий интерес к происхождению, природе и функциям человеческого образа стал традицией европейской философской мысли и лёг в основу русской философии. В сознании российского общества в XIX и XX вв. понятие образа человека играло важную роль. В России идея человека как субъекта прогрессивного развития нашла своих сторонников среди религиозных мыслителей: И. Киреевского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Соловьёва [16, с. 78].

Бог – идея мужественности – центральная тема творчества Соловьёва о людях,

он считает, что это – единый организм как единое существование. Общество как субъект не мешает человеку стать истинной личностью, но точно так же коллективная природа всего человечества не мешает ему стать столь же истинной личностью [1, с. 395].

Этот метод основан на вере в реальность Вселенной, восходящей к средневековому реализму. В философии это было наиболее последовательно обнаружено у Спинозы [7, с. 94].

Для обоснования тезиса о человечестве как едином организме и реальной материи необходимо опровергнуть более или менее устоявшееся представление о том, что эта материя есть отдельная личность, наделённая разумом и свободой воли, способная различать добро и зло и ответственная для их существование. Действия и решения могут быть ответственными [7, с. 96].

Суть учения заключается в двух словах: примирение как действие, направленное на достижение единой цели, организации, политической партии, многообразия знаний и мнений, и любовь как высший духовный потенциал человечества. В соборе люди следуют ритуалам и возносят свои молитвы о любви к Богу, не теряя при этом своей индивидуальности. Истина, которая проявляется в разнообразии, возможна только тогда, когда вся реальность осознаётся, когда она рассматривается как единое целое в абсолютном единстве и в таком же абсолютном множестве. Истина – это фундаментальное единство.

Одним из важнейших этапов в развитии философской интерпретации образа человека является философия Шелера. Чтобы укрепить самосознание, философы должны вывести человека из состояния нарциссизма и поднять стандарт трансцендентности на новый уровень, не только превзойти «реальный» и «материальный» органический мир, но даже выйти за рамки того, что называется человеческим. Человек не создаёт практического технического интеллекта в самом существенном смысле. Он дал количественную оценку этому, только если оно развивается до

уровня Эдисона, и «поведение, обладающее автономной закономерностью в отношении любой духовно важной причинно-следственной связи (включая фактический интеллект, управляемый двигателем), действительно новое; эта закономерность не похожа, она не параллельна поведению, которое имеет отношение к любой духовно важной причинно-следственной связи». Процесс функционирования нервной системы, но он параллелен, подобен объективной структуре объекта и структуре ценностей самого мира» [17, с. 340].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать выводы следующим образом. Образ человека – это проявление сугубо человеческой способности к самореализации и способности порождать представления о должном. По историческим событиям в становлении философии и осмыслении образа человека можно сказать, что он «растёт» и «взрослеет» вместе с созреванием социальной истории человечества.

Наличие образа человека позволяет как описать, так и понять природу его бытия, а также даёт основание для классификации и объединения философских концепций жизни человека. Уровень развития человеческого образа и его выражения в культуре отражает способность не только к самореализации, но и к построению своей жизни с помощью разума.

При анализе образа человека подчёркивается, что действия не случайны,

т. к. только через видение и понимание можно понять и познать образ человека. Преображение человека, превращение в личность происходят не до и не после, а только в процессе работы.

Эта способность возникает спонтанно, но может быть целенаправленно организована и оптимизирована, в том числе посредством философского размышления. Особенность философского знания состоит в том, что в отличие от религиозно-метафизических структур, в рамках философской мысли изначально существует не только точка зрения на какую-либо проблему, но и множественность трактовок сущности человека и его предназначения в мире. Это многообразие и вариативность трактовки образа человека с определённой точки зрения выступают как проявление интеллектуальной свободы и основа выбора жизненного пути для любого человека, придавая этому выбору черты не только содержательности, но и рациональности. Последнее обстоятельство связано с первоначальной логизированностью философских понятий, возможностью их сопоставления, анализа, применения к отдельной жизненной ситуации. В то же время пограничные черты, присущие философским образам человека, предполагают возможность изменения определённого режима восприятия человеком действительности и преодоления негативных, с точки зрения философии, жизненных обстоятельств и личностных качеств.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абачиев С. К. Эволюционная теория познания: основные понятия и законы. Гносеологическая теория труда и техники. М.: Красанд, 2019. 664 с.
2. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» (методологический аспект) // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 52–69.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Аспект-пресс, 1995. 323 с.
4. Боргош Ю. Фома Аквинский / пер. М. Гуренко. М.: Мысль, 1975. 182 с.
5. Бросова Н. З. Судьба метафизики и судьба человека // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 54–65.
6. Бубер М. Проблема человека / пер. Ю. С. Терентьева // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157–231.
7. Гайденок П. П. Человек и человечество в учении В. С. Соловьёва // Вопросы литературы. 1994. № 2. С. 92–104.

8. Гельвеций К. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост. Х. Н. Момджян. М.: Мысль, 1974. 687 с.
9. Гурин С. П. Проблемы маргинальной антропологии. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2002. 132 с.
10. Декарт Р. Избранные произведения /под ред. В. В. Соколова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 342 с.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. 620 с.
12. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: АСТ, 2019. 784 с.
13. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 592 с.
14. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
15. Макушевский А. Современный «образ мира»: действительность // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 134–149.
16. Соломоник А. Семиотика и теория познания. М.: КД Либроком, 2018. 192 с.
17. Шелер М. Избранные произведения / пер. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

REFERENCES

1. Abachiev S. K. *Evolucionnaya teoriya poznaniya: osnovnye ponyatiya i zakony. Gnoseologicheskaya teoriya truda i tekhniki* [Evolutionary Theory of Knowledge: Basic Concepts and Laws]. Moscow, Krasand Publ., 2019. 664 p.
2. Baksansky O. E., Kucher E. N. [Modern Cognitive Approach to the Category “Image of the World” (Methodological Aspect)]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 8, pp. 52–69.
3. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge (Rus. ed.: Rutkevich E., transl. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya*. Moscow, Aspekt- press Publ., 1995. 323 p.).
4. Borgosh Yu. Tomasz z Akwinu (Rus. ed.: Gurenko M., transl. *Foma Akvinsky*. Moscow, Mysl Publ., 1975. 182 p.).
5. Brosova N. Z. [The Fate of Metaphysics and the Fate of Man]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2005, no. 1, pp. 54–65.
6. Buber M. Das Problem des Menschen (Rus. ed.: Terent'ev Yu. S., transl. *Problema cheloveka*. In: Buber M. *Dva obraza very* [Zwei Glaubensweisen]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 157–231).
7. Gaidenko P. P. [Man and Humanity in the Teachings of V. S. Solovyov]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1994, no. 2, pp. 92–104.
8. Helvétius C. Essays (Rus. ed.: Momjyan H. N., comp. *Sochineniya. T. 2*. Moscow, Mysl Publ., 1974. 687 p.).
9. Gurin S. P. *Problemy marginal'noj antropologii* [Problems of Marginal Anthropology]. Saratov, Saratov State Socio-Economic University Publ., 2002. 132 p.
10. Descartes R. Selected Works (Sokolov V. V., ed. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1950. 342 p.).
11. Diogenes Laertius. Vitae Philosophorum (Gasparov M. L., transl. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenituyh filosofov*. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p.).
12. Kant I. Kritik der reinen Vernunft (Rus. ed.: Lossky N., transl. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, AST Publ., 2019. 784 p.).
13. Lektorsky V. A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Classical and Non-Classical Epistemology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 592 p.
14. Leont'ev A. N. [Psychology of the Image]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of the Moscow University. Seriya 14: Psychology], 1979, no. 2, pp. 3–13.
15. Makushevsky A. [Modern “Image of the World”: Reality]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 6, pp. 134–149.
16. Solomonik A. *Semiotika i teoriya poznaniya* [Semiotics and the Theory of Knowledge]. Moscow, Librokom Publ., 2018. 192 p.
17. Scheler M. Selected Works (Rus. ed.: Denezhkin A. V., Malinkin A. N., Fillipov A. F., transl. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 490 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестеренко Юлия Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры профессиональных коммуникаций Российской открытой академии транспорта РУТ (МИИТ);
e-mail: jun77@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Nesterenko – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Professional Communications, Russian Open Academy of Transport RUT (MIIT);
e-mail: jun77@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нестеренко Ю. А. Философские интерпретации образа человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 47–56.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-47-56

FOR CITATION

Nesterenko Yu. A. Philosophical Interpretations of the Human Image. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 47–56.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-47-56

УДК 125:165.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-57-70

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ КАК ПАРАДИГМАЛЬНОЕ ЯДРО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Филатова М. И.*Курская государственная сельхозакадемия имени И. И. Иванова
305021, г. Курск, ул. Карла Маркса, д. 70, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Прояснить перспективы развития европейской философии в связи с постмодернистским отрицанием модерна, классики в целом. Показать, что за данным постмодернистским отрицательным жестом кроется утверждение проблемы актуальной бесконечности.

Процедура и методы. Методология исследования базируется на общенаучных методах (анализе, синтезе, дедукции), герменевтическом методе, аналогии. Установлено, что для проблемы актуальной бесконечности родовым является философско-метафизический аспект, который коренится в дофилософской традиции искания преобразования природы.

Результаты. Показано, что европейской философии была свойственна тенденция неоправданно редуцировать проблему актуальной бесконечности к её количественному аспекту. При этом особенностью проблемы актуальной бесконечности является то, что даже неоправданное допущение возможности её реализации имеет следствием действительное изменение природы конечного, но основанием для него становится уже не актуальная, а потенциальная бесконечность, как это показал ещё Зенон. Потенциальная бесконечность становится парадигмальным ядром постмодернизма в рамках восстановления проблемы актуальной бесконечности в её исконном смысле как проблемы преобразования природы, выводящей за пределы собственно европейской философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. В задаваемой данным исследованием перспективе постмодернизм оказывается уже не ниспровергателем модерна, классики в целом, а отсылкой к этому более широкому контексту, от взаимодействия с которым теперь зависит будущее европейской философии.

Ключевые слова: вычерк, постмодернизм, потенциальная бесконечность, преобразование природы, проблема актуальной бесконечности, ризома, симулякр

POTENTIAL INFINITY AS THE PARADIGMATIC CORE OF POSTMODERNISM

M. Philatova*Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanov
ul. Karla Marksa 70, Kursk 305021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To clarify the prospects for the development of European philosophy in connection with the postmodern rejection of modernity, classics in general. To show that behind this postmodern negative gesture the assertion of the problem of actual infinity lies.

Methodology. The research methodology is based on general scientific methods (analysis, synthesis, deduction), hermeneutical method, analogy. It is established that the philosophical and metaphysical aspect, which is rooted in the pre-philosophical tradition of the search for the transformation of nature, is generic for the problem of actual infinity.

Results. The author shows that European philosophy had a tendency to unreasonably reduce the problem of actual infinity to its quantitative aspect. At the same time, the peculiarity of the problem of actual infinity is that even an unjustified assumption of the possibility of its realization results in a real change in the nature of the finite, but the basis for it is no longer actual, but potential infinity, as Zeno showed. Potential infinity becomes the paradigmatic core of postmodernism within the framework of the restoration of the problem of actual infinity in its original sense as a problem of the transformation of nature, which leads beyond the limits of European philosophy proper.

Research implications. In the perspective set by this study, postmodernism turns out to be no longer a subverter of modernity, classics in general, but a reference to this broader context, on the interaction with which the future of European philosophy now depends.

Keywords: crossed out, postmodernism, potential infinity, transformation of nature, the problem of actual infinity, rhizome, simulacrum,

Введение

Искания преобразования тленной природы стало потребностью человека уже на самых ранних этапах развития человеческой цивилизации. Первоначальные «натуралистические» (погружённые в стихию природы) верования, связанные с мифом об олицетворяющем природу умирающем и воскресающем божестве (греческий Дионис, египетский Озирис, малоазиатский Сабасий и финикийский Адонис), впоследствии у греков получили философское осмысление, в ходе которого природному началу как таковому было противопоставлено сверхприродное, притом что первое должно приобщиться к последнему и тем самым возвыситься до него. В греческой мифологии имелись различные варианты мифа о рождении и растерзании Диониса, также здесь фигурировали различные Дионисы. Первый по имени Загрей родился от Зевса. Отец даровал ему власть над миром. За это его стали преследовать титаны. Обманом они заманили его, схватили, растерзали на части и съели. Разгневанный Зевс испепелил титанов молнией. Из этого пепла возник человеческий род. В орфико-пифагорейской интерпретации древний миф о Загрее-Дионисе стал религиозно-философским учением о мире. «Титанизм» здесь понимается как отчуждённость и глухая обособленность, как непроницаемый атоизм. Согласно орфической интерпретации мифа о Загрее-Дионисе, эта первоначальная разобщённость материального мира вещей была преодолена благодаря жертве

Диониса, т. к. титаническое начало было растворено в дионисийском. Согласно неоплатонику Проклу и некоторым другим древним авторам, бог Дионис был истолкован орфиками как мировой ум и мировая душа, которая охватывает всё и на всё дробится [9, с. 175–176]. Они считали его воплощением принципа единства и множественности [9, с. 177]. Именно Орфей считается прародителем панэллинской веры, обучившим греков тайнам постижения природы и Бога. По словам Прокла, теология греков впервые явлена в тайнствах и символах Орфея, продолжена далее в загадочных фигурах Пифагора и впоследствии научно развёрнута Платоном и его гениальными учениками [14, с. 6].

У Парменида совмещение принципа единства и множественности приобрело более специфичные для западной философии черты и предстало уже как проблема, причём проблема неразрешимая. Затем у Зенона (об этом будет сказано далее) эта проблема определилась как проблема актуальной бесконечности. Следует различать количественный аспект этой проблемы от собственно философско-метафизического при определяющем значении последнего. В количественном аспекте проблемы бесконечности различают актуальную бесконечность и потенциальную. Бесконечность потенциальная является отрицательным понятием и предполагает отсутствие конца в случае, например, неограниченной возможности прибавления единицы к любому числу из ряда натуральных чисел или, на-

оборот, неограниченной возможности деления отрезка. В отличие от свойственного потенциальной бесконечности частичного отрицания конечного, которое только может превзойти любое конечное, в случае актуальной бесконечности отрицание конечного берётся как полное отрицание, как то, что уже актуально превосходит любое конечное. Однако ни возможности человеческого мышления, ни возможности человеческого опыта не позволяют придать осмысленность категории актуальной бесконечности как количественному понятию. Поэтому человеческая мысль с самого начала отказывается от актуальной бесконечности. По Аристотелю, актуально бесконечное не дано ни уму, ни чувствам [2, с. 58–63].

В философско-метафизическом аспекте актуальная бесконечность предстаёт как возможность преобразования конечной природы в новое качество. При неограниченном количественном возрастании (или уменьшении) по каким-то неизвестным причинам, в какой-то неведомый момент данный процесс достигает такого рода *полноты*, такого *нового качества*, что дальнейшее его *количественное* продолжение уже не отражается на его сути и как бы отходит на второй план. В этом смысле актуальная бесконечность – это не отсутствие конца, но наоборот, отсутствие *недостатка* [17, с. 19].

С другой стороны, такого рода допущение реализации актуально бесконечного ведёт к изменению места и значения самого конечного. Так, определяя отношение актуально бесконечного к конечному, Николай Кузанский писал: «бесконечная линия в своей бесконечности есть действительным образом всё то, что заключено в возможности конечной линии...» [13, с. 31–32]. Таким образом, если до Кузанского наличное состояние существующих (конечных) вещей признавалось актуальным, а возможности их изменения потенциальными, то у Кузанского, наоборот, актуальным оказывается не данное, а только возможное состояние, достигаемое посредством приобщения конечного к ак-

туальной бесконечности, ввиду возможности которого данное и наличное состояние конечной природы оказывается уже только потенциальным.

Но что должно стать с конечной природой в случае, если возможность реализации актуальной бесконечности окажется допущенной неоправданно? Зенон Элейский показал, что это приведёт к тому, что *промежуточное, незавершённое* положение конечного останется *само по себе*, чем и разрушится сама его природа (распад конечного). Из конечной она станет потенциально бесконечной.

Важно понимать, что в этом случае мы имеем дело с новым видом потенциальной бесконечности. Если раньше потенциально бесконечное понималось как произведённое от конечного через отрицание его конца, то теперь потенциальная бесконечность оказывается производна от актуальной бесконечности и возникает через её отрицание в результате неоправданного допущения возможности приобщения к ней природы конечного. В первом случае потенциально бесконечное – количественная категория, в последнем – философско-метафизическая.

В истории философии проблема актуальной бесконечности оставалась обсуждаемой. При этом ввиду недопустимости категории актуальной бесконечности как исключительно количественной категории её количественный аспект оказался тесно связанным и даже зависимым от метафизического. Не случайно интерес к этой проблеме возобновился в связи с принесённым христианством представлением об актуально бесконечной сущности Бога-Творца. Возможность нисхождения актуально бесконечного в конечный мир, подкрепляемая теологическими спекуляциями, оставалась широко дискутируемой темой на протяжении всего Средневековья. Потребность в признании актуальной бесконечности возникла в новоевропейской математике, но здесь уже отсутствовала возможность сделать это обоснованно и открыто. Только Георг Кантор, создатель теории множеств, пыта-

ется обосновать возможность использования актуально бесконечного в математике. Однако это вынуждает его переступить пределы количественного аспекта актуально бесконечного, единственно приемлемого в математике, и обратиться вновь к философско-метафизическому его пониманию, тесно связанному с признанием высшей реальности Бога. Предельным развитием канторовского учения о трансфинитном становится понятие некоего высшего трансфинитного числа, “Genus supremum”. «То, что превосходит всё конечное и трансфинитное, – пишет Кантор, – не есть “Genus”; это есть единственное, в высшей степени индивидуальное единство, в которое включено всё, которое включает “Абсолютное”, непостижимое для человеческого понимания. Это есть “Actus Purissimus”¹, которое многими называется Богом» [20, р. 290]. Как известно, трудности, с которыми столкнулся Кантор в процессе доказательства состоятельности своего учения о трансфинитном, спровоцировали третий кризис оснований математики, непреодоленный до сегодняшнего дня.

В развитии проблемы актуальной бесконечности можно выделить некие узловые моменты, которые стали парадигмальными для эпохальных поворотов в развитии европейской философии и европейской цивилизации в целом. Таких моментов три. Первый связан с самим зарождением европейской философии, второй – с генезисом новоевропейского естествознания, третий – с постмодернистским ниспровержением классики.

Проблема актуальной бесконечности в античности: от религиозно- мифологического образа к понятийному представлению

Парменид формулирует на понятийном уровне то представление о высшем начале, прототип которого был выражен в мифе о Загрее-Дионисе. В отличие от мифопо-

этических возможностей вообразить и изобразить соединение природы Диониса с природой титанов, стиль рассуждений Парменида не предусматривает подобного. Парменида останавливает запрет на противоречие, которое неизбежно возникает при попытках соединить Единое и многое. Эту проблему отражает факт разрозненности двух частей поэмы Парменида «О природе», требующих объединения. Проблема единства двух частей поэмы Парменида представляется для Ф. Х. Кессиди настолько важной, что он предлагает собственное её решение, преподносимое, однако, как решение самого Парменида, подспудно присутствовавшее в его сочинении [9, с. 265]. В отличие от Ф. Х. Кессиди, В. Я. Комарова открыто признаёт, что Парменид не знал пути к объединению двух частей своей поэмы [11, с. 84].

Ученик Парменида Зенона находит способ обойти запрет на противоречие. Он обращается к доказательству «от противного», чтобы выразить в рациональной форме религиозно-мифологическое представление о соединении двух природ.

Целью Зенона было исследование возможности соединения Единого с чувственным миром. Всё, что существует в мире, имеет величину, а величина, по определению, впервые данному Зеноном (оно сохранилось у Аристотеля [1, с. 75–76]), всегда, до бесконечности делима. Неделимой является только единица, т. к. она обладает природой неделимого Единого. Таким образом, в результате соединения с Единым чувственный мир множества вещей должен воспринять его природу и стать миром множества неделимых единиц. Такое множество и должно было явиться актуально бесконечным в соответствии с приведённым выше его определением. Оно должно было воспринять новое качество. Если обычное дискретное множество может быть тем или иным, может быть большим или меньшим, в зависимости от добавления или убавления его составных элементов, то множеству, состоящему из неделимых единиц, в принципе безразлично, сколько таковых будет в его соста-

¹ Совершенная Действительность, Высшее бытие (лат).

ве. Поскольку оно состоит из неделимых единиц, то оно имеет их природу и само является единым и неделимым и образует неслитное и нераздельное единство с входящими в его состав элементами. Вернее, таковым оно *являлось бы*, если бы каким-то непостижимым образом могло произойти изменение его дискретной природы и восприятия им неделимой природы входящих в его состав единиц. Но понятие о возможности такого изменения, как и понятие о самом таком множестве, является для мысли таким же недопустимым понятием, как и понятие «круглый квадрат». Эта проблема, получившая название апории о множестве, отражена в диалоге Платона «Парменид» (Платон. Парменид 127 e1–4).

Но Зенон обращается к доказательству «от противного». И это позволяет ему допустить, что изменение природы делимого, причём делимого до бесконечности, действительно возможно. Зенон инициирует бесконечный процесс дихотомического деления целой величины с целью показать, как происходит превращение бесконечно делимой протяжённости в неделимую единицу. Название этого процесса носит апория Зенона «Дихотомия». Другая его апория – «Ахиллес и черепаха» – не отличается принципиально от «Дихотомии» [9, с. 279]. Кессиди показывает, как решение трудности, заключённой в апории «Стрела», также переходит в апорию «Дихотомия» [9, с. 283]. В результате Зенон сталкивается с тем видом потенциальной бесконечности, при котором она оказывается производной не от конечного, а от неоправданного допущения возможности реализации актуально бесконечного. Если первый вид отражает количественный аспект проблемы бесконечности, то второй – философско-метафизический, как об этом было сказано в начале статьи. С опорой на количественный аспект проблемы бесконечности Зенон пытается рационализировать (правда, в рамках доказательства «от противного») известное из мифологической традиции представление о преобразении природы, представить его в качестве проблемы актуальной бесконечности, имею-

щей решение, сделать это преобразование осуществимым силами человеческого разума. Апорийность рассуждений Зенона как будто свидетельствует, что здесь и вправду схватывается некоторое такого рода изменение начальных условий (наличие конца уже пройденного телом пути оборачивается отсутствием), которое не может быть объяснено логически, но отсылает к превосходящим возможности зарождающейся философии представлениям об изменении природы конечного. Однако возможность распада конечного в потенциальную бесконечность, не обсуждалась в мифологической традиции, поэтому потенциальная бесконечность не имела религиозно-мифологического аналога (в отличие от актуальной бесконечности) и не могла быть тогда интерпретирована в качестве философско-метафизического понятия. Такая возможность откроется только в постмодернизме, как это будет показано в статье.

Актуальная бесконечность и преобразование природы конечного в новоевропейском естествознании: Кузанский или Зенон?

Кузанский стал вторым после Зенона, кто представил соединение двух природ в рациональной форме. Но в отличие от Зенона, исканиям Кузанского было предпослано необходимое для этого основание. Им стало принесённое христианством представление о трансцендентной реальности Бога-Творца как отличной от сотворённого им мира актуально бесконечной сущности, понятие о которой может быть только апофатическим. С другой стороны, по причине этого последнего обстоятельства Кузанский, как и Зенон, не придавал прямого значения своим рассуждениям о возможности преобразования конечной природы через причастность к актуально бесконечному. В рассуждениях о такой возможности он говорил не о действительной природе, а о воображаемой, в отношении которой можно каким-то скачком мысли допустить причастность к актуально бес-

конечному. Как поясняет П. П. Гайдено, «между потенциальной бесконечностью возрастания величины и актуальной бесконечностью всегда остаётся “зияние”, переходимая пропасть, и Кузанец совершает здесь “скачок”, никакой логикой не объяснимый. Но с помощью этого “скачка”, совершаемого в действительности с помощью теологических, а не математических понятий, в рассуждения о математических предметах вводится понятие актуальной бесконечности» [5, с. 55].

Онтологический проект Кузанского стал эпохальным для европейской интеллектуальной культуры того времени и был воспринят основателями новоевропейской науки. По словам А. В. Ахутина, в онтологическом проекте Кузанского нетрудно распознать черты новой природы, равно как и нового (новоевропейского) мышления [3, с. 51]. Однако вопреки Кузанскому он стал применяться к действительному, а не к воображаемому миру. Затрагивая проблему основательности такого переноса, совершённого в новоевропейской науке, где, казалось бы, этот вопрос должен ставиться наиболее строго, Косарева отмечает, что он произошёл вследствие стихийного эффекта догматизации ньютоновской физики, обнаружившей невероятную эффективность [12, с. 217]. Т. е., другими словами, этот перенос по большому счёту остался безосновательным. Но именно благодаря ему стало возможно такое явление, как секуляризация науки при видимом сохранении за ней доступа к актуальной бесконечности, открывшегося благодаря теологическим спекуляциям основателей науки (Галилей, Декарт). Вопрос об оправданности такого доступа уже не ставился, хотя он должен был возникать в условиях, «когда ссылки на “Бога” стали неуместными и собственно идея “Бога”, основывающая категорию актуальной бесконечности, ушла» [18, с. 151].

В этом случае в онтологическом проекте Кузанского, задействованном в новоевропейской науке и в целом в европейской культуре, утрачивается, или по меньшей мере оказывается под вопросом – та его

специфика, которая отличала его от открытий Зенона. В итоге вопрос, актуальной или потенциальной бесконечностью на самом деле задаются параметры европейской науки и культуры в целом, оказывается открытым.

Постмодернистское ниспровержение классики и проблема его онтологической значимости

На фоне этого обращает на себя внимание фиксируемое постмодернизмом превращение категорий модерна в свою противоположность, отражённое в таблице Ихаба Хасана. Так, на месте иерархии оказывается анархия, на месте логоса – молчание, на месте синтеза – антисинтез, на месте присутствия – отсутствие, на месте корней – ризома, на месте центрирования – рассеивание, на месте глубины – поверхность, на месте определённости – неопределённость, на месте трансцендентного – имманентное. При этом сам постмодернизм не эксплицирует сути данного превращения и не выделяет его как таковое. В противном случае это означало бы сближение превращённой формы (постмодерн) и её исходного состояния (модерн) в виду некоторого общего для них начала (или основания), имплицитующего движущие силы самого этого превращения. С одной стороны, такое основание делает фиксируемое постмодернизмом превращение онтологически значимым, онтологически его обосновывает, не в пример пониманию его как всего лишь метафоры в рамках так называемой постмодернистской поэзии. Но с другой стороны, такое основание показывает ограниченность самого постмодернизма, который в этом случае оказывается уже не последним словом европейской культуры, но своего рода отсылкой к этому более широкому основанию, чем и модерн, и постмодерн вместе взятые, в котором и следует искать ответ на вызванные данным превращением вопросы. Во избежание этого постмодернист Деррида называет классическую эпоху местом «великой метафизической... авантюры Запада» [7, с. 124], разоблачения которой достаточно

для установления истинного положения дел. Ж. Дилёз и Ф. Гваттари также, говоря о множественности, положенной в основу понятия ризомы, заявляют, что у неё «нет более никакого отношения с Одним» [6, с. 14] и что они не будут здесь говорить ни о чём, кроме этой уже имеющей место множественности [6, с. 8].

В противоположность этому в данной работе будет показано, что общим основанием и для модерна, и для постмодерна является проблема актуальной бесконечности как проблема преобразования природы, унаследованная от дофилософской или, лучше, протохристианской традиции. Как такая эта проблема оказывается не-вместима зарождающейся европейской философией в силу специфики перехода от мифа к логосу. Здесь она подвергается редукции и в конечном счёте подменяется своей рационалистической проекцией. Иллюзия её полноценности, создавшая видимость доступа к актуальной бесконечности и фундировавшая генезис новоевропейской науки, стала основанием модерна. Но несоответствие формата рационалистической редукции смыслу исходной проблемы преобразования природы (т. е. это тот случай, когда возможность такого преобразования была (как у Зенона) неоправданно допущена) стало причиной крушения модерна и превращения его категорий в противоположность.

Однако важно понимать, что отталкиваясь от модерна как от «метафизической авантюры Запада», постмодернизм отталкивается не от некоторого «пустого места», которым в пределах собственно философии и должны были быть неосуществимые допущения модерна. В этом случае самым разумным и оправданным путём их разоблачения должен был стать шаг назад, причём шаг гигантский, к тем началам, которые пытались преобразовать на основе этих неоправданных допущений. Однако постмодернизм делает, напротив, шаг вперёд, причём тоже гигантский. И возможность этого шага коренится в выходящих за пределы возможностей собственно философии более широких основаниях, до-

пускающих возможность преобразования природы. Именно здесь также коренилась и возможность того шага, право на который узурпировал модерн, исказивший онтологический проект Кузанского. Таким образом, постмодернизм не ниспровергает в этом смысле модерн, но, наоборот, свидетельствует о действенности этих более широких оснований, т. к. именно они делают действительным то превращение, которое фиксируется самим постмодернизмом и которое в качестве результата неоправданного допущения возможности причастности к актуально бесконечному (как возможности преобразования природы) было открыто Зеноном.

Ниже будет показано, как проблема актуальной бесконечности фундирует такие постмодернистские понятия, как симулякр, ризома, вычерк, причём только в последнем случае она заявляет о себе наиболее явно.

Преобразованная природа как симулякр у Бодрийяра

Бодрийяр начинает с реструктуриации бинарного архетипа, изначально присущего европейской культуре. Так, жизнь противопоставляется смерти, притом что определённый ритм возникновения жизни и наступления смерти задаёт меру длительности жизни, которая для всего живого в мире является конечной. Однако и самому бинарному архетипу, противопоставляется некоторое, как говорит Бодрийяр, «мифическое измерение» [4, с. 37], где присутствуют «феномены чрезмерности» («герои»). Они представляют собой как бы точки, инородные для мира, присутствие которых в мире способно преобразовать свойственный ему бинарный архетип, изменить мир к лучшему. Так, если *конечная* жизнь неизбежно чередуется со смертью в соответствии со своей мерой, то феномены чрезмерности выпадают из обычного ритма этого чередования и, соответственно, из свойственной для всего подчинённого этому ритму природы конечного. Король, как и Бог, предназначены не для того, чтобы

жить (как живут простые смертные). Они должны умереть, чтобы воскреснуть (прославиться) в новом бессмертном образе. «Король или вождь – ничто без обещания своей жертвы» [4, с. 40]. «Король (как и Бог) должен был умереть – в этом было его могущество» [4, с. 31]. Так конечное преобразуется в бесконечное (смертное в бессмертное). Но Бодрийяр задаётся вопросом о подлинности статуса того феномена, который признаётся чрезмерным. Он показывает, что такое признание может оказаться неоправданным. В этом случае, как и у Зенона в его доказательстве «от противного», неоправданное допущение присутствия в мире феноменов чрезмерности тоже вызывает изменение конечной природы, а именно её распад, т. е. делает её не выше, а наоборот, ниже самой себя. Если конечной природе всего живого смерть ещё только предстоит в соответствии с ритмом чередования жизни и смерти, то распад конечного приводит к нарушению этого ритма, к тому, что то живое (феномены чрезмерности), которое через свою безвременную смерть назначено стать бессмертным, оказывается ещё прежде смерти изначально уже мёртвым. «Любой глава государства – безразлично, кто именно, – есть лишь симулякр самого себя, и это единственное, что наделяет его властью и правом повелевать. Никто не окажет ни наименьшего одобрения, ни наименьшей почтительности реальному человеку. Преданность направлена на его двойника, так как сам он изначально уже мёртв» [4, с. 41]. Эру симулякров и симуляции открывают знаки, которые скрывают, что за ними ничего нет, «что все уже умерло и воскрешено заблаговременно... в детальной системе или, вернее, в системе заблаговременного воскрешения, которое больше не оставляет никакого шанса даже самому событию смерти» [4, с. 8–14]. В этом случае президент, по Бодрийяру, уподобляется «манекену власти» [4, с. 37]. Он напоминает, что «Кеннеди погибли, потому что ещё воплощали нечто: политическую власть, политическую субстанцию, тогда как все последующие президенты были

лишь их карикатурой, марионеточными персонажами...» [4, с. 37]. Так, Никсона, по замечанию Бодрийяра, «не посчитали достойным умереть от руки хоть какого-нибудь ничтожного случайного психа» [4, с. 38]. Симулякр, таким образом, так же, как и подлинные феномены чрезмерности, представляет собой изменение природы конечного, но это изменение ведёт не к позитивной (актуальной), а к дурной (потенциальной) бесконечности, той самой летальной системе, или системе заблаговременного воскрешения, с которой и столкнулся ещё Зенон, так и не нашедший искомой им единицы – точки преобразования конечного в актуально бесконечное.

Пространство, повреждённое симуляцией, по Бодрийяру, это лента Мебиуса, бесконечная замкнутая система [4, с. 26], где каждое действие «отменяется с окончанием цикла, рассеиваясь во всех направлениях и становясь выгодным для всех» [4, с. 26]. «Перед нами ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток, но ад неуловимого, зловредного, неопределимого искривления смысла... Это не обязательно приводит к безнадежности для смысла, но также к импровизации смыслом, к отсутствию смысла, одновременной множественности смыслов, разрушающих друг друга» [4, с. 29]. Процесс, который ведёт к повреждённости пространства симуляцией – имплозия (взрыв, направленный внутрь). Бодрийяр показывает на других сюжетах, как такие феномены чрезмерности, как ядерная угроза, Холокост и др., способны вызывать имплозию.

У Бодрийяра соответствие выявленной Зеноном закономерности распада конечного в потенциально бесконечное просматривается лишь частично. Здесь остаются не выявленными исходные условия этого распада, а именно неоправданное допущение возможности положительного решения проблемы актуальной бесконечности. У Бодрийяра эта возможность предполагается лишь так называемым «мифическим измерением». По словам другого постмодерниста Ж. Деррида, высказывавшегося более определённо, неоправданное до-

пущение возможности положительного решения проблемы актуальной бесконечности стало «великой метафизической авантюрой Запада». Среди «классиков» постмодернизма, пожалуй, лишь Деррида отводит проблеме актуальной бесконечности подобающее ей место. Обращение к этой последней способно сделать постмодернизм более зрячим по отношению к своим собственным перспективам, тогда как «согласно критическим взглядам Ж. Бодрийера, мир достиг точки, когда борьба с силами симуляции невозможна» [10, с. 251].

Вычерк «конца» актуальной бесконечности у Деррида

Деррида показывает, что метафизика как «великая авантюра Запада» стала возможна благодаря представлению об актуальной бесконечности, известному в качестве проблемы до и независимо от христианства, но только с приходом христианства получившему некоторый положительный смысл и легитимность. «**Бесконечный** божественный разум есть другое имя логоса как самоналичия... Лишь **бесконечное** существо может устранить различие в наличии. В этом смысле имя Божье, по крайней мере то, что упоминается в системах классического рационализма, есть имя неразличимости как таковой. Лишь **позитивная [актуальная] бесконечность** может осуществить снятие следа,¹ “сублимировать” его (выделено полужирным нами. – М. Ф.)» [7, с. 238, 200]. Заявляя о том, что «знак и божество родились в одном и том же месте и в одно и то же время» и что «эпоха знака по сути своей теологична» [7, с. 128], Деррида замечает, что эти понятия «нередко считают возможным безболезненно разделить» [7, с. 128]. Но такое намерение, как считает Деррида, влечёт за собой необходимость радикального пересмотра того отношения между одним и

другим («божеством» как актуальной бесконечностью и знаком), которое на протяжении всей эпохи логоса конституировало природу знака, хотя и оказалось на деле местом «великой метафизической... авантюры Запада» [7, с. 124]. Осознание того, что реализация актуальной бесконечности как обращённость к «лику божьему» неосуществима, не значит, что природа знака может быть теперь только человеческой, конечной. Вычерк теологического содержания знака как конца бесконечного приближения к «лику божьему» не ставит точку на этом пути, которая просто *отрезала* бы конечное от бесконечного. Но, как настаивает Деррида, в этом случае уже нельзя безболезненно отделить одно от другого. Отсылка (бесконечное приближение означающего к означаемому) останется даже после вычерка конца этого бесконечного приближения. По словам Деррида, «самотождественность означаемого [словом] непрестанно скрывается и смещается» [7, с. 171]. И ещё: «РазличАние [как отстранение-отсрочивание (т. е. откладывание в пространстве и промедление во времени)] отлично от конечности» [7, с. 195]. Деррида исходит из «беспрерывного возведения здания обозначаемого... что приводит к парадоксам движения, одновременно включающего приближение и отдаление» [16, с. 40]. Как видно, бесконечность (как феномен чрезмерности), раз допущенная в природе знака, уже не устраняется из неё даже после разрушения этой природы вычерком. Но после вычерка это будет уже не актуальная, а потенциальная бесконечность.

Неизбежность изменения конечного ввиду неоправданного допущения актуально бесконечного была засвидетельствована Зеноном. В апориях Зенона загадка превращения конечного в потенциально бесконечное, загадка «исчезновения» заданных пределов представлена открыто. Здесь все её видимые условия даны настолько это возможно явно. Постмодернизм, говоря, по сути, о той же самой проблеме, уже не обнаруживает такой открытости. Вследствие этого здесь

¹ След – понятие философии Деррида, противопоставляемое «присутствию» как принципу традиционной метафизики и в таком виде входящее в состав бинарной оппозиции «след – присутствие».

возникают вопросы, которые остаются здесь без ответа, но ответ на которые может быть получен на основе привлечения рассуждений древнего элеата и восстановления исконного смысла исследуемой им проблемы актуальной бесконечности как проблемы преобразования природы.

Распад дерева-корня в бесконечность становления ризомы у Ж. Делёза и Ф. Гваттари

Опыт освоения проблемы актуальной бесконечности Античностью становится ценным ресурсом для понимания того, как в постмодернизме Ж. Делёза и Ф. Гваттари некая целостность (дерево-корень) уступает место множественности, притом что об обстоятельствах утраты основательности бинарной логики («закон Одного, становящегося двумя, а затем двух становящихся четырьмя...» [6, с. 9]) и той реальности, которую она описывала (дерево-корень) здесь не говорится почти ничего. «Мы говорим лишь о следующем: о множественностях, линиях, стратах и сегментациях...» [6, с. 8]. Ключевое понятие такого дискурса – ризома. «Мы не должны больше верить деревьям, их корням, корешкам, мы слишком пострадали от этого... Напротив, ничто не красиво, не любо, не политично, кроме подземных отростков и надземных корней, сорняков и ризомы» [6, с. 26–27]. Дословно «ризома» означает клубень, корневище. Это лингвофилософский концепт особого типа, своего рода онтологическая категория философии постмодернизма, это не множество, прототипом которого является синтагматическое древо, начинающееся с пункта S и продолжающееся по дихотомии, и не множественное, создаваемое прибавлением каждый раз превосходящего измерения $(n + 1)$, а множественность, из которой, наоборот, вычтено единственное, где – 1 всегда пишется после n . «Ризома не позволяет себе вернуться ни к Одному, ни к многому. Она не Одно, которое становится двумя, ни даже которое прямо становилось бы тремя, четырьмя, пятью и т. д. Она – не многое, выводимое

из Одного, или к которому добавляется Одно $(n+1)$. Она сделана не из единиц, а из измерений, или, скорее, из подвижных направлений. У неё нет ни начала, ни конца, но всегда – середина, из которой она растёт и переливается через край. Она конституирует линейные множества с n измерениями, без субъекта и объекта, – множества, которые могут быть выложены на плане консистенции и из которых всегда вычитается единица $(n-1)$ » [6, с. 37]. «...когда множественное действительно рассматривается как субстантив – множество, или множественность, – нет более никакого отношения с Одним» [6, с. 14].

У Ж. Делёза и Ф. Гваттари для проявления различия между деревом и ризомой противопоставляется калька и карта. «Вся логика дерева – это логика кальки и воспроизводства» [6, с. 21]. Логика дерева «состоит в калькировании чего угодно, что дано нам уже готовым, начиная со сверхкодирующей структуры или поддерживающей оси» [6, с. 21]. И далее: «Если карта противопоставлена кальке, то потому, что она полностью развёрнута в сторону эксперимента связанного с реальным... Карта открыта, она способна к соединению во всех своих измерениях, демонтируема, обратима, способна постоянно модифицироваться» [6, с. 21–22]. Неслучайно Делёз говорит «о настоящем предмете философии как об имманентности» [8, с. 95].

Но тут же сама возможность противопоставления кальки и карты проблематизируется: «В ризомах, ризоматических прорастаниях в корнях существуют узлы древовидного разветвления... Есть анархические деформации в трансцендентной системе деревьев, надземных корней и подземных стеблей. Важно то, что дерево-корень и ризома-канал не противопоставляются как две модели – одна действует подобно трансцендентальным модели и кальке, даже если она порождает свои собственные ускользания; другая действует как имманентный процесс, опрокидывающий модель и намечающий карту, даже если она конституирует свои собственные

иерархии, даже если она создаёт деспотичный канал» [6, с. 36].

Ж. Делёз и Ф. Гваттари указывают на проблему письма как на причину такой неточности выражений: «Абсолютно необходимы неточные выражения, дабы обозначить что-либо точно... неточность вовсе не аппроксимация, напротив, это точный проход того, что создаётся» [6, с. 36].

Такого рода неопределённость в противопоставлении ризомы и дерева становится для исследователей «соблазном» доопределить представление о ризоме, минуя те её характеристики, благодаря которым она признаётся противоположностью дерева и его логике. Так, Е. В. Николаева доказывает, что ризома предвосхитила теорию фракталов. По её словам, таким метафорам-озарениям в философии постмодернизма, как «ризома», «гипертекст» и др., «не хватало точных алгоритмов их описания и фиксации в картине мира постсовременности» [15, с. 115], притом что они «были прообразами математических инструментов концептуализации действительности» [15, с. 115]. Е. В. Николаева называет фрактал «математическим и концептуальным инструментом» [15, с. 119], который описывает ризому, несмотря на то, что по определению фрактал с необходимостью имеет пределы, а у ризомы, наоборот, они по определению отсутствуют. Как напоминает Е. В. Николаева, «фрактал – принципиально бесконечный процесс, он есть непрестанно разворачивающаяся форма, которая, оставаясь в своих пределах, уходит в бесконечную глубину» [15, с. 118]. Так, для фрактала определяющим является принцип кальки (дерева) ввиду его самоподобия и рекурсивности. В противоположность этому, в ризоме «нет ни имитации, ни сходства, а есть взрыв двух гетерогенных серий в линию ускользания...» [6, с. 17], «ризома – не объект воспроизводства: ни внешнего воспроизводства в качестве дерева-образа, ни внутреннего воспроизводства в качестве структуры-дерева. Ризома – это антигенеалогия. Это кратковременная память или анти-память. Ризома действует благодаря

вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу» [6, с. 38]. Нельзя не признать наличия некоторой недоговорённости в приводимом описании ризомы. Так, с одной стороны, ризома, представляемая как «взрыв двух гетерогенных серий», которые вступают в некоторое взаимодействие между собой «благодаря вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу», предполагает наличие некоторой общей, объемлющей их предельной области (как «Всё»), благодаря которой только и становится возможным предположить, что у этих двух (как и у любых других) гетерогенных серий может быть нечто общее, некоторая гипотетическая точка схода (как у Кузанского «всё во всём»). По определению ризомы, «у неё нет ни начала, ни конца, но всегда – середина [точка], из которой она растёт и переливается через край» [6, с. 37]. «Ризома не начинается и не заканчивается, она всегда посередине, между вещей, меж-бытие, *интермеццо*» [6, с. 44]. К этой точке и направлены движения ретерриторизации и детерриторизации, благодаря которым растёт ризома. Так, ризому образуют гетерогенные оса и орхидея. «Орхидея детерриторизируется, формируя образ, кальку осы; но оса ретерриторизируется в этом образе. Однако оса детерриторизируется, сама становясь деталью аппарата репродукции орхидеи; но она ретерриторизирует орхидею, транспортируя её пыльцу» [6, с. 17]. Речь идёт о «подлинном становлении, становлении-осой орхидеи, становлении-орхидеей осы... оба становления сцепляются и сменяются, следуя циркуляции интенсивностей, всегда продвигающей территориализацию ещё дальше» [6, с. 17]. Эта (гипотетическая) общая точка схода является подобием (гипотетической) общей объемлющей области, что и даёт повод сближать фрактал и ризому, развивая и доопределяя представление о последней. Но, с другой стороны, как таковое наличие самой этой срединной точки и соответственное наличие объемлющих пределов сделали бы ризому неподвижной, в то время как она являет собой как раз, наоборот, бесконечное становление и продвижение

вглубь середины, задаваемое как раз поиском этой никогда не данной точки. То же касается и пределов. Не будь понятия о них, не было бы и понятия об этой точке. Таким образом, в ризоме пределы и точка схода оказываются одновременно и даны, и не даны. В этом и состоит неустранимая причина невозможности точного её определения в постмодернизме¹.

Однако если не точное, то по крайней мере более полное представление о том, как возможно пределам и искомой точке схода быть одновременно и данными, и не данными, может быть составлено на основе аргументов Зенона Элейского, откуда видно, как пределы объемлющего (у Зенона «весь пройденный телом путь») позволяют начать бесконечное продвижение вглубь к искомой точке (единице) и как затем это продвижение остаётся само по себе, не только не достигнув искомой точки, но и утратив связь с изначально данными пределами (концом уже пройденного пути).

Заключение

Таким образом, постмодернистское отрицание категорий модерна не может быть удовлетворительно эксплицировано в отрыве от проблемы актуальной бесконечности, от восстановления её исконного смысла как проблемы преобразования природы, выводящей за пределы собственно европейской философии, и от открытой ещё Зеноном негации актуальной бесконечности, результатом которой оказывается распад конечного в потенциальную бесконечность. В такой перспективе постмодернизм оказывается уже не ниспровергателем модерна, классики в целом и не последним словом европейской философии, а отсылкой к этому более широкому контексту, от взаимодействия с которым теперь зависит её будущее.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого. М.: АСТ, 2022. 448 с.
2. Аристотель. Физика / пер., прим. В. П. Карпова. М.: КомКнига, 2007. 232 с.
3. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 205 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
5. Гайденок П. П. К вопросу о генезисе новоевропейской науки // Философия науки. 1998. Вып. 4. С. 52–60.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.
7. Деррида Ж. О грамматики / пер Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
8. Керслейк К. Об основании Делеза / пер. Д. Кульбашной // Логос. 2020. Т. 30. № 4. С. 89–108.
9. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии / отв. ред. А. Е. Зимбули. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
10. Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (58). № 6. С. 241–254.
11. Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского. Попытка реконструкции системы аргументов. Л.: Ленинградский государственный университет, 1988. 263 с.
12. Косарева Л. М. Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Институт психологии РАН, 1997. 360 с.

¹ По-другому подходят к этой проблеме в радикальном конструктивизме, где аналогом процессов детерриторизации и ретерриторизации выступает аутопозис. Здесь признаётся вопрос о *внешнем* как о пределах аутопозисной системы, но отрицается возможность его рассмотрения. Радикальные конструктивисты отстаивают право воздерживаться от суждений в вопросе о *внешнем*, признавая сам радикальный конструктивизм разновидностью скептицизма. Усилиями классика радикального конструктивиста Эрнста фон Глазерсфельда «конструктивизм превращается в целое направление в эпистемологии, своими корнями уходящее в учение античных скептиков и не прерывающее своей истории на протяжении всего развития человеческой мысли» [19, с. 50].

13. Кузанский Н. Об учёном незнании. М.: Академический проект, 2011. 159 с.
14. Мид Дж. Орфизм. Теософия древних греков / пер. В. А. Литновской. Вологда: Полиграф-Периодика, 2017. 167 с.
15. Николаева Е. В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 114–120.
16. Сироткин Ю. Л. Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Деррида (1930–2004) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. № 3. С. 36–46.
17. Филатова М. И. Актуальная бесконечность: псевдопроблема или метаоснование западноевропейской философии и науки? // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 1. С. 11–27.
18. Филатова М. И. Классическая и неклассическая рациональность в свете проблемы бесконечности // VIII Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (I): сборник научных статей. М.: Российское философское общество: Институт философии РАН: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова: Логос, 2020. С. 150–152.
19. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München: PHREN, 2000. 332 с.
20. Dauben J. W. Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite. New Jersey: Princeton University Press, 1979. 404 p.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphysica* (Rus. ed.: Kubicky A. V., transl. *Metafizika*. Moscow, AST Publ., 2022. 448 p.).
2. Aristotle. *Physica* (Rus. ed.: Karpov V. P., transl. *Fizika*. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 232 p.).
3. Ahutin A. V. *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v novoe vremya ("fysis" i "natura")* [The Concept of "Nature" in Antiquity and Modern Times ("Fusis" and "Nature")]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 205 p.
4. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyacii*. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.).
5. Gaidenko P. P. [On the Question of the Genesis of the New European Science]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1998, iss. 4, pp. 52–60.
6. Deleuze G., Guattari F. *Mille plateaux* (Rus. ed.: Svirsky Ya. I., transl. *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel Publ., 2010. 892 p.).
7. Derrida J. *De la grammatologii* (Rus. ed.: Avtonomova N., transl. *O grammatologii*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 511 p.).
8. Kerslake C. Grounding Deleuze (Rus. ed.: Kulbashnaya D., transl. *Ob osnovanii Delyoza*. In: *Logos*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 89–108).
9. Cassidy F. X. From Myth to Logos: The Making of Greek Philosophy (Rus. ed.: Zimbuli A. E., ed. *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoj filosofii*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003. 360 p.).
10. Kovtunen I. V., Kudryashov I. A. [Creative Reception of the Concepts of J. Baudrillard in the Postmodern Worldview of C. Palahniuk: Simulacra, Mediation, Vanishing Reality]. In: *Gumanitarij yuga Rossii* [Humanist of the South of Russia], 2022, vol. 11 (58), no. 6, pp. 241–254.
11. Komarova V. Ya. *Uchenie Zenona Elejskogo. Popytka rekonstrukcii sistemy argumentov* [The Teachings of Zeno of Elea. Experience in the Reconstruction of the System of Arguments]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1988. 263 p.
12. Kosareva L. M. *Rozhdenie nauki novogo vremeni iz duha kul'tury* [The Birth of the Science of Modern Times from the Spirit of Culture]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 360 p.
13. Kuzansky N. *Ob uchyonom neznanii* [On Scientific Ignorance]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2011. 159 p.
14. Mead G. Orpheus (Rus. ed.: Litnovskaya V. A., transl. *Orfizm. Teosofiya drevnih grekov*. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2017. 167 p.).
15. Nikolaeva E. V. [From Rhizome and Fold to Fractal]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2014, no. 2, pp. 114–120.
16. Sirotkin Yu. L. [Space-Time Continuum in the Postmodern Paradigm: J. Derrida (1930–2004)]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy], 2021, no. 3, pp. 36–46.

17. Filatova M. I. [Actual Infinity: Pseudo-Problem or Meta-Foundation of Western European Philosophy and Science?]. In: *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2021, vol. 13, no. 4, pt. 1, pp. 11–27.
18. Filatova M. I. [Classical and Non-Classical Naturalness in the Light of the Problem of Infinity]. In: *VIII Rossijskij filozofskij kongress "Filosofiya v policentrichnom mire". Sekcii (I)* [VIII Russian Philosophical Congress "Philosophy in a polycentric world". Sections (I)]. Moscow, Russian Philosophical Society; Institute of Philosophy RAS Publ., Lomonosov Moscow State University Publ., Logos Publ., 2020, pp. 150–152.
19. Cokolov S. *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma: Tradicii skepticizma v sovremennoj filosofii i teorii poznaniya* [Discourse of Internal Constructivism: Traditions of Scepticism in Modern Philosophy and Theory of Knowledge]. München, PHREN Publ., 2000. 332 p.
20. Dauben J. W. Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite. New Jersey, Princeton University Press, 1979. 404 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатова Мария Игоревна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Курской государственной сельскохозяйственной академии им. И. И. Иванова;
e-mail: m.philatova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya I. Philatova – Cand. Sci. (Philosophy), Teacher of the Department of Philosophy, Kursk State Agricultural Academy;
e-mail: m.philatova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филатова М. И. Потенциальная бесконечность как парадигмальное ядро постмодернизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 57–70.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-57-70

FOR CITATION

Philatova M. I. Potential Infinity as the Paradigmatic Core of Postmodernism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 57–70.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-57-70

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-71-76

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВНАЯ ИДЕЯ ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА

Степанова О. И.

Московский педагогический гуманитарный университет

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть основной предмет философии Льва Исааковича Шестова, которым является человек с «плавающей идентичностью». Такой человек пережил опыт обесценивания ценностей, падения ориентиров, он не тождественен самому себе.

Процедура и методы. В исследовании были рассмотрены и проанализированы принципы работы Л. Шестова. Было выявлено, что основной метод Л. Шестова – «странствование по душам». Нами были изучены основные особенности этого метода.

Результаты. В исследовании был проанализирован метод исследования Л. Шестова – «странствование по душам». С помощью этого метода мыслитель исследует человеческие души. Льву Исааковичу важно вовсе не учение мыслителя, а живая и мечущаяся человеческая душа. Он старается раскрыть «сокрытое» в жизни мыслителя. Были также изложены и проанализированы те преграды, которые встают на пути мыслителя к исследованию индивидуальной души.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование актуально для современного человека, поскольку вопросы, поднимаемые Л. Шестовым, как никогда актуальны. Как жить человеку, у которого постоянно уходит почва из-под ног? Современный человек ежедневно проходит через обесценивание ценностей, крушение ориентиров. Такому человеку остаётся лишь его собственная свобода. Захотим ли мы воспользоваться ею или для нас притягательнее утонуть в «общезначимом»?

Ключевые слова: общеизвестные истины, свобода, странствование по душам, стояние над бездной, человек

THE PROBLEM OF MAN AS THE MAIN IDEA OF L. SHESTOV'S PHILOSOPHY

O. Stepanova

Moscow Pedagogical Humanitarian University

prosp. Vernadsky 88, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the main subject of Lev Isaakovich Shestov's philosophy. That subject is a person with a "floating identity" who has experienced the depreciation of values, the fall of reference points, and is not identical to himself.

Methodology. The study examined and analyzed the principles of L. Shestov's work. It was revealed that the main method of L. Shestov is "wandering through the souls". We have studied the main features of this method.

Results. The study analyzed the research method of L. Shestov – “wandering through the souls.” With the help of this method, the thinker explores human souls. What matters to Lev Isaakovich is not the thinker’s teaching, but the living and tossing human soul. He tries to reveal the “hidden” in the life of a thinker. The obstacles that stand in the way of the thinker to the study of the individual soul were also outlined and analyzed.

Research implications. This study is relevant for the modern man, since the issues raised by L. Shestov are more relevant than ever. How one can live if the ground is constantly slipping from under his feet? The modern man goes through the daily devaluation of values, the collapse of the reference points. Such a person is left with only his own freedom. Do we want to use it, or are we more attracted to drowning in the “common sense”?

Keywords: well-known truths, freedom, wandering through souls, standing above the abyss, man

Введение

Мир, в котором мы живём, постоянно меняется, ценности гибнут и сменяют друг друга. Мы не успеваем адаптироваться к этим изменениям.

Философская мысль Л. Шестова сейчас актуальна, ведь события последних лет и дней выбивают эту самую почву под ногами.

Мыслитель в своих трудах не даёт нам готовых ответов. Известный русский философ Густав Шпет когда-то писал, что решение Л. Шестова говорить «нет» разуму, общезначимым истинам, морали стало индивидуальным выбором и ни в коем случае не должно стать правилом и поведением для учеников и потомков. Густав Густавович пишет: «...он не обобщается, потому что путь – в индивидуальном и не подлежит обобщению» [9, с. 220].

Несмотря на принципиальное нежелание Льва Исааковича снабжать нас готовыми инструкциями, он может предложить нам нечто более ценное. Мыслитель призывает нас обратить своё внимание на тот аспект бытия, который всё ещё значим для каждого из нас. Этот аспект – человеческая свобода. Речь идёт вовсе не о свободе делать всё, что каждый из нас пожелает. Разговор о свободном создании своего собственного пути в жизни. Не существует одного единственного пути, каждый человек стоит перед необходимостью создавать свой собственный. Раньше мы могли спрятаться от себя самих за религиозные догматы, общественные и национальные ценности. На вопрос «кто я?» и следующий

из него «как мне следует жить?» существовали готовые ответы.

В нынешнее время эти вопросы встают перед нами с небывалой остротой. Каждый из нас стоит лицом к лицу с неопределённостью, изменчивостью окружающего мира, с зыбкостью всех моральных норм и правил. В связи с вышесказанным вспоминается известное эссе Иммануила Канта «Что такое просвещение?». В нём он рассуждает о костылях, которые в лице священника, государственного деятеля, книги всю историю указывали человеку, как ему жить. Отказ от таких костылей происходит достаточно болезненно, но это необходимо, чтобы передвигаться на собственных ногах [4, с. 5]. Л. Шестов стал одним из тех мыслителей, кто пытается убедить нас отказать от этих костылей. В наше время к этому нас толкает сама жизнь.

«Странствование по душам» как основной метод Л. Шестова

Друг Л. Шестова и известный русский мыслитель Н. Бердяев называет мыслителя однодумом: «Л. Шестов подчинял основной теме своей жизни всё, что он думал, что говорил и писал. Он мог смотреть на мир, производить оценки мысли других исключительно изнутри своей темы, он всё к ней относил и делил мир по отношению к этой теме. Он был потрясён этой темой. Как её формулировать? Он был потрясён властью необходимости над человеческой жизнью, которая порождает ужасы жизни» [1, с. 45].

И правда, ищущий взгляд Шестова устремлён вовсе не на учение мыслителя, а на живого страдающего человека. Бенджамин Фондан, самый близкий ученик Л. Шестова и, по словам Льва Исааковича, единственный человек, который не был заворожён формой его философии, не притягательностью его образов, а понял самую суть его мысли, когда-то написал: «Для Льва Исааковича существует настоящий человек. Он – живое отрицание, гневный протест против злоупотребления властью, которое делает из него геометрическую фигуру» [5, с. 196].

Л. Шестов не исследует, он борется за то, что в мыслителе «самое ценное» для него самого. Это война, где Л. Шестов старательно подкладывает взрывчатку под веру в объективное положение дел, в наличие протоптанных дорожек и истин, достойных тихого и благоговейного созерцания философов.

Именно поэтому сам Л. Шестов называет свой метод «странствование по душам». В. Л. Курабцев пишет, что для мыслителя: «Странствование по душам – метод. Цель – найти весы» [3, с. 270]. Эти слова отсылают нас к библейской жалобе Иова на свои страдания, которые оказываются тяжелее всего песка морского (Иов: 6: 2–4).

Зачем нужны Льву Исааковичу такие весы? И как могло бы случиться так, что неосязаемые, невесомые страдания в один момент стали бы тяжелее всего песка морского? Любой бы ответил, что такое попросту невозможно, но именно за это «невозможно» и цепляется Л. Шестов. Он прекрасно знает и понимает, что невозможно, но упорно стучится туда, где и двери-то вовсе никогда не было и нет [5, с. 40]. Иногда, мыслитель решает эту проблему с помощью введения фигуры Бога, для которого нет ничего невозможного и который может сделать бывшее небывшим. В «Потустороннем друге» мы читаем следующие строки: «Но если есть Бог, если все люди – дети Бога, то, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть» [2, с. 9]. Мнения исследователей по вопросу религиозности Л. Шестова различны и

неоднозначны. На наш взгляд, основной фигурой в философии Л. Шестова является человек: беспокойство и забота именно об этом человеке в состоянии потерянности, утраты почвы под ногами движут Л. Шестовым.

Неослабевающее внимание к единичному человеку просматривается во всех трудах мыслителя. Именно поэтому Л. Шестов концентрируется на «индивидуальном» мыслителе. Б. Фондан пишет: «Это настоящее Я, это живое Я никто не исследовал лучше, чем Шестов, никто не понимал лучше, чем он, что нужно следовать за ним до конца и рассматривать его не как Я вообще, но как уникальное Я, обладающее именем и собственным опытом – и только собственным» [5, с. 38]. Известный российский исследователь Л. Шестова В. Л. Курабцев отмечает, что считать метод мыслителя неэффективным и не заслуживающим внимания не следует, несмотря на то что он может приводить к серьёзным ошибкам [3, с. 271].

Преграды, которые встают на пути изучения индивидуальной души

На этом пути к индивидуальной душе нас поджидает множество опасностей, однако отметим лишь основные из них. Лев Исаакович полагает, что сами творцы обычно не строили систем, они могли себе позволить существовать без этого. Часто мысли, высказанные ими в различных трудах, имеют крайне мало сходства и преемственности между собой. Однако когда труды переходят к ученикам, последние стремятся выжечь в них любые противоречия и выстроить стройную схему учения [8, с. 42].

История философии всегда стремилась изобразить «процесс развития» философских систем, найти то «общее», что философами со времён древних греков считалось за самое существенное. Л. Шестов выбрал себе иной путь в своих работах и нас предостерегает от вступления на путь всеобщего господства. Мыслитель пишет: «может, мы тогда постигли бы, что задача

истории философии вовсе не в том, чтоб изображать “процесс развития” философских систем, что хоть такой процесс и наблюдается, но он не только не вводит нас в святая святых философов, т. е. в их заветнейшие мысли и переживания, но лишает нас возможности общения с наиболее замечательными людьми прошлого. История философии, да и сама философия должна быть и была часто только “странствованием по человеческим душам”, и величайшие философы всегда были странниками по душам» [8, с. 262].

Следующая ловушка на пути странствования по душам подготовлена для нас уже самими творцами. Часто они намеренно стремятся скрыть правду о самих себе. С. Кьеркегор старается скрыть своё бессилие, когда объясняет свой отказ жениться на Регине тем, что их брак был бы похож на множество буржуазных семей. Не обходит вниманием Л. Шестов и Ницше: он замечает, что беспомощный, больной человек, которым был Ф. Ницше, сумел заставить весь мир поверить, что он сам – совершенная всемогущая машина [6, с. 76].

В случае с Ф. М. Достоевским мыслитель задаётся вопросом, почему Фёдор Михайлович таким умением и изяществом описывает своих отрицательных персонажей: Родиона Раскольникова, Дмитрия и Ивана Карамазовых, Подпольного человека, однако при этом его положительные персонажи предстают на страницах романов безжизненными, скучными, однообразными? Можно спорить с подобной оценкой персонажей Достоевского, между тем Л. Шестов делает из своих предположений следующий вывод: метания, сомнения, злоба, зависть своих негативных персонажей была знакома Достоевскому по личному опыту, при этом писателю недоставало индивидуального постижения опыта его положительных персонажей, таких как Алёша Карамазов, князь Мышкин [7, с. 135].

Подобное стремление Л. Шестова в своих произведениях раскрывать сокрытое было замечено его учеником Б. Фонданом: «Я знаю, что Шестов ищет во всём фунда-

ментальный абсурд, который каждый человек пытается скрыть; с особой жестокостью он разрывает завесу, дабы воцарилась беззастенчивость» [5, с. 184]. Для того, чтобы делать подобные открытия, нужно обладать чуткостью к жизни отдельной человеческой души, к которой Л. Шестов всегда стремился в своих работах.

Третье препятствие на пути постижения индивидуальной души возникло совсем недавно. Оно коренится в принципах современной философии. Первая заповедь современной философии звучит следующим образом: «Ты должен освободиться от всех предпосылок» [8, с. 254]. Учёные стремятся рассказывать «как оно было на самом деле», избегая предпосылочности и отвлечённых построений. По мнению Л. Шестова, такие попытки обречены на провал, поскольку любое знание предпосылочно. Даже у Р. Декарта, который впервые провозгласил беспредпосылочность философского знания, были предпосылки для этого: «У Декарта была, конечно, своя предпосылка. Какая-то могучая, непреодолимая сила, которую он бы не мог назвать по имени и имени которой он и не допытывался, но которая им владела безраздельно, влекла его неудержимо к одной цели: *во что бы то ни стало изгнать из нашей жизни тайну*» [8, с. 254]. Лев Исаакович в своих странствованиях по душам всегда искал предпосылки того или иного философского построения, и нас он призывает к тому же, т. к. иначе мы будем обмануты и не сумеем добраться до самой сути изучаемого нами мыслителя.

Помимо всего вышесказанного, нам следует избегать попадания в лапы историчности. С одной стороны, Л. Шестов берёт на вооружение принцип историзма в своей борьбе против вечных идей, тем самым он показывает, что в разных странах и у разных народов были различные представления об истине [6, с. 5].

С другой стороны, в своих размышлениях о Плотине мыслитель обращает наше внимание на то, что самое существенное у древнегреческого философа не было связано ни с ходом истории, ни

с какой-либо преемственностью мысли. Л. Шестов пишет: «и при Елизавете, и при Людовике XIV, и когда захотите забота и философский пафос Плотина сводились бы к тому, чтоб бежать, бежать без оглядки из того царства самоочевидностей, в котором на престоле сидят не императоры-однодневки – как бы они ни назывались, а то “вечное”, бесплотное, идеальное начало, которое с незапамятных времён называется “естественной необходимостью”» [8, с. 355]. Получается, что «самое существенное» у Плотина было продиктовано чем-то более глубинным, внеисторическим.

Мы видим, что Л. Шестов использует принцип историзма в своей попытке показать, что «вечные идеи», «общие принципы» лишь пытаются убедить нас в своей внеисторичности, при этом таковыми не являясь. Однако, когда речь идёт о прозрениях индивидуальной души, Л. Шестов уже выступает против принципа историчности, показывая, что ему не место в объяснении подобных внутренних прозрений. Они обычно возникают из собственных душевных переживаний. Здесь вырисо-

вывается следующий принцип работы Л. Шестова с текстами: всегда помнить, что «самое важное» не детерминировано ни временем жизни мыслителя, ни предшествующими влияниями.

Заключение

В работах Л. Шестова человек предстаёт перед нами в своей тревоге, страхе, в своём страдании, в своём стоянии над бездной. Что остаётся этому несчастному? Ему остаётся его свобода. Это свобода, дающая человеку право взывать к личному богу через бетонные стены вечных законов бытия. Это свобода роптать на Бога. Свобода делать выбор между распитием чая в одиночку и гибелью всего остального мира. Свобода создавать свой собственный путь. Желаем ли мы воспользоваться этой свободой или для нас притягательнее утонуть в общезначимом? Этот вопрос глубоко личный, сокровенный. На него каждый отвечает самостоятельно.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Основная идея философии Л. Шестова // Путь. 1939. № 58. С. 44–48.
2. Громова Н. А. Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахеевой-Мирович в письмах и документах. М.: АСТ, 2021. 416 с.
3. Курабцев В. Л. Миры свободы и чудес Льва Шестова: жизнь мыслителя, «странствование по душам», философия. М.: Российское гуманистическое общество, 2005. 310 с.
4. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Издательство социально-экономической литературы: Мысль, 1966. 743 с.
5. Фондан Б. Встречи со Львом Шестовым / пер. Л. Эйделькинда. М.: Библиотека Михаила Гринберга, 2021. 344 с.
6. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М.: Азбука, 2011. 132 с.
7. Шестов Л. И. Достоевский и Ницше. Философия трагедии. М.: Академический проект, 2020. 462 с.
8. Шестов Л. И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. 448 с.
9. Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 487 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. [The Main Idea of L. Shestov's Philosophy]. In: *Put'* [Way], 1939, no. 58, pp. 44–48.
2. Gromova N. A. *Potustoronnij drug. Istoriya lyubvi L'va Shestova i Varvary Malahievoj-Mirovich v pis'mah i dokumentah* [Otherworldly Friend. The Love Story of Lev Shestov and Varvara Malahieva-Mirovich in Letters and Documents]. Moscow, AST Publ., 2021. 416 p.
3. Kurabcev V. L. *Miry svobody i chudes L'va Shestova: zhizn' myslitelya, «stranstvovanie po dusham», filosofiya* [The Worlds of Freedom and Wonders of Lev Shestov: The Life of a Thinker, “Wandering through the Souls” Philosophy]. Moscow, Russian humanistic society Publ., 2005. 310 p.

4. Kant I. Collected Works (Rus. ed.: Asmus V. F., Gulyga A. V., Oizermana T. I., eds. *Sochineniya*. T. 6. Moscow, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury Publ., Mysl' Publ., 1966. 743 p.).
5. Fondane D. Léon Chestov et la lutte contre les évidences (Rus. ed.: Eidelkind L., transl. *Vstrechi so Lvom Shestovym*. Moscow, Biblioteka Mihaila Grinberga Publ., 2021. 344 p.).
6. Shestov L. I. *Apofoez bespochvennosti* [Apotheosis of Groundlessness]. Moscow, Azbuka Publ., 2011. 132 p.
7. Shestov L. I. *Dostoevskij i Nicshe. Filosofiya tragedii* [Dostoevsky and Nietzsche. Philosophy of Tragedy]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2020. 462 p.
8. Shestov L. I. *Sochineniya*. T. 2 [Collected Works. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 448 p.
9. Speth G. G. *Filosofskaya kritika: otzvyvy, recenzii, obzory* [Philosophical Criticism: References, Reviews, Surveys]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2010. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Ольга Игоревна – аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета;
e-mail: 15101995ol@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Stepanova – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: 15101995ol@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанова О. И. Проблема человека как основная идея философии Л. Шестова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 71–76.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-71-76

FOR CITATION

Stepanova O. I. The Problem of Man as the Main Idea of L. Shestov's Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 71–76.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-71-76

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 62:7

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-77-91

ОРИГИНАЛ И КОПИЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ИСКУССТВУ

Быльева Д. С., Краснощеков В. В.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Оценка влияния развития технологии на визуальное искусство, в частности на отношения копии и оригинала.

Процедура и методы. Влияние технологий раскрыто на материале произведений искусства разных эпох. Проанализированы технологии, используемые для массового копирования и создания объектов визуального искусства.

Результаты. Традиционно в искусстве ценилась подлинность. Художник-творец должен владеть мастерством работы с материей, доступным лишь избранным. Развитие технологий позволило делать копии проще и дешевле, чем был сделан оригинал (гравюра, литография, фотография). Технологии способствовали широкому распространению произведений искусства, однако разница между подлинником и копией не вызывала сомнений, хотя в истории искусства и были случаи художественной имитации массового. Оригиналу имеет огромную ценность, материальную и культурную, и может служить предметом паломничества. Только цифровая эпоха полностью уничтожила возможность найти различия между оригиналом и копией. Цифровизация означает эпоху визуальных симулякров (по Ж. Бодрийяру), утраты ауры материально присутствующих произведений (В. Беньямин). Цифровые технологии служат не только для копирования произведений искусства разных эпох, но и для создания произведения, которое не утрачивает своих особенностей при тиражировании. Но и в цифровую эпоху оригинал и копия принципиально отличались технологическим процессом создания. Однако при работе с технологиями искусственного интеллекта от человека требуются умелое оперирование словами и выборы наиболее подходящих вариантов, что окончательно размывает грань оригинала и копии.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии роли технологии в искусстве. Показано, что современные цифровые технологии требуют нового подхода к пониманию и оценке художественного творчества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусство, оригинал, технологии, творчество

THE ORIGINAL AND A COPY: A TECHNOLOGICAL CHALLENGE TO ART

D. Bylieva, V. Krasnoschekov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ul. Polytechnicheskaya 29, St. Petersburg 195251, Russian Federation

Abstract

Aim. Evaluation of the impact of technological developments on visual art, and in particular on the relationship between a copy and the original.

Methodology. The influence of technology is revealed on the material of works of art from different eras. The technologies used for mass copying and creation of objects of visual art are analyzed.

© СС BY Быльева Д. С., Краснощеков В. В., 2023.

Results. Traditionally, authenticity has been valued in art. The artist-creator must at the same time master the skill of working with matter, accessible only to the elite. The development of technology has made it possible to make copies easier and cheaper than the original (engraving, lithography, photography). Technology has contributed to the widespread distribution of works of art, but the difference between the original and a copy was not in doubt. The original is of great value both material and cultural, and can serve as an object of pilgrimage. Only the digital age has completely destroyed the possibility of distinguishing between the original and a copy. Digitalization means the era of visual simulacra (according to J. Baudrillard), the loss of the aura of materially present works (V. Benjamin). Digital technologies serve not only to copy works of art from different eras, but also to create a work that does not lose its features when replicated. But even in the digital age, the original and a copy were fundamentally different in the technological process of creation. However, when working with artificial intelligence technologies, a person is required to skillfully operate with words and choose the most suitable options, which finally blurs the line between the original and a copy.

Research implications. The study reveals the role of technology in art. It is shown that modern digital technologies require a new approach to understanding and evaluating artistic creativity.

Keywords: artificial intelligence, art, original, technology, creative activity

Введение

Искусство, наиболее тесно связанное с материальностью, – живопись, графика, скульптура – традиционно чувствительны к понятию оригинала и копии. Суть музыкальных произведений в повторении, литературные тексты воспроизводятся вновь и вновь, их существование находится во времени, а визуальные произведения привязаны к пространству. Именно поэтому изначально считалось возможным наличие только одного оригинального произведения.

Между уникальным и тиражированным произведениями искусства всегда существовали неоднозначные отношения [5], которые приобрели совершенно особое звучание с наступлением эры цифровизации. Технологии создания, тиражирования и распространения с течением времени всё больше влияют на саму суть искусства.

Копирование художественных произведений существовало во все эпохи: копии мог изготавливать сам автор, обучающиеся его мастерству, или, например, преступники с целью наживы. Однако возрастание роли технологий в воспроизводстве не только кардинально расширило возможности распространения произведений, сделав искусство общедоступным, но и в итоге поставило под сомнение ценность оригинала.

Технологии и искусство

Технология и искусство сегодня воспринимаются как явления, чуждые друг другу и подчас противоположные, однако изначально в них виделось скорее общее. Слово «арт» происходит от латинского ‘ars’, в то время как «технология» – от древнегреческого ‘tekhne’, означающего «искусство, мастерство». Оба слова *ars* и *tekhne* изначально означали примерно одно. Аристотель писал: «Всякое искусство имеет дело с возникновением, и быть искусным – значит разуместь, как возникает нечто из вещей, могущих быть и не быть, и чьё начало в творце, а не в творимом. Искусство ведь не относится к тому, что существует или возникает с необходимостью, ни к тому, что существует или возникает естественно, ибо это имеет начало в себе самом» [1]. Во взаимодействии человека с материей, приводящем к появлению артефакта, неважно, утилитарного или эстетического, главным представлялась именно активная преобразующая деятельность. При этом Платон выделяет в искусстве две составляющие: подражание (*mimēsis*) и мастерство (*technē*).

Британский антрополог Тим Ингольд утверждает, что вплоть до XVII в. различий между искусством и техникой не приводилось, когда художники воспринимались как ремесленники, методы работы в той или иной отрасли искусства можно охарактере-

ризовать как технические, а термин «технология» только начал использоваться для обозначения научного изучения этих методов [9, р. 17–18]. Примечательно изменение значения слова «искусственный» ('artificial') с «демонтирующего глубокое мастерство и искусство» на «простое, надуманное и почти ничего не стоящее» [13, р. 206]. Искусство стало восприниматься возвышенно, как проявление свободной творческой воли человека, а техника – как всего лишь механическое повторение определённых последовательностей. Решающий разрыв произошёл в Англии в конце XVIII в., когда гравёры были исключены из вновь образованной Королевской академии, куда принимались практикующие изящные искусства живописи, рисунка и скульптуры [17, р. 33]. Изысканными искусствами стали называть те, чьей целью является создание прекрасного, в отличие от ремёсел, от ремесленной искусности, занятой изготовлением изделий. По мнению Мартина Хайдеггера, в произведении искусства раскрывается потаённая суть: «сущее вступает в нескрывтость своего бытия» [7]. С негодованием отказываясь от того, что искусство есть подражание действительности (мимесис), Хайдеггер настаивает на воспроизведении в нём всеобщей сущности вещей.

В то время как технология в отличие от «свободного искусства» подразумевает «механическое применение набора определённых принципов – нечто схожее с инструкцией, которую практик обязан ввести в действие» [9, р. 30]. Однако в инструкции можно видеть две составляющие: одна, предписывающая последовательность шагов при взаимодействии с техническими объектами, которая «чаще всего встречается в области программирования, в случаях, когда машине, приложению, устройству или всей системе предписывается вести себя в определённом образом, выполняя задания или решая проблемы» [16, р. 8]; вторая, связанная с обучением, овладением техникой человеком, который должен оказаться способен добиваться результата в реальных условиях [8], что редко укладывается в набор правил.

Копия и оригинал: история вопроса

До наших дней преимущественно в массовом сознании сохранилось представление, что подлинным произведением искусства может служить только уникальное, а тиражированному отводится роль копии, эрзаца, созданного для замены уникального в силу значительно меньшей стоимости большинства тиражных произведений. В лучшем случае тиражированное призвано популяризовать уникальное.

Действительно, так и было на протяжении столетий или даже тысячелетий. Изначально копирование требовало мастерства, сопоставимого с созданным оригиналом. Яркий пример – древнеримские копии древнегреческих скульптур, оригиналы подавляющего большинства из которых не сохранились. Эти шедевры известны по римским копиям, но мотив удешевления здесь неуместен, поскольку копии или реплики изготовлялись из столь же дорогих материалов и зачастую первоклассными мастерами. Мы же можем любоваться гипсовыми или металлическими отливками всевозможных размеров и фактур в сувенирных магазинах и интерьерных салонах. Техническое воспроизводство принципиально отличается от «художественного копирования», т. к. в ходе совершенствования технологии процесс лишался творческой составляющей.

В Древней Греции существовали только два способа технического копирования художественного произведения: литье и штамповка. В Средние века наступил черёд гравюры, как репродукционной (рис. 1), так и оригинальной (рис. 2).

Мотивы для создания тиражированных произведений сохранялись – это популяризация оригинала при репродуцировании и относительно невысокая стоимость создания и воспроизведения в обоих случаях. Необходимо отметить, что лучшие репродукционные произведения несли отпечаток индивидуальности гравёров, имена которых в значительной части сохранились историей.

Рис. 1 / Fig. 1. Д. Вагнер с оригинала Я. Амигони «Пётр Первый с Минервой». 1730. / D. Wagner from the original by J. Amigoni "Peter the Great with Minerva". 1730.

Источник: Гравюра. Пётр Первый с Минервой // Тамбовский областной краеведческий музей [сайт]. URL: https://archivogram.top/35586603-gravyura__petr_pervyy_s_minervoy?ysclid=ldx7ihbzlc186701545 (дата обращения: 12.12.2022).

Рис. 2 / Fig. 2. А. Дюрер. Меланхолия I. 1514 / A. Dürer, Melencolia I, 1514.

Источник: Melencolia I, 1514 // National Gallery of Art: [сайт]. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.35101.html> (дата обращения: 2.12.2022).

В XVIII в. наступил черёд менее трудоёмкой и более дешёвой литографии. Иногда литографии раскрашивались акварелью или маслом либо автором, либо другими художниками, что повышало индивидуальность, а, значит, и стоимость разных экземпляров, приближая, таким образом, тиражированное к уникальному. Современным примером раскрашенной тиражной художественной продукции является авторская роспись размноженного цифровым способом графического рисунка. Такой подход используется для создания уникальных и недорогих изображений достопримечательностей. Раскрашивание акварелью придаёт отпечатанному на принтере или копире сувенирному рисунку черты уникальности.

Наконец, в XIX в. появилась фотография как универсальное средство копирования. Сначала казалось, что дагерротипы только повышают качество репродуцирования, поскольку, например, портреты или пейзажи, созданные художниками и литографами, характеризовались значительно более вы-

сокими художественными достоинствами, чем первые фотографии (рис. 3).

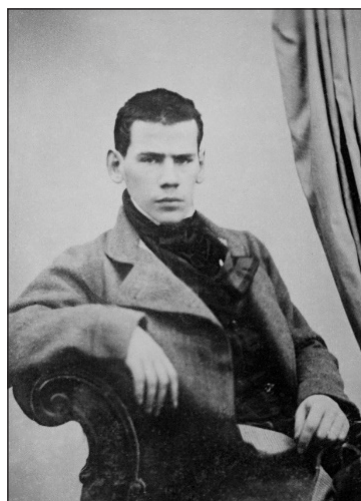

Рис. 3 / Fig. 3. Лев Толстой. 1848 / Lev Tolstoy. 1848

Источник: Толстой Л. Н. (в молодости) // Русский биографический словарь: [сайт]. URL: <http://www.rulex.ru/rpg/portraits/27/27085.htm> (дата обращения: 02.12.2022).

Но уже к концу XIX в. качество съёмки и обработки настолько повысилось, что можно стало говорить об авторской фотографии, которая расцвела уже в XX в. (рис. 4).

Рис. 4 / Fig. 4. Наппельбаум М. Анна Ахматова. 1924 / Nappelbaum M. Anna Akhmatova. 1924.

Источник: Энциклопедия фотографии (1891–1991) // Cultobzor: [сайт]. URL: <http://cultobzor.ru/2016/12/entsiklopediya-fotografii-1891-1991-vdnh/05-3517> (дата обращения: 02.12.2022).

В настоящее время фотографии вводят в экспозиции музеев и в собрания коллекционеров не только как свидетельства истории, но и как художественные произведения. Цены на наиболее редкие экземпляры фото достигают 10 тыс. долл., хотя, как и на традиционном художественном рынке, аукционные цены прежде всего являются плодом конъюнктуры и результатом деятельности по продвижению.

Примерами одних из самых дорогих фотографий в настоящее время являются портреты художницы Джорджии О'Киф (1887–1986), выполненные её супругом Альфредом Штиглицем (1864–1946) (рис. 5).

Именно Штиглица считают человеком, который перевернул представление о фотографии исключительно как средстве фиксации действительности. Интересно отметить, что произведения самой Джорджии О'Киф в духе сюрреализма (рис. 6, рис. 7) оказали и продолжают ока-

зывать огромное влияние на актуальное искусство, в том числе и на цифровое, которое является важной темой для настоящего исследования.

Рис. 5 / Fig. 5. Штиглиц А. Джорджия О'Киф, Проспект-Маунтин, Лейк-Джордж, 1927 г. / Stieglitz A. Georgia O'Keeffe, Prospect Mountain, Lake George, 1927.

Источник: National Gallery of Art: [сайт]. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.60199.html> (дата обращения: 02.12.2022).

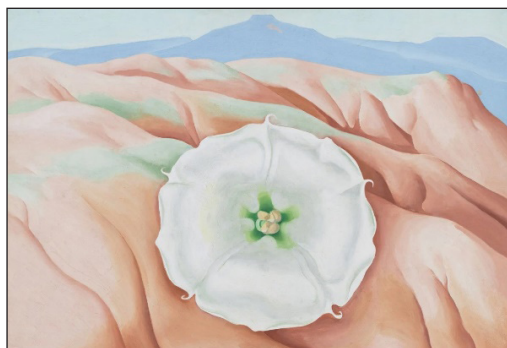

Рис. 6 / Fig. 6. О'Киф Дж. Серые линии с чёрным, синим и жёлтым / O'Keeffe G. Grey Lines with Black Blue and Yellow

Источник: Georgia O'Keeffe: [сайт]. URL: <https://www.georgiaokeeffe.net/grey-line-with-black-blue-and-yellow.jsp> (дата обращения: 12.01.2022).

В то же время технология создания фотографии принципиально исключает существование оригинала, с негатива может быть сделано множество отпечатков, из которых невозможно выделить подлинный.

Рис. 7 / Fig. 7. О'Киф Дж. Дурман и Педернал / O'Keeffe G. Datura and Pedernal

Источник: Orlando Museum of Art: [сайт]. URL: https://omart.org/artwork/detail/collections/american_art/6 (дата обращения: 12.01.2022).

Примерно с конца XIX в. репродукционная и художественная функции тиражированного существенно обособливаются. Качество репродукций становится всё лучше, а авторский компонент уходит на второй план. В настоящее время в книгах по живописи если и указываются фамилии фотографов, то известны они лишь узкому кругу специалистов. В этом аспекте роль цифровых технологий огромна, достаточно сравнить кажущиеся теперь жалкими репродукции картин середины XX в. и качественные современные принты. Взять, например, несовмещение красок при нецифровой офсетной печати.

Нельзя не отметить также интересного «обратного хода», который случился в истории искусства по крайней мере дважды. Речь идёт не об обычном движении от уникального к тиражированному, а наоборот, от тиражированного к уникальному. Впервые это произошло в 1960-е гг., когда в русле поп-арта Рой Лихтенштейн стал имитировать печатную продукцию – комиксы (рис. 8) и собственно растровую печать (рис. 9).

Рис. 8 / Fig. 8. Саймон Дж., Кирби Дж. Романы девушек, № 78, 1961 vs. Лихтенштейн Р. В автомобиле. 1963 / Simon J., Kirby J. Girls' Romances, no. 78, 1961 vs. Lichtenstein R. In the Car, 1963

Источник: Hilarious Blog Points Out Artwork Doppelgangers And Asks You 'Who Wore It Better' // HuffPost: [сайт]. URL: https://www.huffpost.com/entry/who-wore-it-better-art_n_3764206?gucounter=1 (дата обращения: 12.05.2022).

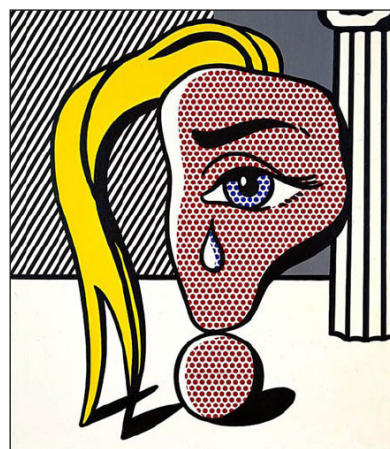

Рис. 9 / Fig. 9. Лихтенштейн Р. Девушка со слезой III. 1977 / Lichtenstein R. Girl with a Tear III. 1977

Источник: Fondation Beyeler: [сайт]. URL: https://www.fondationbeyeler.ch/en/beyeler-collection/work?tx_wmdbbasefbey_pi5%5Bartwork%5D=292&cHash=613e63ffa4cfd1b31e213844528ff0d (дата обращения: 12.05.2022).

Второй раз разворот от тиражируемого к уникальному сделали фотореалисты в 1970-х гг. (рис. 10, рис. 11). Фотореализм сначала осмеивался художественной критикой, которая считала нелепым перевод фотографии в масляную живопись. Затем эти картины осели в экспозициях музеев, вызывая определённый интерес посетителей. Более того, это направление, несмотря на незамысловатость идей, живо до сих пор. Возможно, благодаря благожелательной реакции публики, уставшей от нефигуративного искусства и инсталляций.

Рис. 10 / Fig. 10. Бектл Р. Бьюик 71. 1972 / Bechtle R. '71 Buick. 1972

Источник: Guggenheim Museum: [сайт]. URL: <https://www.guggenheim.org/artwork/501> (дата обращения: 12.05.2022).

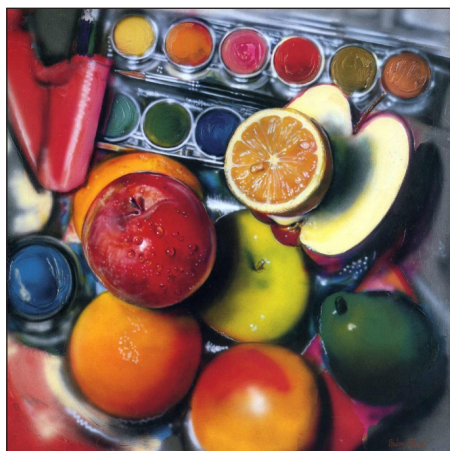

Рис. 11 / Fig. 11. Флэк Э. Энергетические яблоки. 1980 / Flack A. Energy apples. 1980

Источник: Louis K. Meisel gallery: [сайт]. URL: <https://www.meisलगallery.com/artwork/energy-apples> (дата обращения: 12.05.2022).

Эта идея вполне укладывалась в русло подходов Энди Уорела, делавшего объектом своей живописи образцы массовой продукции (рис. 12), но отличалась подчеркнутым обращением именно к печатной графике.

Рис. 12 / Fig. 12. Уорхол Э. Банки с супом Кэмпбелл. 1962 / Warhol A. Campbell's Soup Cans. 1962

Источник: Origins: [сайт]. URL: https://origins.osu.edu/milestones/november-2012-andy-warhol-s-campbell-s-soup-cans-1962?language_content_entity=en (дата обращения: 12.05.2022).

Цифровые технологии в искусстве

Цифровая эпоха ещё больше изменила соотношение понятий оригинала и копии. Известные слова Ж. Бодрийера о развитии образа во многом описывают изменения отношений копий и оригиналов вплоть до цифровой эпохи: «он является отображением некой фундаментальной реальности; он маскирует и искажает фундаментальную реальность; он маскирует отсутствие фундаментальной реальности; он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякрот в чистом виде» [3].

Цифровые технологии, с одной стороны, вывели техническое воспроизводство на принципиально новый уровень, с другой – стали сами частью художественного процесса, позволяя как обрабатывать изображения (уже существующие или авторские), так и создавать оригинальные цифровые художественные произведения. Сущность цифровых произведений искусства (копий или оригиналов) в их неограниченной тиражируемости и неосвяза-

емости, до этого момента не свойственной визуальным артефактам.

Цифровизация не только позволила перевести художественные произведения, созданные за всю историю человеческой цивилизации, в электронный вид, создав общедоступную базу данных, но и в очередной раз поставила вопрос о ценности оригинала. Существующие цифровые копии позволяют ознакомиться с оригиналом с гораздо большими подробностями, чем это было бы возможно в художественном музее, где ценные экземпляры подчас скрыты под пуленепробиваемыми стёклами. Цифровые копии могут вернуть яркость красок и восстановить утраченное или изменённое с течением времени. Необходимость обращения к подлиннику ставится под вопрос.

Интересным экспериментом стало использование цифровых технологий для воспроизведения картины Веронезе 1563 г. «Свадьба в Кане» площадью 67,29 м². Использовалась бесконтактная система цветного сканирования, трёхмерного сканирования и печать на левкасе с помощью планшетного принтера¹. В итоге была создана копия, по словам создателей, более оригинальная, чем сильно отреставрированная картина в Лувре [12].

Вальтер Беньямин утверждал, что «в эпоху технической воспроизводимости произведение искусства лишается своей ауры» [2, с. 22], той самой, что обеспечивала ритуальную ценность подлинного произведения. Подлинность произведения тесно связана с его материальностью, феноменологической реальностью: от возраста, который оставляет отпечаток в его материалах и не может быть сфальсифицирован, до истории существования, возникновения и перемещения, его пространственной культурно-значимой определённости. Тиражирование заменяет уникальное массовым, позволяя репродукции приближаться к воспринимающему её человеку. При этом в репродукции теряется возраст, история и в итоге и авторитет вещи

[2, с. 22]. Возможность использования технологий виртуальной и дополненной реальности для знакомства с произведениями искусства ещё в большей степени размывает физическую составляющую произведения искусства. Хотя многие авторы утверждают, что речь идёт не о полной потере ауры произведения в результате тиражирования, а о моменте, когда быстро технологические преобразования ускорили «кризис», «в котором переживание ауры то подвергается сомнению, то подтверждается» [10, р. 275]. Некоторые авторы предлагали вместо акцентирования «биографии оригинала» рассматривать всю совокупность, состоящую из одного – или нескольких – оригинала(ов) вместе со свитой его постоянно воспроизводимых копий [11, р. 278]. Оказавшись в легко изменяющейся цифровой среде, любые изображения претерпевают изменения, и цифровые технологии применяются для преобразования визуальных объектов. Разумеется, даже первые дагерротипы подвергались обработке. Методы этой обработки совершенствовались, возникли многослойная печать, совмещение нескольких негативов с выставленным по-разному светом и, наконец, ретуширование (рис. 13).

Рис. 13 / Fig. 13. Актриса театра Ионе Брайт. Ретушированный портрет. 1912 / Stage actress Ione Bright. Retouched portrait. 1912

Источник: Wikipedia: [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ione_Bright
(дата обращения: 15.05.2022).

¹ A facsimile of the Wedding at Cana by Paolo Veronese [Электронный ресурс]. URL: <https://www.factumarte.com/pag/38/a-facsimile-of-the-wedding-at-cana-by-paolo-veronese> (дата обращения: 12.05.2022).

С ретуширования начинал, например, выдающийся русский художник И. Н. Крамской. Ретуширование было аналогом современного фотошопа, говоря строго, применения растрового графического редактора Adobe Photoshop. Современных мастеров ретуши, разумеется, трудно назвать художниками, да и большинство из них не претендует на это звание, поскольку их деятельность носит сугубо прикладной характер. Первичную обработку фотопортретов осуществляют уже нейросети в смартфоне, позволяя настроить разглаживание, омоложение кожи, свежий цвет лица, большие глаза и т. п. Более сложные приложения позволяют радикально изменить внешний вид несколькими нажатиями на кнопки. К сожалению, сейчас можно только представить, как выглядела девушка эдвардианской эпохи (рис. 13) без ретуши.

Более художественными и уникальными выглядят фотографии, имитирующие различные стили живописи. Для их создания используются такие программы, как Tilt Brush, Open Brush, CoolPaint VR, Graffiti Paint VR, Kingspray Graffiti Simulator, Painting VR, AR magic 3D [6].

Однако преобразования могут носить и гораздо более радикальных характер. Цифровые технологии используются для «расширения» оригинала в разных аспектах, например, придают движение пейзажам, оживляют портреты, дорисовывают оставшееся за пределами холста или позволяют попасть внутрь картины. В духе постмодернизма классические произведения искусства также переосмысливаются, переписываются в новом, чаще всего ироническом ключе. Цифровые технологии позволяют делать цитирование более лёгким. От самого произведения подчас остаётся только узнаваемый фрейм, в который помещается новое значение.

Вторая функция цифровых технологий в изобразительном искусстве состоит в создании авторских объектов художественного творчества, и, возвращаясь к истокам, можно отметить, что идея создания новой реальности – отнюдь не изо-

бретение рубежа XX–XXI вв. Уже в XIX в. творчески настроенные фотографы осознали возможности преобразования образов реального мира с помощью пока ещё не изощрённых манипуляций с арсеналом фотографических средств. Пример – фото молодой японки под дождём (рис. 14).

Рис. 14 / Fig. 14. Молодая японка под дождём. Около 1890 г. / Young Japanese Girl in the Rain. Circa 1890s.

Источник: Wikipedia: [сайт]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wind_Costume.jpg (дата обращения: 15.08.2022).

Разумеется, в то время съёмка под дождём была затруднена, поэтому дождь, ветер, развевающиеся полы кимоно, метущиеся кусты – все антуражные детали сконструированы фотографом, который использовал многократную съёмку, ретуширование и раскраску. Тогда же появились широко известные в настоящее время благодаря интернету фантастические сюжеты с полётами, отдельно существующими частями тела, размерами людей и предметов.

Большое развитие фантастическая линия получила в фотографических работах сюрреалистов (рис. 15).

Разумеется, цифровые технологии вели фотоискусство сюрреалистического направления на недостижимые прежде высоты (рис. 16).

Рис. 15 / Fig. 15. Байер Г. Одинокий метрополитен. 1932 / Bayer H. Lonely Metropolitan. 1932

Источник: Vogel C. A Collection of Many Hands to Be Sold in Sotheby's Auction // The New York Times: [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2012/03/09/arts/design/henry-buhls-collection-of-hands-photographs-at-sothebys.html> (дата обращения: 15.09.2022).

Рис. 16 / Fig. 16. Сюрреалистический фотомонтаж / Surreal photo montage

Источник: Pxhere: [сайт]. URL: <https://pxhere.com/ru/photo/163819> (дата обращения: 15.09.2022).

Неослабевающий интерес широкой публики к сюрреализму свидетельствует о том, что интерес к погружению в собственное или чужое подсознание, анализу скрытых проблем, многократной рефлексии за

100 лет только возрос, отягощённый новыми глобальными феноменами и угрозами.

Наконец, цифровые технологии позволили творцам и вовсе избежать карандаша, кисти и красок и творить виртуально, не преодолевая физического сопротивления материала. Общее название для этого вида изобразительного искусства – собственно digital art в узком смысле этого термина. В широком смысле к digital art относят любые произведения, которые выполнены с помощью цифровых технологий, в том числе и фотомонтажи, приведённые выше [14].

Рис. 17 / Рис. 17. Хьюстон Т. Цветы на фортране. 1972 / Houston T. Flowers on Fortran. 1972

Источник: Хабр: [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/post/378305> (дата обращения: 12.09.2022).

Первые цифровые технологии не располагали к художественному творчеству, однако с помощью самых скромных средств первые пользователи компьютеров пытались творить (рис. 17) и делать оригинальные копии – достаточно вспомнить «репродукцию» Моны Лизы из фильма Э. Рязанова «Служебный роман» из букв и знаков (наподобие приведённой на рис. 18).

Рис. 18 / Fig. 18. Пример копии Моны Лизы, созданной с помощью первых ЭВМ / An example of a copy of the Mona Lisa created using the first computers

Источник: Штейнгарц Л. «Джоконда» как график функции, или Построение функции со всюду плотным графиком // Forallxyz: [сайт].

URL: <https://forallxyz.net/a-44> (дата обращения: 12.09.2022).

Несмотря на относительно короткую историю – с 1980-х гг. – цифровое искусство (digital art) прошло большой путь. Начиналось оно с простой векторной графики. В настоящее время его лучшие образцы представляют собой авторские произведения, мало отличающиеся от творений актуального искусства, выполненных с использованием традиционных технологий (рис. 19), однако лишённые определённости материально существующего оригинала.

Технологии NFT (невзаимозаменяемые токены), которые призваны закрепить собственность за цифровым произведением, фактически демонстрируют условность любого представления о нематериальном уникальном оригинале. Единственное, что роднит данную технологию с традиционными представлениями о собственности на уникальный объект – это возможность сохранения истории покупок данного цифрового объекта, которому присваивается статус оригинала, в остальном оно не даёт собственнику никаких особых юри-

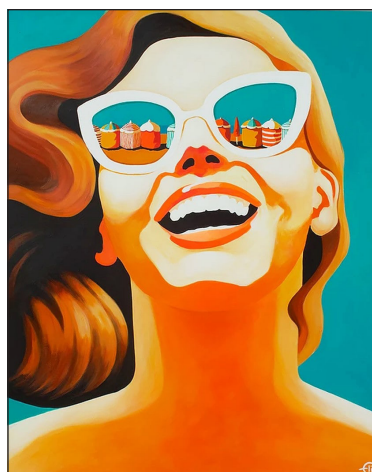

Рис. 19 / Fig. 19. Картина Эмили Арну / Arnoux E. Peinture

Источник: Wikipedia: [сайт]. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:85ed03_7215c23fea924137a78bae67291747d0_mv2_d_3019_3791_s_4_2.webp (дата обращения: 15.08.2022).

дических прав на объект, а его свободное копирование и распространение в сети никак не ограничивается. Зато NFT создаёт до этого практически невозможную собственность на небольшую часть произведения искусства (так, в 2018 г. впервые 31,5% физически существующей картины Энди Уорхола «14 маленьких электрических стульев» был продан нескольким людям как NFT). Подобный способ «закрепления владения» подчас связан со значительными финансовыми вложениями и может рассматриваться как попытка нового экономического подхода к миру цифровых изображений, однако в нём виден конфликт цифровой и материально-определённой культуры. Что может быть ярко проиллюстрировано, например, сожжением оригинальной гравюры Бэнкси (1/500 под названием «Придурки») до продажи её NFT. А художник Дэмиен Херст в 2021 г. предлагал покупателям его картины из серии «Валюта» (картины выполнены маслом на одинаковых листах бумаги и представляют собой уникальную комбинацию разноцветных точек, имеющую собственное название, рис. 20) либо получить физическую работу или сохранить её токен

после уничтожения физического оригинала. 4180 человек решили обменять свои NFT на физическое произведение искусства, а 5820 человек предпочли сохранить свои NFT¹.

Рис. 20 / Fig. 20. Картины Дэмиен Херста из серии Валюта / Paintings by Damien Hirst from the Currency series

Источник: Tarmy J. Damien Hirst Has Created 10,000 Artworks That Can Be NFTs, If You Want // Bloomberg: [сайт]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-14/damien-hirst-the-currency-artworks-10-000-pieces-for-2-000-each> (дата обращения: 15.09.2022).

Следующий этап связан с технологиями искусственного интеллекта. Арт, созданный с помощью компьютерных программ, впервые был продемонстрирован так давно, как в 1965 г. в Германии и в США [15], однако нейросетевые технологии позволили людям стать не только зрителями, но и создателями артов. Оцифрованные художественные произведения, а также другой визуальный материал, скопленный пользователями сети, стал датасетом для обучения нейронных сетей. На первом этапе ИИ прежде всего использовался для генерации (или преобразования) изображений в той или иной художественной манере – две нейронные сети, непосредственно создающая и критикующая, добивались со-

ответствия стилю [4]. Данные технологии вполне успешно справлялись с генерацией произведений, не отличимых от человеческих, но не вызывали особого интереса у аудитории, как, впрочем, и большинство произведений людей-художников. Но в 2022 г. произошёл прорыв, позволивший использовать технологии генерации изображений с помощью ИИ людям, не владеющим никакими художественными средствами, т. к. теперь для создания произведения можно использовать слова. Сам творческий процесс заключается в подборе слов и выборе стратегий развития набросков, создаваемых нейросетью (рис. 21).

Рис. 21 / Fig. 21. Примеры работ, созданных с помощью нейросети Midjourney / Examples of works created using the Midjourney neural network

Источник: Midjourney – арты от нейросети // ВКонтакте: [сайт]. URL: <https://vk.com/midjourney> (дата обращения: 15.01.2023)

Хотя данная работа не является строго формализуемым процессом, тем не менее она больше схожа с технологией, чем с «искусством». Но наиболее интересным аспектом технологий ИИ в контексте данного исследования является обучение нейросетей на основе огромной базы данных

¹ Sherwood H. Damien Hirst to burn thousands of his paintings to show art as 'currency' // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2022/jul/26/damien-hirst-to-burn-thousands-of-his-paintings-to-show-art-as-currency> (дата обращения: 15.08.2022).

произведений разных авторов. Хотя здесь не применимы в прямом значении понятия оригинала и копии, однако в широком понимании можно говорить о производности артов, генерируемых ИИ от существующих оригинальных произведений.

Заключение

Вопрос об оригинале произведений искусства, которое само может рассматриваться как подражание эйдосу, в цифровую эпоху переживает трансформацию. Отсутствие в цифровом мире различия между копией и оригиналом влияет на их

взаимоотношения и в физическом мире. Распространение симулякров (копий, не имеющих оригиналов), широкое использование произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, игры с правом собственности на цифровые объекты создают иное цифровое пространство художественных образов, отличное от традиционного, где значительную роль играл оригинал. Вновь, как и было в начале развития, технологии и искусство смешиваются до неразличимости.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. Брагинской. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. 492 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. С. А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. 239 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
4. Быльева Д. С. Искусство и искусственный интеллект // Философия и культура информационного общества. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2021. С. 187–189.
5. Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное: средства массовой информации и репродуцированное искусство. М.: Искусство, 1981. 167 с.
6. Савлущинская Н. В., Лыкова Е. С., Морозкина Е. А. Художественное образование в период цифровой глобализации // Современные наукоёмкие технологии (Modern High Technologies). 2022. № 11. С. 193–197.
7. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. А. В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2005. 526 с.
8. Belyaeva I. Explicit and Implicit Components of Social and Technical Instruction // Technology and Language. 2022. № 2 (3). С. 58–69.
9. Ingold T. Beyond Art and Technology: The Anthropology of Skill // Anthropological Perspectives on Technology. Albuquerque: UNM Press, 2001. P. 17–31.
10. Kenderdine S., Yip A. The Proliferation of Aura: Facsimiles, Authenticity and Digital Objects // The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication. London: Routledge, 2018. P. 274–289.
11. Latour B., Lowe A. The Migration of the Aura, or How to Explore the Original through Its Facsimiles // Switching Codes: Thinking Through Digital Technology in the Humanities and the Arts / ed. T. Bartscherer, R. Coover. Chicago: University of Chicago Press, 2011. P. 275–298.
12. Lowe A. A Note on the Unveiling of the Facsimile of Veronese's Wedding at Cana Copying // Creative Perspectives on Conservation and Restoration / ed. P. Gagliardi, B. Latour, P. Memelsdorff. Florence: Leo Olshki, 2010. P. xiii–xiv.
13. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country: For the Motion // Key Dabates in Antropology. London: Routlege, 1996. P. 206–212.
14. Marcos A. F., Branco P. S., Zagalo N. T. The Creation Process in Digital Art // Handbook of Multimedia for Digital Entertainment and Arts / ed. B. Furht. Boston, MA: Springer US, 2009. P. 601–615.
15. Poltronieri F., Candy L., Edmonds E. Theme: History // Explorations in Art and Technology. Springer Series on Cultural Computing / ed. L. Candy, E. Edmonds, F. Poltronieri. London: Springer, 2018. P. 3–29.
16. Radjenović D. Instructing to and Instructing in: Two Paradigms of Instruction // Technology and Language. 2022. № 2 (3). P. 6–13.
17. Williams R. Keywords. London: Fontana, 1976. 341 p.

REFERENCES

1. Aristotle. *Ēthika Nikomacheia* (Rus. ed.: Braginskaya N., transl. *Nikomahova etika*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1997. 492 p.).
2. Benjamin W. *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit* (Rus. ed.: Romashko S. A., transl. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy vosпроизvodimosti*. Moscow, Medium Publ., 1996. 239 p.).
3. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyacii*. Moscow, Postum Publ., 2015. 240 p.).
4. Byleva D. S. [Art and Artificial Intelligence]. In: *Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva* [Philosophy and Culture of the Information Society]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publ., 2021, pp. 187–189.
5. Zorkaya N. M. *Unikal'noe i tirazhirovannoe: sredstva massovoy informacii i reproducirovannoe iskusstvo* [Unique and Replicated: Mass Media and Reproduced Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1981. 167 p.
6. Savluchinskaya N. V., Lykova E. S., Morozkina E. A. [Art Education in the Period of Digital Globalization]. In: *Sovremennye naukoymkie tekhnologii (Modern High Technologies)* [Modern High Technologies (Modern High Technologies)], 2022, no. 11, pp. 193–197.
7. Heidegger M. *Der Ursprung des Kunstwerkes* (Rus. ed.: Mihailov A. V., transl. *Istok hudozhestvennogo tvoreniya*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2005. 526 p.).
8. Belyaeva I. Explicit and Implicit Components of Social and Technical Instruction. In: *Technology and Language*, 2022, no. 2 (3), pp. 58–69.
9. Ingold T. Beyond Art and Technology: The Anthropology of Skill. In: *Anthropological Perspectives on Technology*. Albuquerque, UNM Press, 2001, pp. 17–31.
10. Kenderdine S., Yip A. The Proliferation of Aura: Facsimiles, Authenticity and Digital Objects. In: *The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication*. London, Routledge Publ., 2018, pp. 274–289.
11. Latour B., Lowe A. The Migration of the Aura, or How to Explore the Original through Its Facsimiles. In: Bartscherer T., Coover R., eds. *Switching Codes: Thinking Through Digital Technology in the Humanities and the Arts*. Chicago, University of Chicago Press, 2011, pp. 275–298.
12. Lowe A. A Note on the Unveiling of the Facsimile of Veronese's Wedding at Cana Copying. In: Gagliardi P., Latour B., Memelsdorff P., eds. *Creative Perspectives on Conservation and Restoration*. Florence, Leo Olschki Publ., 2010, pp. xiii–xiv.
13. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country: For the Motion. In: *Key Dabates in Antropology*. London, Routlege Publ., 1996, pp. 206–212.
14. Marcos A. F., Branco P. S., Zagalo N. T. The Creation Process in Digital Art. In: Furht B., ed. *Handbook of Multimedia for Digital Entertainment and Arts*. Boston, MA: Springer US, 2009, pp. 601–615.
15. Poltronieri F., Candy L., Edmonds E. Theme: History. In: Candy L., Edmonds E., Poltronieri F., eds. *Explorations in Art and Technology. Springer Series on Cultural Computing*. London, Springer, 2018, pp. 3–29.
16. Radjenović D. Instructing to and Instructing in: Two Paradigms of Instruction. In: *Technology and Language*, 2022, no. 2 (3), pp. 6–13.
17. Williams R. *Keywords*. London, Fontana, 1976. 341 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Быльева Дарья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
e-mail: Bylieva_ds@spbstu.ru

Краснощеков Виктор Владимирович – кандидат технических наук, директор Высшей школы международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
e-mail: Krasno_vv@spbstu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dariya S. Bylieva – Cand. Sci. (Politology), Assoc. Prof., Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;
e-mail: Bylieva_ds@spbstu.ru

Victor V. Krasnoschekov – Cand. Sci. (Technical Science), Director of the Higher School of International Educational Programs, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;
e-mail: Krasno_vv@spbstu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Быльева Д. С., Краснощекоев В. В. Оригинал и копия: технологический вызов искусству // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 77–91.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-77-91

FOR CITATION

Bylieva D. S., Krasnoschekov V. V. The Original and a Copy: a Technological Challenge to Art. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 77–91.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-77-91

УДК 001/89+1

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-92-107

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА КАК МНОГОМЕРНАЯ КОГНИТИВНО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Лебедев С. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4., Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть структуру современной науки и содержание её основных аспектов.**Процедура и методы.** Рациональная реконструкция общей структуры современной науки и описание содержания её основных измерений.**Результаты.** Показано различие понимания науки в классической эпистемологии и современной философии науки. Построена многомерная и гетерогенная по своему содержанию общая модель структуры современной науки. Выделено шесть её основных измерений, внутренне взаимосвязанных между собой: эпистемологическое, деятельностно-когнитивное, социальное, культурное, аксиологическое, антропологическое, инновационное.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Обосновано положение, что раскрытие общих закономерностей развития современной науки возможно только с позиций её понимания как многомерной когнитивно-социальной структуры.**Ключевые слова:** наука, структура науки, наука как когнитивно-социальная структура, основные измерения науки

THE MODERN SCIENCE AS THE MULTIDIMENSIONAL COGNITIVE-SOCIAL STRUCTURE

S. Lebedev*Lomonosov Moscow State University**prosp. Lomonosovky 27-4, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the structure of modern science and the content of its main aspects.**Methodology.** Rational reconstruction of the general structure of modern science and description of the content of its main dimensions.**Results.** The difference between the understanding of science in classical epistemology and modern philosophy of science is shown. A multidimensional and heterogeneous in its content general model of the structure of modern science is constructed. Seven of its main dimensions are identified, which are internally interconnected: epistemological, activity-cognitive, social, cultural, axiological, anthropological, innovative.**Research implications.** The position is substantiated that the disclosure of the general laws of the development of modern science is possible only from the standpoint of its understanding as a multidimensional cognitive-social structure.**Keywords:** science, structure of science, science as a cognitive-social structure, basic dimensions of science

Введение

Современная наука может быть кратко определена как особый вид социальной деятельности, целью которой является производство научного знания и его применение [4]. Она представляет собой **многомерную** и **гетерогенную** по своему содержанию структуру. В большинстве философских работ выделяется только три аспекта науки: это особый вид знания; особый вид познавательной деятельности; особый социальный институт. Однако по отношению к современной науке такое трёхмерное описание структуры науки недостаточно. Почему? Потому что в нём не учитывается ряд других столь же существенных аспектов науки. К ним относятся следующие: наука как особая подсистема культуры, как особая система ценностей, как особая форма жизни, как инновационная система. Такая более многомерная модель структуры науки не только в наибольшей степени соответствует современной науке, но и способствует раскрытию реальных закономерностей её функционирования и развития [11]. Рассмотрим сущность и содержание каждого из основных аспектов науки.

Наука как особый тип знания

Главными свойствами научного знания, которыми оно качественно отличается от всех других видов знания (обыденного, художественного, философского, религиозного и пр.), являются: объектность, однозначность, проверяемость, обоснованность, общезначимость, истинность [7; 9].

Объектность научного знания означает, что областью значений (денотатов) его понятий и суждений является всегда множество объектов (т. е. предметов, находящихся вне сознания познающего субъекта). Специфика научного исследования состоит в том, что оно существенно ориентировано на познание различного рода материальных объектов, описание их свойств, отношений и закономерностей. Даже если объект конструируется с помощью мышления (как это имеет место в математике, логике и теорети-

ческом познании вообще), то впоследствии он обязательно принимает определённую материальную форму (графическую, терминологическую и т. д.), отчуждается сознанием в сферу внешнего опыта и рассматривается именно как элемент объективной реальности, противостоящей сознанию и находящейся вне его. Во-первых, любые материальные объекты обязательно должны чувственно восприниматься и иметь некоторую пространственную форму (конфигурацию или размеры). Это относится не только к эмпирическим объектам, но и к теоретическим («идеальным») объектам (например, к объектам математики, таким как число, функция, структура, множество, прямая линия, окружность и др.). Во-вторых, любые объекты должны быть наблюдаемы и воспроизводимы в эксперименте в принципе неограниченное число раз. В-третьих, любой объект должен соответствовать норме порога его чувственного восприятия человеком, иначе говорить о его существовании не представляется возможным. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдается, то предмет познания не должен называться объектом. Вот почему многие реальные явления сознания (феномены) не могут считаться и не считаются объектами, а относятся лишь к сфере внутреннего опыта сознания и познания (например, содержание снов, галлюцинаций, фантазий, предчувствий, художественного воображения и т. д.). Сюда же относятся и многие парапсихические явления (телепатия, телекинез и др.). Такой опыт в силу своей уникальности и субъективности не может быть предметом науки, хотя при этом является важным предметом рефлексивно-самоосознания, интроспекции субъекта, образуя ту реальность, которая составляет внутренний мир человека (его переживания, эмоции, изменённые состояния сознания, духовный мир личности и т. д.). Наука же изучает только те предметы, явления и сущности, которые имеют форму и статус объектов. Но это же является причиной и не универсальности научного способа познания. При этом не существует какой-то абсолютно жёсткой и априорной границы

между феноменами внутреннего мира человека, его сознания и объектами. Отношение между ними подвижно, относительно, диалектично благодаря существованию, с одной стороны, механизма интериоризации (превращения содержания внешнего опыта во внутреннее содержание сознания), а с другой – механизма отчуждения продуктов сознания (превращения содержания внутреннего опыта субъекта во внешний план его представления с помощью различных способов предметно-чувственной деятельности субъекта). С одной стороны, идея объекта может превратиться в объект (с помощью материальной конструктивной деятельности – инженерной, технологической, социальной и практической). А с другой – наоборот, объект в ходе взаимодействия с сознанием познающего субъекта может породить идею, понятие или даже теорию о себе. Очевидно, что наука по своей ориентации на познание внешнего мира и его преобразование очень близка к обыденному познанию и здравому смыслу. В силу этого науку иногда даже называют рационализированным здравым смыслом. Последний представляет собой квинтэссенцию огромного по объёму практического, повседневного опыта ориентировочной деятельности человека в окружающем его мире и эффективной адаптации к нему. Наука действительно в существенной степени опиралась на обыденный практический опыт и здравый смысл в ходе своего возникновения и последующего развития в качестве специфического типа познания. Она делает это и на современной стадии своего функционирования, особенно при её практическом применении. Однако сходство науки со здравым смыслом в их приверженности к объектному типу познания и его практической ориентированности в основном на этом и заканчивается. В других отношениях наука и здравый смысл существенно отличаются, будучи во многом отрицанием друг друга. Например, уже в Древней Греции по отношению к научному знанию были выдвинут целый ряд требований, которые должны были отличать его от других видов знания, в частности обыденного. Это

его объективная истинность, теоретическая обоснованность и логическая доказательность. И тогда же было обнаружено, что наличие у знания таких свойств, как объектность и практическая полезность, не только не гарантируют его объективную истинность, но, напротив, часто мешают её достижению. Впервые греки это обнаружили, анализируя содержание геометрических знаний египтян и вавилонян. Хотя эти знания успешно применялись на практике, они не были логически доказательными и даже оказались весьма приблизительными с позиций построенной греками геометрии как доказательной математической теории. Например, египтяне считали значение π (отношение длины любой окружности к её диаметру) равным 3,16, а у геометров Индии значение π вообще считалось равным 3 и т. д. Осознав это, греки пришли к выводу, что слишком жёсткая ориентация науки на практику и обслуживание её интересов мешают достижению наукой объективно-истинного знания [6].

По мнению греческих учёных, объективно-истинным знание может считаться тогда и только тогда, когда оно логически доказано и обосновано разумом. Для этого необходимо соблюдение ряда условий. Во-первых, значение и смысл всех используемых в науке понятий должны быть строго однозначными, что достигается и контролируется путём их определения с помощью простых и интуитивно очевидных для ума дефиниций. Во-вторых, все положения науки должны быть логически выведены из небольшого числа очень простых и очевидных для ума истин (аксиом или принципов). Только это, считали древнегреческие учёные, сможет гарантировать объективную истинность всей системы научного знания. Но тогда перед ними закономерно встал вопрос: а откуда же берутся первые, исходные принципы науки (её аксиомы), и как возможно гарантировать их истинность? Общий ответ древнегреческих учёных и многих более поздних мыслителей был таков: первые истины должны иметь внеопытный, априорный и вместе с тем объективный характер.

Видимо, они должны корениться в самой природе мышления. Поиск и формулировку первых принципов науки вообще и аксиоматики отдельных наук в частности греки считали главной задачей философии, которую они считали самой фундаментальной из всех наук. Метод доказательства истинности первых принципов различных частных наук о природе и обществе может быть только один – их дедуктивное выведение и обоснование в качестве следствий из истинной философии. Так было положено начало подчинения науки философии и, соответственно, натурфилософии как способу построения научных знаний о природе. Таким образом, начиная с древних греков, необходимыми свойствами научного знания стали считаться не только и не столько его практическая полезность, сколько объективная истинность и логическая доказательность. Проверка объективной истинности научного знания могла быть осуществлена только внутри мышления и средствами самого мышления, но не с помощью чувственного опыта, наблюдений, экспериментальных данных, индукции и т. п., ведь все указанные познавательные средства не имеют логически доказательной силы, а в лучшем случае (как индукция) – только подтверждающую силу. Опыт и наблюдения могут привести только к практически полезным гипотезам, к вероятно-истинному знанию, но они не способны быть средствами получения объективно-истинного и необходимого знания. Возможность получения такого знания обосновывалась либо существованием объективного мира идей и их припоминанием разумной частью души (Платон), либо объективным характером содержания чувственного знания, детерминированного миром вещей (Аристотель). Несмотря на свой радикальный рационализм по отношению к существовавшей до них научной практике Древнего Востока, грекам тем не менее во многом удалось реализовать свой проект науки. Наибольшего успеха они достигли в геометрии, физике, астрономии и самой философии. Самым ярким достижением,

конечно, стало построение древними греками евклидовой геометрии как доказательной, аксиоматической системы знания. В её основание они положили всего пять интуитивно очевидных для мышления (как они считали) аксиом, или постулатов. Вот они: 1) отрезок прямой может быть продолжен в обе стороны сколь угодно далеко; 2) все прямые углы равны; 3) из точки как из центра можно провести окружность любого радиуса; 4) через две точки можно провести прямую линию и притом всегда только одну; 5) через точку на плоскости по отношению к данной прямой линии можно провести не более одной прямой, параллельной первой. Все остальные утверждения геометрии (их оказалось более 300) греческие математики попытались вывести чисто логически из этих постулатов, т. е. доказать их в качестве теорем. На построение геометрии как аксиоматической системы знания у греческих учёных ушёл достаточно большой срок – около 300 лет (с VII до IV в. до н. э.). Завершилось оно созданием «Начал» Евклида, которые в течение долгого времени (по существу вплоть до середины XIX в.) рассматривались в качестве парадигмы при построении любой научной теории. Даже И. Ньютон сознательно строил свою механику по образцу геометрии Евклида, как, впрочем, впоследствии и свою этику Б. Спиноза. Положение изменилось лишь к середине XIX в. под влиянием двух главных результатов развития науки: 1) резкого увеличения объёма экспериментальных и прикладных исследований природы, общества и человека; 2) построения и принятия математическим сообществом новых систем геометрии, существенно отличавшихся от евклидовой (Н. Лобачевский, Я. Бойаи, Б. Риман). В отношении новых геометрий было доказано, что, несмотря на отрицание аксиомы Евклида о параллельных линиях и замену её другими аксиомами о параллельных, новые системы геометрии (планиметрия Лобачевского-Бойаи и планиметрия Римана) были столь же внутренне непротиворечивы и доказательны, как и геометрия Евклида.

Благодаря этому был нанесён серьёзный удар по априористским концепциям природы геометрического знания (Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Кант), а тем более – всего научного знания. С другой стороны, резко усилилась тенденция к эмпиристскому истолкованию природы науки и научного знания. Критерий опытной верифицируемости научного знания и его практической применимости стал осознаваться как более важный, чем интуитивная очевидность и логическая доказательность научного знания. А в новой эмпиристской философии науки XIX в. (позитивизм Конта, Спенсера, Милля и др.) критерий опытного происхождения и обоснования научного знания был объявлен не единственным критерием научности знания. И так продолжалось почти до последней трети XX в.: столь мощным было влияние позитивистской философии на умы учёных. Однако в результате кризиса господствовавших ранее концепций классической и неклассической науки, а также глубокой философской рефлексии их оснований и ухода с философской сцены позитивизма как философии науки, не адекватной реальной науке стало вырабатываться более широкое и объёмное понимание научности знания и его критериев. К этому привело также осознание философами и учёными XX в. огромной структурной сложности и гетерогенности научного знания не только по его содержанию, но и по строению. Что здесь имеется в виду? Прежде всего, что наука состоит из качественно различных видов научного знания. Во-первых, это качественно различные по содержанию и методам основные области науки: математика, естествознание, социально-гуманитарные науки, технические науки. Во-вторых, в любой области науки имеют место качественно различные по структуре и функциям виды высказываний, такие, например, как аналитические и синтетические, как интуитивные и дискурсные, как аксиомы и теоремы и др. Дело не только в том, что в разных областях науки может превалировать либо аналитическое, либо синтетическое знание. Например, истины логики и

математики являются в основном аналитическими (выводными), тогда как высказывания естествознания, социально-гуманитарных и технических наук, напротив, – синтетическими. Дело также в том, что сами способы построения и проверки истинности и осмысленности аналитических и синтетических высказываний существенно отличаются друг от друга. Для аналитических высказываний это конвенция и логический вывод, а для синтетических – наблюдение, эксперимент, интуиция и практическая польза. В любой области науки имеются также другие качественно различные виды суждений, например, такие как номотетические высказывания (научных законов и высказывания о необходимости) и идеографические (дескриптивное, описательное знание в каждой из наук от физики до истории). В любой из развитых наук имеются также два различных по содержанию (онтологии) и функциям уровня знания: эмпирический и теоретический [8]. Наконец, в наше время можно говорить об утверждении в науке такого нового и самостоятельного вида знания, как компьютерное (различные компьютерные программы и базы данных, их специфические символические формы и способы «упаковки» и т. д.). В естествознании и математике уже в XX в. были реабилитированы интуитивное и неявное знание, изгнанные из классической науки как не научные виды знания. Сегодня эти виды научного знания считаются столь же законными, как и основной вид научного знания – дискурсное знание, выраженное в языке, тексте. Это многообразие качественно различных видов научного знания свидетельствует о том, что необходимые свойства научного знания принципиально не могут реализоваться в разных видах одинаково. Например, очевидно, что степень проявления таких важнейших свойств научного знания, как однозначность и логическая доказательность, явно различна не только в математике и, например, в гуманитарных науках, но даже в математике и, например, физике или в почвоведении. Говоря об особенностях

современного научного знания, необходимо указать не только на его огромную информационную мощь, но и на его относительную самостоятельность (самодостаточность) по отношению к наличной культуре и практике. В этом смысле Поппер во многом прав, когда говорит о современном научном знании как об особой объективной реальности, как о третьем мире, существующем наряду с материальным миром и миром сознания, функционирующем по внутренним законам динамики научного знания (отличающимся как от законов природы, так и от законов человеческой психики). Породив мир научного знания, человечество вынуждено сегодня не только считаться с законами функционирования этой реальности, но и приспосабливаться к ней, учитывая её возможную отрицательную реакцию на деятельность человека и общества [1].

Наука как особый род познавательной деятельности

Осознание науки как познавательной деятельности особого рода имеет своей целью постижение её отличия от всех других видов человеческого познания (обыденного, практического, художественного, философского, религиозного и др.). Отличия как по средствам и методам познания, так и по его результатам. При этом необходимо иметь в виду, что понятие «научная деятельность» не тождественно понятию «научно-познавательная деятельность». Первое значительно шире по объёму второго. Кроме чисто познавательной (субъект-объектной) деятельности наука также включает такие виды деятельности, как: проектирование, создание и внедрение различного рода инноваций; инженерно-техническое обеспечение научных исследований; создание приборной и экспериментальной базы науки; организацию и управление наукой; разработку и реализацию определённой научно-технической политики; создание эффективной сети коммуникаций и обмена научной инфор-

мацией внутри научного сообщества, а также между наукой и обществом; региональное и международное научное сотрудничество и др.

Начнём с описания особенностей научно-познавательной деятельности, отличающих её от других видов человеческого познания. На наш взгляд, четырьмя главными её отличиями являются рефлексивность, методологичность, конструктивность и рациональность.

Рефлексивность научного познания означает постоянный контроль над самим собой с точки зрения соблюдения требований научной рациональности. Методологичность означает, что любой акт научного познания должен обязательно осуществляться в соответствии со строго фиксируемым средством (методом). Конструктивность научного познания означает, что любой его акт имеет своей целью добавление нового знания по отношению к своим основаниям или посылкам. Рациональность означает, что основным инструментом научного познания является не чувственный опыт, а мышление, а основным продуктом научного познания – понятийное дискурсивное знание. Все перечисленные свойства научного познания составляют основу так называемой деятельностной концепции научного познания. Её альтернативами являются эмпирическая (позитивистская) теория научного познания и материалистическая, согласно которой научное познание есть отражение объективной реальности.

Деятельностная концепция научного познания направлена против таких явно упрощённых его пониманий, как: а) интерпретация научного познания как полностью и однозначно детерминированного объектом познания; б) жёсткий методологический нормативизм, согласно которому научное познание строго регулируется неким набором методов, а тем более – неким «единым и универсальным научным методом»; в) имманентистское понимание процесса научного познания как совершающегося только внутри сознания субъекта; г) «робинзонадная» трактов-

ка субъекта научного познания, когда в качестве субъекта рассматривается либо идеальный (трансцендентальный) субъект (Аристотель, Декарт, Лейбниц, Кант, Гуссерль и др.), либо отдельный реальный учёный (Локк, Юм, Беркли, Милль, Вундт, позитивисты, постпозитивисты и постструктуралисты).

Деятельностная трактовка научного познания утверждает:

1) конструктивно-творческий характер процесса научного исследования на всех его этапах и уровнях, при получении любых новых результатов;

2) частичную и при этом неоднозначную детерминацию содержания научного знания со стороны познаваемого объекта (причём это относится не только к теоретическому, но и к эмпирическому знанию);

3) продуцирование любых новых единиц научного знания (фактов, законов, теорий), которое не подчиняется строгому методологическому регулированию с помощью некоторого набора средств, а в большой степени представляет собой процесс выдвижения различного рода гипотез (проб) и их последующего испытания на адекватность и адаптивность по отношению к объективной реальности;

4) процесс научного познания, который регулируется как когнитивной детерминацией со стороны уже имеющегося знания, так и когнитивной свободой субъекта познания;

5) что подлинным субъектом процесса реального научного познания и носителем научной истины является отнюдь не отдельный учёный, а профессиональное научное сообщество, состоящее из отдельных учёных и их групп;

6) что при создании нового научного знания существенную роль играет не только его сопоставление с объектом (что составляет основное содержание «эмпирического репертуара» научного исследования), но и сопоставление теоретических позиций членов соответствующего профессионального научного сообщества в ходе активных коммуникаций между ними (главное содержание «социального репертуара» научно-познавательной деятельности);

7) что принятие любой единицы научного знания в качестве «истинной» и/или «полезной», равно как и оценка любого акта научной деятельности как правильного (или «законного») или неправильного, определяется в конечном счёте научным консенсусом внутри дисциплинарного научного сообщества, при этом большое влияние на научное сообщество оказывает позиция его лидеров [10];

8) что в каждой науке в зависимости от используемых методов познания конструируется четыре различных вида реальности: чувственная, эмпирическая, теоретическая и метатеоретическая, при этом каждый из этих видов научной реальности имеет не только свою онтологию, но и свои особые критерии научной рациональности и истинности;

9) что между различными видами научной реальности и соответствующими им уровнями научного знания не существует отношения логической выводимости одного вида реальности или одного уровня знания из других. Все виды реальности, как и соответствующие им уровни научного знания, связываются между собой только с помощью интерпретации (отображения) одного вида реальности и соответствующего ему уровня знания с помощью других; процесс интерпретации является творческой и прагматической деятельностью учёных по отождествлению ими нетождественных по содержанию элементов знания разных уровней, а по способу своей легитимации – продуктом либо конвенции, либо консенсуса научного сообщества;

10) что в науке функции эталонной научной реальности, на основе которой происходит оценка объективной реальности, её свойств и отношений выполняют созданная учёными теоретическая реальность и описывающие её научные теории, как эмпирические (феноменологические), так и трансцендентальные (теории об идеальных объектах), именно они представляют уровень развития науки в ту или иную эпоху.

Наука как особый социальный институт

Наука, субъект которой по своей сущности является коллективным субъектом, с самого начала своего существования имела статус особой социальной системы, для членов которой самоидентификация и утверждение себя в качестве учёных имели первостепенное (жизненное) значение. Это было обусловлено не только спецификой профессиональной деятельности учёного, успешное овладение которой требовало значительных затрат времени и особых навыков исследователя. Автаркия науки от остальных сфер культуры и общества требовалась также необходимостью сосредоточения и накопления жизненной энергии и воли определённой страты общества (учёных) в некотором относительно замкнутом социальном пространстве, которое было бы для них родным «домом». Для закрепления, охранения и воспроизводства своих целей и интересов сообщество учёных должно было оформиться в особую социальную организацию.

Как известно, первоначальной формой существования науки в качестве социальной системы была такая её организационная единица, как школа: школа «писцов» при религиозных храмах Египта, мистико-математическая школа Пифагора, натурфилософские школы древнегреческих философов (Фалеса, Анаксагора, Гераклита, Демокрита, Парменида и др.), философско-этические школы софистов и Сократа, академия Платона, ликей Аристотеля, школы стоиков и эпикурейцев, школа геометров Древней Греции, научные школы Александрии (Эвклид, Птолемей и др.). В Средние века основной организационной формой науки как уже особого социального института становятся университеты. Особенно бурное их формирование в Европе приходится на период позднего Средневековья: Парижский университет (1160 г.), Оксфордский университет (1167 г.), Кембриджский (1209 г.), Падуанский (1222 г.) и др. Однако, начиная с XVII в., возникает и начинает активно

развиваться параллельно университетам новая крупная форма социальной организации науки – национальные академии наук: Лондонское Королевское общество наук и ремёсел (1660 г.), Парижская академия наук (1666 г.), Берлинская академия наук (1700 г.), Петербургская академия наук (1724 г.) и др. В XVIII–XIX вв., когда наука стала востребованной в обществе в качестве неотъемлемого фактора общественного развития, возникает множество новых организационных форм науки, таких как: профессиональные научные сообщества (по областям наук и дисциплинам); инженерные (политехнические) и естественнонаучные высшие учебные заведения; профессиональные научные журналы; научные лаборатории. А в конце XIX в. возник промышленный сектор науки (научные подразделения в составе крупных заводов, фирм, концернов, отраслей производства и т. п.). В XX в. появился целый ряд уже международных научных организаций и объединений (институтов, ассоциаций, академий, журналов, научных фондов и т. д.). В наше время можно говорить о формировании науки как глобального социального института с всё увеличивающимся количеством международных научных объединений и организаций (в том числе и аккредитованных при ООН и ЮНЕСКО), международных научных исследований, в которых задействованы финансы и учёные из разных стран (например, проект «Геном человека», а также ядерные исследования в ЦЕРНЕ), и с глобальной сетью неформальных коммуникаций (интернет). Начиная с XIX в., наука как социальный институт существует уже не только в виде добровольных общественных организаций учёных, действующих на основе своих уставов, но и как юридически легитимированный субъект с законодательно оформленными интересами, правами и обязанностями научных организаций, признанных национальными государствами и международным правом в качестве юридических субъектов. Сегодня очевидно, что социальное бытие науки в виде особого социального института явля-

ется не чем-то внешним для более успешного осуществления научно-познавательной деятельности, а в принципе абсолютно необходимым условием её существования и развития. Это связано не только с необходимостью огромного финансового (и шире – материального) обеспечения современных научных исследований, а также с требованиями осуществления эффективного научного менеджмента, но и с природой самого научного познания. Как уже отмечалось, содержание научного знания отнюдь не определяется целиком и полностью (т. е. однозначно) исследуемым объектом. Научное познание имеет принципиально субъект-объектный характер не только в процессуальном плане, но и в отношении полученных результатов – научного знания. Творческий вклад субъекта науки в то или иное видение объекта имеет такое же важное значение, как и содержание самого объекта познания, а междисциплинарные когнитивные коммуникации членов научного сообщества вообще играют порой решающую роль в оценке того или иного научного результата. Это относится не только к выбору наиболее значимых проблем и направлений научного исследования, но и к оценке предложенных решений научных проблем, в частности решений научного сообщества об истинностном статусе тех или иных моделей и теорий. Об этом убедительно свидетельствует реальная история науки. Вместе с тем анализ характера современной науки как социального института подтверждает также и то, что наука как социальная система – это отнюдь не какая-либо гомогенная структура, состоящая из различных однородных и равноправных по своим задачам, функциям и возможностям абстрактных учёных-единомышленников. Как отмечают многие философы и социологи (например, Е. З. Мирская и др.), современная наука – это в большой степени гранулированная, разнородная и даже противоречивая социальная система. Она состоит из учёных и научных коллективов, представляющих собой различные по своим теоретическим позициям научные школы, традиции, па-

радигмы, исследовательские программы, теории, отрасли науки, которые не просто различны, а часто противоположны по отстаиваемым в них взглядам и ценностям. Тем не менее, современная наука как специфический социальный институт, непохожий на все другие социальные системы, в некотором своём изначальном смысле по-прежнему едина. Скрепками, обеспечивающими его единство и особую специфику, служат специфические базовые ценности науки, такие как объективное знание, научная истина, когнитивное творчество, свобода научного поиска, новое знание, общественная польза и пр. Эти базовые ценности играют роль своеобразного аттрактора для науки не только как особой системы знания, но и как особого социального института. Именно они направляют эволюцию науки в определённое русло, обеспечивая её единство как в прошлом, так и в настоящем [12].

Наука как особая подсистема культуры

Исследование науки как подсистемы культуры – ещё одно важное философское измерение науки. Культурологическое измерение науки оказывает существенное влияние на понимание всех других её измерений (познавательное, деятельностное, социальное, инновационное, антропологическое), на её историческое видение, трактовку общих законов функционирования и развития науки. Это вполне естественно, ибо, будучи имманентной частью культуры, наука не только всегда несёт на себе печать общих особенностей современной культуры, но и активно взаимодействует с её различными подсистемами (практикой, экономикой, философией, правом, моралью и т. п.). Общий характер влияния культуры на науку состоит, прежде всего, в распространении на науку общих ценностей, составляющих ядро современной ей культуры. Например, такие особенности древнеегипетской науки, как её практический, а вместе с тем догматический и сакральный характер, были не-

посредственным отражением таких общих ценностей древнеегипетской цивилизации, как, с одной стороны, её нацеленность на умножение своего богатства и могущества, с другой – религиозный характер её мировоззрения и жёсткая социальная иерархия. Это влияние общих ценностей древнеегипетской цивилизации сказалось, в частности, на характере, содержании и методе древнеегипетской геометрии. Она имела характер практического искусства, способов измерения площадей и объёмов различных тел, а отнюдь не доказательной геометрической теории, какой она станет лишь в Древней Греции. Античная наука с её установкой на получение и доказательство объективной истины как главную цель науки явилась имманентным продуктом совершенно другой – греческой – культуры, главными ценностями которой были логос, гармония, свобода, демократия, ставка в науке не на опыт, а на мышление как главное средство и инструмент научного познания. Именно в этом греческие мудрецы видели отличие науки от других видов познания и способов деятельности (например, технического, строительного или военного искусства).

Только в условиях античной культуры могло появиться такое замечательное произведение древнегреческой науки, как «Начала» Эвклида – система логически доказанного геометрического знания. Эта аксиоматическая математическая теория была столь же естественным продуктом культуры Древней Греции, сколь она была глубоко чужда культуре Древнего Востока. Даже последующее знакомство восточных математиков с геометрией Эвклида никак не изменило практически ориентированный и сугубо вычислительный характер древневосточной геометрии и математики в целом. Такой же яркий пример непосредственной зависимости науки от общих ценностей наличной культуры демонстрирует развитие науки в Средние века. Это касается как содержания, так и метода средневековой европейской науки, которые были тесно связаны с религиозным мировоззрением того времени и ценностями

ми религиозной культуры. Не случайно парадигмальными теориями средневековой науки стали геоцентрическая астрономия Птолемея, астрология, алхимия, а также формальная логика и лингвистика как инструменты религиозной схоластики. Зависимость науки от культуры и её основных ценностей хорошо прослеживается и во все последующие эпохи развития науки, включая наше время, хотя, разумеется, характер этой зависимости не оставался неизменным. Речь идёт о том, что, начиная с Нового времени, когда наука была осознана как основа развития новой европейской цивилизации, она становится всё более важной и, главное, более самостоятельной подсистемой культуры, относительно независимой от других её частей (философии, религии, искусства, политики и т. д.). В середине XIX в. самостоятельность науки уже прямо обосновывается в философии позитивизма как важнейшая её закономерность. Позитивисты утверждают, что зрелая наука должна быть полностью свободна от влияния культуры на её содержание, что содержание научного знания полностью определяется только объектом исследования. Однако, как показало дальнейшее развитие реальной науки в XIX в., но особенно в XX в., эта позиция явно расходилась с реальной практикой науки и её взаимодействием с культурой. Культура имеет большое влияние на науку и сейчас. Однако здесь появились новые черты. Как современная наука, так и современная культура стали более открытыми и глобальными системами, чем это было ранее. Автаркия и замкнутость национальных и региональных культур, частью которых всегда была наука, постепенно уходят в прошлое. В ходе усиления взаимодействия национальных культур создаётся новая, более мощная по отношению к ним система культуры, а именно глобальная (общечеловеческая) культура. Современная наука – не только часть этой культуры, но и реальная основа её развития. Однако как целое современная мировая культура не только едина, но и плюралистична. Такому её характеру в полной мере соответствует

и имеющий место плюрализм в современной мировой науке. Он проявляется в существовании множества конкурирующих между собой научных концепций, направлений, школ, теорий, программ научных исследований. Это диалектически противоречивое разнообразие отрицающих и дополняющих друг друга типов и видов современных научных исследований создаёт мощный ресурс саморазвития науки. Вместе с тем признание зависимости науки от общих ценностей культуры имеет важное мировоззренческое и методологическое последствие для правильного понимания таких характеристик научного знания, как его объективность и истинность. Оно состоит в осознании культурной релятивности этих характеристик, их релевантности по отношению к определённой культуре, вне которой они не имеют никакого действительного смысла. Это означает, что научная истина – это не трансцендентальная, не эмпирическая, а социокультурная характеристика научного знания. Социокультурное понимание научной истины отнюдь не означает отказа от её объективного характера, а лишь необходимость более глубокого её понимания именно как социокультурного феномена, продукта деятельности социального субъекта научного познания. Доказательством факта внутреннего взаимодействия науки с культурой служат существование и последовательная смена в ходе развития науки её различных социокультурных типов. Применительно к истории европейской науки можно выделить такую их последовательность: древняя пранаука (древневосточная наука), античная наука, средневековая наука, классическая европейская наука (Новое время — XIX в.), неклассическая наука (от начала XX в. до середины 70-х гг.), современная постнеклассическая наука. Необходимо подчеркнуть, что основное воздействие культуры на науку осуществляется именно через философию, ибо именно в философии и с её помощью культура рефлексировала себя как целое. Разумеется, культура влияет на науку не только через философию,

но и через другие свои подсистемы. Так, очевидно и общепризнанно влияние на науку со стороны практики, потребностей совершенствования орудий и средств материальной деятельности человека и общества. Столь же очевиден и не требует особых доказательств факт существенной зависимости науки от типа общества и особенностей его экономики. В эпоху существования современной инновационной экономики эффективное взаимодействие науки и экономики является, как известно, главным фактором общественного прогресса. Сегодня, как никогда ранее, всё более очевидно влияние, которое оказывают на развитие науки такие феномены культуры, как обыденное знание, естественный язык и практический здравый смысл. Значимость этих факторов для понимания механизма функционирования научного знания зафиксирована в таких категориях современной философии науки, как «научная традиция», «неявное знание», «личностное знание», «обыденный язык» и др. Причём эти факторы оказывают немалое влияние не только на эмпирический, но и на теоретический уровень научного познания. Из истории развития науки хорошо известны также факты влияния на науку со стороны такой подсистемы культуры, как религия – в плане как её идей, так и институциональной детерминации. Причём влияние было не только отрицательным (как это имело место в случае отрицания католической религией гелиоцентрической системы астрономии или естественно-биологического происхождения человека), но иногда в высшей степени положительным. Достаточно в этой связи упомянуть, что именно религиозные соображения лежали в основе положительной мотивации занятия научной деятельностью у таких великих учёных, как Н. Коперник, Т. Браге, И. Кеплер, И. Ньютон, Б. Паскаль, Г. Кантор, П. Флоренский, Т. де Шарден и многие другие. Эти факты хорошо известны из истории науки, и у нас нет никаких оснований сомневаться в искренности признаний великих учёных о положительной

оценке роли религии в развитии науки. Велико также влияние на науку такой мощной подсистемы культуры, как искусство (музыка, литература, поэзия и пр.). Особенно оно сильно на теоретическом уровне познания. Об этом неоднократно говорили и писали многие выдающиеся учёные (Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Л. Больцман, А. Эйнштейн, Е. Вигнер, Г. Вейль, А. Пуанкаре, Б. Раушенбах, Е. Фейнберг и др.). Несомненно, что идея гармонии как главная для искусства лежала в основе возникновения науки как способа описания упорядоченного Космоса с помощью научных законов, выражающих меру этой упорядоченности. В религиозной интерпретации эта закономерная упорядоченность бытия понималась как имеющая божественное происхождение. Так считали Пифагор, Парменид, Гераклит, Платон, Аристотель, Птолемей, Р. Декарт, И. Кеплер, Н. Кузанский, И. Ньютон, А. Эйнштейн и др. В качестве примеров признания огромной роли искусства в развитии науки приведём лишь два высказывания выдающихся учёных – создателя молекулярно-кинетической теории газов Л. Больцмана и основоположника неклассической физики А. Эйнштейна. Л. Больцман: «Все, чем я стал, я обязан Шиллеру». А. Эйнштейн: «Достоевский дал мне как учёному больше, чем Гаусс». Видимо, фундаментальная наука и научное творчество сродни искусству. Даже сама идея «научного закона» или «закона природы» воспринималась многими учёными как имеющая либо религиозное, либо эстетическое происхождение, ибо сам по себе чувственный или эмпирический опыт не имеет в своём содержании идею причины, закона, порядка (Д. Юм).

Не подлежит сомнению то влияние, которое оказывают на развитие науки и научного знания такие подсистемы культуры, как политика, право, мораль. Особенно оно очевидно по отношению к науке XX в. и современной науке. Для этого достаточно указать на такие культурно и одновременно научно значимые феномены нашего времени, как государственная на-

учно-техническая политика или этика науки. Сегодня уже невозможно представить развитие науки без разработки научно-технической политики во всех странах без государственного финансирования науки, определения приоритетных направлений её развития, механизма правового регулирования научной деятельности, особенно в сфере интеллектуальной собственности. Столь же значимой и востребованной в науке и культуре стала такая активно развивающаяся в последние годы область знания, как этика науки и особенно биоэтика, которые стали важными практическими инструментами регулирования и оценки научных проектов и результатов почти во всех сферах научной деятельности (особенно в области технических, военных и биомедицинских исследований). Этическое регулирование научных исследований приобретает сегодня не только национальное, но и международное значение. Свидетельство этому – создание национальных комитетов и ассоциаций по этике науки во многих развитых странах, а также создание подобных организаций на международном уровне (комитет по этике науки при ЮНЕСКО, Совете Европы и т. д.). Всё это свидетельствует о том, что современная наука испытывает огромное влияние в своём функционировании и развитии от различных подсистем современной культуры и общества.

Наука как особая система ценностей

Главная задача аксиологии науки – осмысление науки в целом и различных её областей с позиций заявленных ими целей и средств их достижения, определение социокультурного смысла науки. Аксиологическое содержание науки состоит из двух основных блоков: 1) идеалы науки и 2) нормы, методы и средства научного исследования [6; 13]. Основными её идеалами, как об этом свидетельствует вся история науки, являются объективность научного знания, его истинность, практическая польза, мировоззренческая

значимость. Представления о нормах, методах и средствах достаточно разнообразны, но они должны быть всегда зафиксированы в любой науке и в любой области научного исследования, поскольку в существенной степени зависят от специфики познаваемых объектов. Конечно, имеется и множество общенаучных методов исследования. Это систематические наблюдения и эксперимент, рациональный анализ и синтез, дискурсное моделирование чувственных данных, абстрагирование, обобщение, формирование научных фактов и законов, идеализация, моделирование, конструирование научных теорий, эмпирическая и объектная интерпретация научного знания, нахождение области его применения, подтверждение истинных и опровержение ложных гипотез и др. С другой стороны, в науке в целом имеет место методологическая специфика не только у разных культурно-исторических типов науки, разных областей научного знания, но и у разных наук и даже у разных уровней научного знания в одной и той же науке. Очевидно, что методы математики существенно отличаются от методов естествознания, а последние – от методов социально-гуманитарных наук или технических наук. Столь же очевидно различие и между методами эмпирического и теоретического познания в любой из наук. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что факт существования в науке значительного методологического плюрализма отнюдь не означает наличия в ней когнитивной вседозволенности и действия по принципу “go anything” (П. Фейерабенд). В этой связи необходимо строго различать понятия «методологический плюрализм» и «методологический анархизм». В науке имеет место дополнение одних методов другими, которые взаимно компенсируют ограниченность каждого из них. Поэтому более точно говорить о существовании в науке только «системного методологического плюрализма» [5]. И в этом состоит главная сила науки, составляющая базис методологической культуры учёного [2; 3]. Аксиологические основания науки явля-

ются в известном смысле исходными для неё, хотя и связанными с другими её основаниями: онтологическими, гносеологическими, антропологическими, социокультурными, практическими. Как и все виды оснований науки, её аксиологические основания также меняются со временем, а не являются чем-то раз и навсегда данным. Их изменение обусловлено как изменением содержания исследуемых наукой объектов, так и творческим и методологическим потенциалом как отдельных учёных, так и научного сообщества в целом.

Наука как особый образ жизни

Этот структурный аспект науки и научной деятельности является предметом исследования антропологии науки [1]. Её главной целью является исследование человеческого измерения науки и научного познания, их результатов и применения. Человеческое измерение науки имеет своим основанием то, что научное познание отнюдь не является неким пассивным «отражением» объективной реальности, которая извне навязывает сознанию учёных своё содержание. Сегодня на большом материале истории науки и её современного состояния убедительно доказано, что научное познание представляет собой конструктивный, творческий процесс взаимодействия мышления учёных с «отгадываемой» ими объективной реальностью. И здесь не существует иного пути, как опережающее построение научным мышлением возможной теоретической картины реальности и последующей апробации этой теоретической конструкции на её объективную истинность путём нахождения соответствующей ей области объективной реальности. К сожалению, как показывает история науки, между объективной реальностью и научными теориями не существует взаимно однозначного соответствия. С одной стороны, одна и та же теория может успешно применяться к различным областям объектов (это относится ко всем научным теориям, но наиболее яркими примерами в этом отношении являются

математические и физические теории). С другой стороны, разные теории могут успешно применяться для описания одной и той же группы объектов (например, классическая механика и теория относительности для описания объектов, движущихся со скоростью, существенно меньшей, чем скорость света и т. д.). Поэтому любой учёный всегда стоит перед выбором той или иной теории при их применении к действительности. Предпочтение, оказываемое им одной из гипотез, всегда определяется не только эмпирическими фактами и логическими достоинствами теорий, но и многими другими факторами: практическими потребностями, полученным образованием, принадлежностью к той или иной научной школе, потребностью самоутверждения, стремлением к новизне и оригинальности и т. д. Неизбежной платой за любой совершаемый учёным выбор является когнитивная, социальная, моральная, а часто и экзистенциальная ответственность конкретного учёного не только перед научным сообществом, но и перед самим собой. Богатым эмпирическим материалом для понимания научного познания как драмы идей (Эйнштейн), а научной деятельности как драмы поступков учёных, имеющих часто огромные социальные последствия, являются биографии, автобиографии и мемуары выдающихся учёных.

Наука как инновационная система

Одной из важнейших структурных характеристик современной науки и её измерением является инновационность – нацеленность не только на получение нового знания, на открытие новых свойств и закономерностей исследуемых объектов, но и на развитие экономического потенциала общества, создание новых потребительских стоимостей, новых наукоёмких товаров и услуг. Это, как показало тесное взаимодействие науки, промышленности и экономики уже начиная с конца XIX в., а тем более в XX в., возможно только в том случае, если производимые в обществе то-

вары и услуги основаны на научных знаниях. Но для того, чтобы это произошло, необходимо было приложить немалые усилия, сделав науку важным фактором экономического развития общества, звеном всей его инновационной системы.

Время свободной науки, её развития только ради поиска некоей объективной истины прошло окончательно и безвозвратно. Наука стала для современного общества слишком дорогой, а подчас и небезопасной по своим применениям, чтобы освободить её из-под контроля общества и государства. Инновационный характер современной науки оказал важное влияние на её понимание как системы знания и познания. Сильное замыкание современной науки на практику и обслуживание её потребностей породило, в частности, узко прагматическое её истолкование как множества практически полезных идей и гипотез. Культурная и мировоззренческая значимость научного знания стали уходить на второй план или вообще забываться. Методологическое «противоядие» такому пониманию науки может быть только одно – чёткое различие в структуре науки двух разных типов научных истин: теоретических и практических. Конечно, при этом возникает тонкий и сложный вопрос о соотношении этих видов истин между собой и критериях их различения. Однако только при интерпретации по крайней мере части научного знания как объективно-истинного знания о мире возможно сохранение мировоззренческой функции науки в обществе. А это имеет непреходящее значение для развития как всей современной культуры, так и судеб человеческой цивилизации в целом [8].

Заключение

Современная философия науки при построении общей модели науки исходит из гораздо более сложной её структуры по сравнению с позитивистской философией науки. Она исходит из того, что наука – это не чисто познавательная структура, а социально-когнитивная деятельность,

имеющая несколько взаимосвязанных между собой измерений: познавательное, социальное, культурное, аксиологическое, инновационное. Главным из них является познавательное, ибо главная цель науки – это производство научного знания и его применение для максимально точной

оценки объективной реальности и её использования в практических целях. Все остальные измерения науки являются лишь необходимыми условиями выполнения наукой своих главных функций.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. А. Научная деятельность: основные понятия. М.: Проспект, 2021. 136 с.
2. Лебедев С. А. Философия науки: курс лекций. М.: Проспект, 2022. 272 с.
3. Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с.
4. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
5. Лебедев С. А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
6. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
7. Лебедев С. А. Философия науки: учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект, 2021. 176 с.
8. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с.
9. Лебедев С. А., Лебедев К. С. Существует ли универсальный научный метод? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 56–72.
10. Лебедев С. А. Научный метод: единство и разнообразие // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 2. С. 7–26.
11. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного: в 2 т. Т. I. М.: Проспект, 2022. 192 с.
12. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного: в 2 т. Т. II. М.: Проспект, 2022. 216 с.
13. Лебедев С. А. Проблема демаркации научного знания и её эволюция // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 79–89.
14. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 241 с.

REFERENCES

1. Lebedev S. A. *Nauchnaya deyatel'nost': osnovnye ponyatiya* [Scientific Activity: Basic Concepts]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 136 p.
2. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 272 p.
3. Lebedev S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2021. 626 p.
4. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya koncepciya* [Philosophy of Science: A Positive-Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
5. Lebedev S. A. [Axiology of Science: Value Regulators of Scientific Activity]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2020, no. 7, pp. 82–92.
6. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Level Methodology of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
7. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 176 p.
8. Lebedev S. A. *Nauchnyj metod: istoriya i teoriya* [Scientific Method: History and Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 448 p.
9. Lebedev S. A., Lebedev K. S. [Is There a Universal Scientific Method?]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2015, no. 2, pp. 56–72.
10. Lebedev S. A. [Scientific Method: Unity and Diversity]. In: *Novoe v psichologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Research], 2015, no. 2, pp. 7–26.
11. Lebedev S. A. *Metodologicheskaya kul'tura uchyonogo. T. I* [Methodological Culture of a Scientist. Vol. 1]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 192 p.
12. Lebedev S. A. *Metodologicheskaya kul'tura uchyonogo. T. II* [Methodological Culture of a Scientist. Vol. 2]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 216 p.

13. Lebedev S. A. [The Problem of Demarcation of Scientific Knowledge and its Evolution]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2022, no. 3, pp. 79–89.
14. Stepin V. S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Science]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992. 241 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Современная наука как многомерная когнитивно-социальная структура // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 92–107.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-92-107

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Modern Science as the Multidimensional Cognitive-Social Structure. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 2, pp. 92–107.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-92-107

УДК 1(091); 168.521

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-108-119

АЛГЕБРА ЛОГИКИ КАК СРЕДСТВО ОБОСНОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТА: ВКЛАД РУССКОГО ИНЖЕНЕРА Н. М. ГЕРСЕВАНОВА

Прядко И. П.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ логико-математических идей выдающегося российского гидроинженера, основателя отечественной школы механики грунтов Н. М. Герсеванова. В тот период, когда математическая логика в России делала первые шаги, известный инженер-механик уже широко применял её подходы при расчёте устойчивости насыпей с опорой на «ряж» – заполняемый булыжником и глиной деревянный сруб, служащий основанием для набережных. Для достижения цели исследования автор решает следующие задачи: показать, в каких условиях происходило обращение Н. М. Герсеванова к логическому инструментарию; определить, какие схемы алгебры логики применял российский гидроинженер для обоснования устойчивости гидросооружений; выявить мотивы, побудившие Герсеванова применить математическую логику, и, в частности, силлогистику, в своих теоретических построениях.

Процедура и методы. Методом исследования автору послужили ретроспективный анализ источников по истории логики.

Результаты. В ходе исследования было установлено, что Герсеванов, активно внедрявший аппарат математической логики в ткань инженерных расчётов, опередил в этом вопросе современных ему отечественных логиков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование проливает свет на формирование отечественных школ неклассической и математической логики в XX в.

Ключевые слова: алгебра логики, деформация, Луи Кутюра, механика грунтов, Н. М. Герсеванов, ряжевая набережная

LOGIC ALGEBRA AS A JUSTIFICATION FOR AN ARCHITECTURAL DESIGN PROJECT: THE CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN ENGINEER N. M. GERSEVANOV

I. Pryadko

Moscow State University of Civil Engineering

Yaroslavskoye Shosse 26, Moscow 129337, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this paper is to analyze the logical and mathematical ideas of N. M. Gersevanov, a prominent Russian hydraulic engineer and founder of the Russian school of soil mechanics. At the time when mathematical logic was taking its first steps in Russia, this famous mechanical engineer had already been widely applying its approaches in the stability analysis of embankments supported by “the cribwork”, a wooden structure filled with cobbles and clay that served as the base for embankments. To achieve the goal of the research, the author solves the following tasks: showing the conditions under which N. M. Gersevanov employed the tools of logic; identifying patterns of logic algebra applied by the

Russian hydraulic engineer to substantiate the stability of hydraulic structures; identify the motives that encouraged Gersevanov to apply mathematical logic and syllogistics in his theoretical research.

Methodology. The author's research methods included the retrospective analysis of sources on the history of logic.

Results. In the course of the study the author found out that Gersevanov, who had frequently applied the apparatus of mathematical logic to engineering calculations, was ahead of other domestic logicians in this matter.

Research implications. The study makes it clear how the domestic schools of non-classical and mathematical logic were formed in the middle of the 20th century.

Keywords: algebra of logic, deformation, Louis Couture, soil mechanics, N. M. Gersevanov, cribwork embankment

Введение

Актуальность рассматриваемой в исследовании темы обусловлена событиями, которые происходят в нашей стране и вокруг неё сегодня. Начавшаяся весной 2022 г. СВО и усиливающееся военное давление государств НАТО на Россию сопровождаются разрушением военной и гражданской инфраструктуры как в России, так и в соседней стране. Среди прочего в негодность приводятся гидросооружения, возведённые в XIX–XX вв. Завершение военных действий и переход к мирной жизни неизбежно поставят вопрос о восстановлении повреждённых объектов. И в этом случае обращение к теоретическому и практическому опыту гидроинженеров, по проектам которых были возведены уникальные набережные и пирсы в черноморских и азовских портах, окажется жизненно необходимым. В таких условиях надлежит обратиться к теоретическим наработкам выдающегося гидростроителя XX в., инженера-теоретика Николая Михайловича Герсевича, при участии которого в первой половине прошлого столетия были построены набережные в Николаеве, Одессе, Новороссийске, Кронштадте и Туапсе (см. рис. 1 а, б). Возведённые Герсевичем сооружения продолжают выполнять роль ключевого элемента городской инфраструктуры южных приморских городов [4; 7; 13]. Будучи основателем отечественной школы механики грунтов (ср. [6]), Николай Михайлович оставил богатейшее теоретическое наследие, анализ и углуб-

лённое изучение которого необходимо современным строителям и гидроинженерам. Герсевичем написано большое количество работ по прикладным вопросам применения законов и принципов строительной механики в инженерном проектировании. Н. М. Герсевич продолжал дело своего отца – Михаила Николаевича, – тоже гидроинженера и архитектора, который в XIX в. возводил набережные российских портов на Чёрном, Азовском морях, на Балтике. Герсевич-старший длительное время был главным инспектором гражданских сооружений на Кавказе. Инспектировал строительство военно-стратегических дорог на юге империи, занимался подготовкой инженеров-путейцев и строителей. Таким образом, Николай Михайлович подхватил эстафету у старшего представителя династии гражданских и военных строителей. Как специалист, он служил уже новому Советскому государству.

Разумеется, реконструируемые гидросооружения должны быть устойчивы. А методы достижения устойчивости в деталях разрабатывались Н. М. Герсевичем. В целях определения данных методов учёный обращался не только к законам строительной механики, но и к приёмам, которые почерпнуты из арсенала математических наук, в частности, алгебры логики.

В настоящей работе автор рассматривает один малоизвестный эпизод в истории становления отечественных школ математической логики. Данная область знаний в 1920–30-е гг. только начинала

формироваться, а Н. М. Герсегован уже предпринимал попытки ввести формулы математической логики в инженерные расчёты. Считается, что Герсегован, в отличие от логиков и философов его времени, не был связан идеологическими ограничениями. Между тем, логические наработки Герсегована не известны интересующемуся историей логики читателю. Даже в обширном историко-логическом наследии ныне покойного профессора Б. В. Бирюкова мы находим лишь небольшие по объёму тезисы доклада, сделанного совместно с З. А. Кузичевой и представленного на конференции по проблемам современной логики в 2008 г. в Санкт-Петербурге [1, с. 194–196]. В настоящей работе автор намерен восполнить пробел, обнаруженный им в трудах по истории российских логических школ.

Для периода, когда жил и работал Н. М. Герсегован, его логические разработки имели новаторский характер. Ниже показано, в чём конкретно состоит новаторство русского гидроинженера, в каких областях инженерного проектирования им была применена математическая логика. Ведь идеи Герсегована могут быть востребованы инженерами-гидростроителями в современных условиях [6; 11]¹.

Обращение к логическому наследию Герсегована актуально для специалистов в различных областях науки и техники. Опыт применения логики неопровержимо доказывает, что данная дисциплина выступает пропедевтикой для фундаментального и прикладного знания. Именно потому каждый специалист и в частности инженер и архитектор должен овладеть логической культурой, иметь навык использования формул логики в рассуждениях, касающихся его специальности. Изучение логики основной целью предполагает углубление аналитического и праксеологического опыта интеллектуальной деятельности. Такое изучение стимулирует

и развитие мышления специалиста в направлении строго систематизированных форм, укрепления навыков эффективного применения логических знаний в профессиональной деятельности.

Современный специалист в силу особенностей производства вынужден решать не только технологические, но и экономические задачи. Ведь в условиях санкций и перехода на рельсы мобилизационной экономики градостроителям и инвесторам, вкладывающим средства в строительство зданий и сооружений, важно с высокой точностью оценить уровень затрат. Известно, что прямые затраты определяются на основании чертежей проекта по действующим ставкам, нормам, тарифам. Инвестору важно проверить предлагаемый проект на экономическую рентабельность, в то время как архитектор имеет перед собой задачу защитить проект, обосновать его целесообразность и экономическую эффективность. Другими словами, создатель проекта, инженер или архитектор должен, опираясь на выполненный им чертёж, обосновать проект экономически и технически. Большим подспорьем в этом деле ему могут стать законы формальной логики, схемы дедуктивного доказательства, лежащие в основе правил аргументации. Удовлетворяющие законам формальной логики доводы должны сделать аргументацию автора проекта убедительной для заказчика. Именно герой настоящей работы Н. М. Герсегован одним из первых обратил внимание на необходимость логической подготовки архитектора и гражданского инженера. Работа этого незаурядного учёного «Применение математической логики к расчёту сооружений» [3, с. 123–204] посвящена отдельным аспектам использования алгебры логики в строительной сфере. Впервые статья была опубликована в 1923 г., в период, когда учёный занимался проектированием силовых гидроустановок [10, с. 437–439]. Исследовательский поиск гидроинженера косвенно повлиял на становление теории синтеза и анализа релейно-контактных

¹ См. также: Пронозин Я. А., Королев К. В., Караулов А. М. Механика грунтов. Т. 2: учебное пособие. М.: Учебно-методический центр по образованию на транспорте, 2022. 488 с.

схем, разработку которой осуществил В. И. Шестаков. Статья по логике вошла в юбилейное собрание сочинений 1949 г. Отобранные для данного издания основные теоретические работы гидростроителя, к числу которых относилась названная выше статья, подводили своего рода итог многолетней исследовательской, преподавательской и инженерной деятельности Николая Михайловича.

В настоящей работе логические выкладки русского инженера предлагаются как образец применения формализованного аппарата алгебры логики в строительной механике. Ниже анализируются отдельные примеры применения логики в строительстве, которые предложены в упомянутой логической работе русского механика.

В статье Герсегованова в качестве одного из примеров даётся логико-математический расчёт устойчивости набережных, опирающихся на ряж. Статический условный расчёт основателя отечественной школы механики грунтов, как уже отмечалось выше, стал одним из первых случаев технического применения существующей в течение многих веков в некотором отрыве от прикладного знания дедуктивной теории – формальной логики. Но такой отрыв продолжал существовать до тех пор, пока она не выработала свой математический язык. В начале XX в. существовали разные варианты этого языка. Широкую известность получил формальный язык итальянского математика Д. Пеано, которым, кстати, широко пользовался философ, естествоиспытатель и богослов П. А. Флоренский. Оригинальный формально-логический язык, включающий знаки отрицания и импликации, находим мы в сочинениях Г. Фреге (см. [15]; русск. перевод в кн. [14]). Герсегованов воспользовался алфавитом логики, предложенным французским математиком Л. Кутюра [9].

Материалы и источники исследования

Отметим, что литература предмета лишь косвенно касается затрагиваемой в настоящей работе темы. История отечественных школ формальной логики XX–XXI вв. изучалась такими авторами, как И. С. Верстин, Б. В. Бирюков [1; 2], Н. И. Стяжкин, В. И. Левин [10] и др. В исследовании автор обращается к работам по истории отечественной и европейской логики, к числу которых в первую очередь относятся статьи, доклады и выступления по истории применения математической логики в технике и иных прикладных сферах.

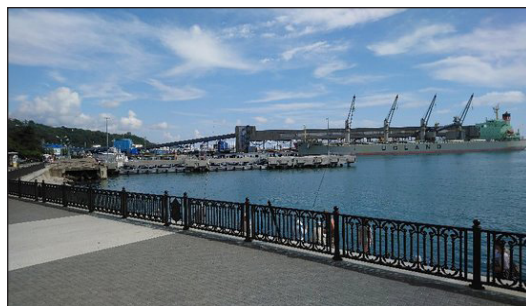
Материалом автору настоящей работы также послужили данные биографии Н. М. Герсегованова. Автор обращается к библиографии работ учёного¹, принимает во внимание выводы, содержащиеся в его главном логическом исследовании. Особенно много в направлении изучения школ отечественной логики было осуществлено Б. В. Бирюковым. В исследованиях, проведённых им в первые десятилетия XXI в., он восстановил событийный ряд, создал достоверную и по возможности полную картину становления отечественной философии и логики второй половины XX в.

Ранее говорилось, что в целях проверки строительных расчётов Герсегованов использует алфавит алгебры логики, предложенный в работе Кутюра (1909) [9]. Создатель отечественной школы механики грунтов для обозначения суждений данной инженерной науки, например, таких как «Данное сооружение устойчиво», использует пропозициональные переменные ($A, B, C, A_1 \dots$ и др.), а в качестве логических констант – знаки « $\neg$ », « $\vee$ », « $\wedge$ », « $\supset$ ». При этом логические пропозициональные переменные могут иметь значение «истина» (1) или «ложь» (0). Отрицание суждения в работе Герсегованова обозначается в виде апострофа над переменной.

¹ Герсегованов Николай Михайлович // Информационная система Архивы РАН: [сайт]. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=6E798F1B-806D-C8B0-789D-9C57ADB8438> (дата обращения: 11.05.2023).

а

б

Рис. 1 / Fig. 1. а) Руины завода «Запорожсталь», 1943 г. Восстановлением объекта руководил Всесоюзный институт по сложным основаниям фундаментов (ВИОС), возглавляемый Н. М. Герсегоновым / а) The ruins of the Zaporizhstal plant, 1943. The restoration of the object was led by the All-Union Institute for Complex Foundations (VIOS), headed by N. M. Gersevanov;
б) Набережная Туапсе. Современный вид / б) Tuapse embankment. Modern look

Источник: Фотографии Запорожья: [сайт]. URL: <https://life.zp.ua/razrushennyj-odin-iz-cekov-kombinata-zaporozhstal> (дата обращения: 11.05.2023).

Соединение двух или нескольких высказываний знаком « $\wedge$ » будет называться конъюнкцией, или логическим умножением (знак « $\wedge$ » здесь приравнен союзу *и*). Если переменные соединяет знак « $+$ », то перед нами логическое сложение, или дизъюнкция. Знак « $+$ » заменяет разделительные союзы (*или, либо и др.*). Истинность логического умножения двух переменных предполагает, что истинны обе переменные. При значении «ложь» одного из членов логического умножения вся формула умножения принимает значение «ложь» (0). Логическое сложение будет принимать значение «истина» (1), когда хотя бы один из членов логического сложения, например, *A* или *B*, будет истинным. Дизъюнкция ложна, когда оба члена дизъюнкции ложны. Подформулы языка алгебры логики, соединённые знаками « $\leftarrow$ » или « $\rightarrow$ », приравнены к условным суждениям. В настоящей работе формулы Герсегонова воспроизведены при помощи привычных для читателя символов современной логики высказываний: знаком « $\neg$ » или чертой над пропозициональной переменной обозначено отрицание, « $\wedge$ » – знак конъюнкции, « $\vee$ » – знак дизъюнкции, « $\supset$ » – знак импликации.

В работе используются также формулы механики грунтов и сыпучих материалов.

Н. М. Герсегонов о проектировании ряжевых набережных

В рассматриваемой работе Герсегонова решение проблемы логической формализации осуществлено в целях обоснования устойчивости проектируемых инженером портовых сооружений. Герсегонов в пример приводит расчёт деформации набережной, опирающейся на ряж.

В начале Герсегонов предлагает анализ сил, действующих на опору набережной. Эти силы в значительной мере приводят к смещению надстроечной части сооружения в результате воздействия на опору. Герсегонов пишет: «Для того, чтобы убедиться в устойчивости набережной, надо убедиться в её устойчивости по отношению ко всем возможным видам разрушений: на сдвиг, на выпирание нижележащего грунта и т. д.» [3, с. 141].

Рассматриваемые в логической статье русского гидроинженера виды разрушений могут затронуть не только ряжевые набережные, но и массивовые набережные, портовые сооружения на фундаментах из набивных и шлакоцементных свай. Далее Герсегонов конкретизирует стоящую перед ним цель, связанную с проектированием именно ряжевых набережных.

Герсегонов подводит читателя к выводу, что обоснование устойчивости ряжа во

всех возможных случаях может оказаться для инженера, обосновывающего проект, непосильной задачей. В ряде ситуаций гораздо удобнее и целесообразнее сосредоточиться на опровержении суждения «Данная набережная неустойчива». Т. е. для формулы, используемой как аргумент в доказательстве «устойчивости / неустойчивости» конструкции, необходимо найти такие значения переменных, входящих в формулу, при которых набережная может оказаться подверженной разрушению в силу свойств грунта, действия на ряж внешних сил и проч. При этом опровергается вывод, что набережная неустойчива: в виду истинности формулы, используемой в качестве посылки, вывод о неустойчивости оказывается невозможен. Но последнее требуется доказать.

Автор обсуждаемой статьи по прикладным вопросам логики ограничивается теми деформациями, которые появляются от воздействия грунта на ряж. Чаще всего, указывает в данной связи Герсегованов, «ряж, имеющий в поперечном разрезе форму прямоугольника, деформируется, обращаясь в параллелограмм (на схеме он дан жирным пунктиром. – И. П.), причём настолько значительно, что весь камень, составляющий его ядро, перемещается в сторону наклона ряжа» (рис. 2).

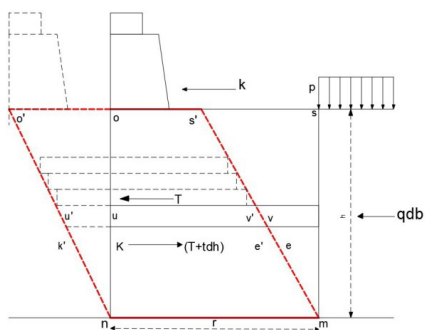

Рис. 2 / Fig. 2. Деформация набережной ряжевого типа. Чертёж взят из статьи Н. М. Герсегованова / Deformation of the cribwork embankment. The drawing is taken from an article by N. M. Gersevanov

В аналогичных проектах, как убеждён Герсегованов, мы должны рассчитать такую ширину ряжа, которая исключала бы его смещение. Для этого определяем, какая ширина *не* обеспечивает устойчивости набережной. Из этих рассуждений у Герсегованова следует логическое неравенство (мы приводим его далее). Но прежде напомним формулу механики грунтов, которая в рассуждениях Герсегованова выполняет роль посылки для последующего опровержения мысли о потенциальном разрушении ряжа.

Обращается внимание на то, что смещаются лежащие друг над другом слои, при этом сила давления t на ряж зависит от коэффициента трения камня о камень f . Кроме этого, величина t прямо пропорциональна удельному весу камня Δ , а также ширине самого ряжа r . На основе данных положений выводится формула (1):

$$t = f\Delta r \quad (1)$$

где t – сила давления на ряж,
 f – коэффициент трения камня о камень,
 Δ – удельный вес камня, r – ширина ряжа.

Далее, Герсегованов разбирает условное суждение, которое надлежит опровергнуть архитектору, предлагающему свой проект ряжевой набережной:

$B \supset A$, где A – суждение «Данная ряжевая набережная неустойчива», B – представленная выше формула (1).

Задача, сформулированная гидроинженером, – определить такую ширину ряжа *тпос* (рис. 2), которая исключала бы разрушение набережной в результате сдвига. Для этого нужно знать ширину r , при которой данная набережная может быть разрушена. Проблема, решаемая Николаем Михайловичем, поставлена не только в предметном поле механики грунтов и сыпучих веществ. Для её решения могут быть привлечены формализованные средства современной логики. Отечественный гражданский инженер призывает не ограничиваться в проектировании фундамен-

тов узкопрофессиональным подходом, в связи с чем он пишет: «Вряд ли этот вопрос (т. е. вопрос, связанный с определением устойчивости. – И. П.) может быть когда-либо разрешён путём рассмотрения упругой деформации системы методами строительной механики» [3, с. 142]. Для создания ряжевой набережной необходимо осуществить выемку грунта и заполнить образовавшийся ряж *klvu* слоем камней. Давление грунта распределяется между камнем и деревянным каркасом. Значение доли давления грунта, воспринимаемого камнем, Герсеванов обозначает через $t dh$, а значение давления, воспринимаемого деревянным каркасом, – через $e dh$ (в обоих формулах, как поясняет Герсеванов, dh – толщина слоя ряжа *klvu* (см. на рис. 2)). Два этих отношения становятся антецедентом условного суждения, которое выводится отечественным гидростроителем.

Среди условных суждений, в которых даётся формула сил, влияющих на устойчивость ряжевой набережной, Герсеванов приводит ещё одну математическую формулу (2) – импликацию

$$\left(Kh + \int_0^h e h d h \right) \supset 0 \quad (2)$$

Гидроинженер обозначил это неравенство переменной C . Конъюнкция двух формул – C и B – выступает условием неустойчивости ряжа, которое выражено суждением A : $(B \wedge C) \supset A$. Приведённые выше условные высказывания Герсеванов называет «предварительными замечаниями», позволяющими определить ширину ряжа r , при которой A (суждение «Данное сооружение неустойчиво») останется ложным. Т. е. ряж не будет подвергаться той деформации, которая для набережных опасна, а порой и недопустима. В качестве примера набережной, потерявшей свою изначальную устойчивость, гидростроитель приводит набережную в Гельсенфорсе.

Разрушение набережной, выражаемое через суждение A , есть следствие посылок B и C (их конъюнкции). Далее, применяя

формулы алгебры логики, Герсеванов приходит к выводимости B из не- C ($\neg C$), а это значит, что суждение A о неустойчивости набережной ложно, и деформация её не может иметь места.

Перспективы применения логики в технике и строительстве.

Роль символической логики в познании и доказательстве

В настоящем параграфе автор рассматривает некоторые мотивы, которые заставили российского гидроинженера обратиться к формальному языку математической логики, причём как раз в то время, когда алгебра логики только заявила о себе как о самостоятельном разделе этой древней науки, а само увлечение логикой не приветствовалось в нашей стране, отчасти по идеологическим причинам (к математической логике у советских философов-марксистов существовало определённое предубеждение). Достаточно сказать, что лояльный советской власти автор – психолог К. Сотонин – предрекал смерть логики ввиду исчерпания её предмета¹. Подверг критике с позиций материалистической диалектики традиционную логику в 20-е гг. XX в. и В. Ф. Асмус. Однако инженеры и математики, в отличие от философов, в тот период меньше зависели от идеологических ограничений.

Особенность подхода Герсеванова состоит в том, что инженер при расчётах стремился сочетать традиционные подходы строительной механики и формализованные средства алгебры логики. В тезисах доклада, представленного на конференции по проблемам современной логики в Санкт-Петербурге Б. Н. Бирюковым и З. А. Кузичевой, подчёркивалось, что в работе Герсеванов демонстрировал приёмы формальной логики в явном виде, стремясь тем самым привлечь внимание строителей к широкому диапазону возможностей, предоставляемых данной наукой

¹ Сотонин К. Рецензия на книги Поварнина С. И. «Введение в логику» // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 56.

[1, с. 194–196]. Однако и эти возможности окажутся ограничены, т. к. нельзя учесть все факторы, влияющие на устойчивость сооружения. Эти факторы выступают в рассуждении архитектора как посылки.

В данной связи можно применить инструментарий вероятностной логики, либо обратиться к методам теории вероятностей. Герсегонов же вслед за Кутюра предлагает воспользоваться алгеброй логики и выполнить операцию логического умножения посылок. Результатом такого умножения может, к примеру, быть произведение $(\bar{A} \wedge B \wedge C \wedge D \wedge \dots)$. Смыслом суждения $(\bar{A} \wedge B \wedge C \wedge D \wedge \dots)$ является то, что по отдельности суждения A, B, C, D и другие элементарные суждения, из которых оно состоит, одновременно имеют место. В работе Герсегонова в качестве примера такого суждения выступают посылки простого категорического силлогизма. Из конъюнкции (логического умножения) простых атрибутивных суждений вытекает третье атрибутивное суждение, содержащее в себе новое знание.

Силлогистика как инструмент анализа проблем строительной механики

Вслед за Луи Кутюра русский гидроинженер рассматривает силлогизм I фигуры как пример сложного суждения, подчёркивая тем самым условность деления форм абстрактного мышления на понятия, суждения и умозаключения. Близкие идеи провозглашает современный российский логик и философ Н. Н. Жалдак, который в одной из работ среди прочего утверждает: «Противопоставление форм [логического] мышления относительно... Суждение есть прямо или косвенно составленная, хотя бы из контекстуального определения понятия, форма сообщения о содержании понятия... Вместе с тем суждения служат терминами в более сложных суждениях. Умозаключение есть сложное суждение...» [5, с. 3]. Всё это совпадает, как мы видим, со взглядом Герсегонова, который далее даёт формализованную запись модуса Barbara I фигуры силлогизма:

$$[(A \supset B) \wedge (B \supset C)] \supset (A \supset C)$$

Эксплицируя рассуждение по данному модусу, Герсегонов пишет, что « $(A \supset B)$ и $(B \supset C)$ влечёт за собой существование третьего суждения $(A \supset C)$ » (символика Герсегонова здесь и далее заменена современной записью формул математической логики).

Среди выделенных Герсегоновым сложных суждений можно упомянуть правило Де-Моргана, правило снятия конъюнкции, согласно которому, если доказана конъюнкция $(A \wedge B)$, то будет доказано A или будет доказано B . (см. формулы Предложения 7, [3, с. 133]). Кроме этого правила Герсегонов использовал другие тождественно-истинные формулы математической логики. Законы и принципы математической логики инженер в своих вычислениях использует наряду с теоремами, требующими обоснования. Напр., для доказательств Предложения 8 [3, с. 141] $(B \supset A) \supset [0 \supset (A \wedge \neg B)]$ требуется обе части логического неравенства $(A \supset B)$ перемножить на $\neg B$. Рассуждения Герсегонова, как говорилось выше, мы передаём в современной записи:

$$[(B \supset A) \wedge \neg B] \equiv [(B \wedge \neg B) \supset (A \wedge \neg B)] \equiv [0 \supset (A \wedge \neg B)],$$

т. е.

$$(B \supset A) \supset [0 \supset (A \wedge \neg B)].$$

Для чего Герсегонов обращался к логическому аппарату? Немецкий философ и математик, один из столпов европейского рационализма Г. Лейбниц отмечал, что методы, которые используются для решения теоретических и прикладных задач, не менее важны, чем сами открытия, сделанные в разных областях. Мотивы обращения Герсегонова к логическим методам нам представляются аналогичными тем, которые лежали в основе подобного обращения к аппарату алгебры логики у инженеров, градопроектировщиков и представителей технических специальностей его времени. Во-первых, логическая запись

компактнее, чем запись при помощи знаков естественного языка. Во-вторых, при анализе абстрактных символов комбинаторика лексико-грамматических классов в их символической записи – понятий и законов классической механики – выступает в явной форме, что особенно ценно для представителей технических наук. И действительно, при символической записи легче обнаруживаются связи между формами мысли, а потому удобно исчислять рассуждения. Третья причина использования символического представления алгебры логики состоит в следующем: формализованные записи можно максимально приблизить к записи алгоритмических языков, а это даст возможность автоматизировать весь процесс рассуждений, облегчить их программирование. Правда, мысль Герсееванова, видимо, не заходила так далеко, поскольку гидроинженер жил в эпоху, когда кибернетика и программирование делали первые шаги. Но уже на примере исследования Герсееванова мы можем говорить о попытке рационализировать исчисление высказываний в сфере строительного проектирования. Исчисляя высказывания, мы имеем возможность результаты рассуждений сгруппировать в таблицы истинности, и это ещё одна причина, чтобы применять в технических рассуждениях язык математической логики (об этом см.: [8, с. 18]). Недаром современный логик З. А. Кузичева относит символическую логику к видам искусственного языка и примерам математического исчисления, подчёркивая тем самым её как бы переходный статус. Символическая логика, называемая также алгеброй логики, является сферой, находящейся на пересечении информатики, технического моделирования, математики и теоретических наук, определяющих методы прикладного исследования [8, с. 10].

Отметим в обсуждаемой связи, что подход Герсееванова близок к традиционной логике, которая кроме формальных правил вывода учитывает содержание анализируемых высказываний, а значит, включает и содержательные правила, касающиеся

понятий и суждений. Так, Герсеевановым принимается во внимание содержание тех посылок, которые выражают законы строительной механики. Сказанное соответствует установкам научного мышления, которые, как подчёркивал Ю. А. Петров, содержательны [12, с. 46]. На содержательные аспекты истины обращают внимание Б. В. Бирюков и В. Н. Тростников в работе «Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики» (2009) [2]. И это подтверждается выводами русского инженера. Если бы Герсееванов абстрагировался от строительного содержания, то его статья, вероятно, не вызвала бы интереса у коллег-инженеров.

Заключение

Известный отечественный строитель и инженер, опередив большинство современных ему логиков, обратился к разработкам в области математической логики в целях упорядочения вычислений. Герсееванов был убеждён в том, что использование в расчётах одной только строительной механики может привести к одобрению проектов сооружений, фундаменты которых будут иметь избыточную устойчивость. А это может повредить изяществу архитектурной конструкции, утяжелить её. Логика в таких условиях должна стать инструментом принятия решений, позволяющих значительно облегчить конструкцию, сделать проект более простым при возведении и экономичным. Примеры применения Герсеевановым логических методов даны в настоящей работе.

Для доказательства устойчивости рязевых набережных Герсееванов использовал схемы простого категорического силлогизма и схемы условных умозаключений. В исследовании показано, что к началу XX в. формальная логика уже создала свой математический язык. Этим языком воспользовался в исследованиях Герсееванов.

Русский гидроинженер понимал, что возможности алгебры логики ограничены. Ведь она сохраняет свойственный

классической логике отвлечённый, слишком абстрактный характер. Она упускает отдельные содержательные моменты, связанные с предметной областью механики грунтов и сыпучих материалов, со смысловыми моментами строительной механики. При этом архитекторами и гражданскими инженерами расчёты, как правило, проводятся без обращения к логико-математическому аппарату. Но эти расчёты благодаря использованию алгебры логики могут приобрести направленный рациональный характер. Приблизить формально-логический анализ к нуждам строителя-инженера, сделать этот анализ более содержательными могли бы концептуальные схемы, опирающиеся на классическую силлогистику, а также включающие отдельные элементы неклассического подхода. Такие схемы позволяют анализировать структуру суждений, дают возможность принимать во внимание большое число альтернативных допущений, необходимых для расчёта устойчивости гидросооружений. Полезными для инженерных расчётов могут стать силлогистика Кэрролла, системы логической многозначности Н. А. Васильева, Я. Лукасевича, Я. Э. Брауэра, метод линейно-табличных диаграмм Н. Н. Жалдака и ряд других. Однако анализ ни одной из этих формализованных систем не входит в число задач настоящей работы. К ним можно будет обратиться как строителям, так и представителям других технических специальностей в будущем.

В исследовании автор остановился на фактах научной биографии Герсегованова, которые ранее в значительной мере ускользали из поля зрения историков науки и инженерного дела. Герсегованов действительно был разносторонним учёным, увлечённо работавшим во всех сферах строительной механики. Сам строительный теоретик был убеждён, что проектировщику необходимо обладать знаниями в различных областях математики, а кроме этого – иметь навык черчения и рисования. Помимо этого, он должен иметь теоретические и практические познания в

области геодезии, картографии, ландшафтоведения и климатологии. Обращение к булевой алгебре при таких установках оказалось более чем естественным.

Важно отметить, что формализованная запись рассуждений способствовала структурному представлению информации. Такое представление чрезвычайно важно для технической сферы. Очевидно, Герсегованова привлекала именно символическая специфика языка логики. В математической логике эта специфика проявляется наиболее конкретно – в виде логической конструкции абстрактных объектов. Реальный объект должен по возможности соответствовать абстрактной логической схеме. Отметим также, что логические формулы в аргументационной практике Герсегованова усилены визуальными аргументами – чертежами, без которых невозможно было бы обсуждение строительных задач, находившихся в фокусе рассмотрения учёного.

Определение логическими средствами необходимых и достаточных условий устойчивости и прочности возводимых конструкций может быть востребовано в наше непростое время, когда происходит формирование мобилизационной хозяйственной системы и ведётся поиск эффективных решений в разных областях производственной деятельности, в том числе и в строительстве.

В заключение укажем, что внедрение логических принципов в ткань строительных рассуждений должно способствовать позитивной динамике мыслительного процесса, критичности и самокритичности ума, управлению вниманием и оперативностью памяти, поиску правильного решения. Именно поэтому опыт Герсегованова важен и в его логико-педагогическом аспекте.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков Б. В., Кузичева З. А. Из приложений логики: о работе Герсевича «Применение математической логики к расчёту сооружений» // Современная логика: материалы X научной конференции, г. Санкт-Петербург, 26–28 июня 2008 г. / под ред. В. И. Кобзаря. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. С. 194–196.
2. Бирюков Б. В., Тростников В. И. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 232 с.
3. Герсевич Н. М. Применение математической логики к расчёту сооружений // Герсевич Н. М. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Стройвоениздат, 1948. С. 123–204.
4. Драганова А. К. Проблемы и перспективы социально-экономического развития г. Новороссийска // Эколого-географические проблемы регионов России: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 100-летию со дня рождения д. г. н., профессора В. И. Прокаева и 90-летию естественно-географического факультета СГСПУ, г. Самара, 15 января 2019 г. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2019. С. 306–308.
5. Жалдак Н. Н. Задачи по логике. Белгород: ЛитКараВан, 2010. 83 с.
6. Кочерженко В. В., Сулейманова Л. А., Кочерженко А. В. Инновационные свайные технологии (забивные сваи). Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, 2021. 93 с.
7. Крыленко В. В. Современное состояние берегов Азово-Черноморского побережья России // XXIX Береговая конференция: Натурные и теоретические исследования: сборник материалов конференции, г. Калининград, 18–24 апреля 2022 г. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2022. С. 19–24.
8. Кузичева З. А. Из истории языков представления знаний // Вопросы кибернетики. Кибернетика и математическая логика в историко-методологическом аспекте. М.: АН СССР, 1984. С. 10–22.
9. Кутюра Л. Алгебра логики / пер. И. Слешинского. Одесса: Mathesis, 1909. 108 с.
10. Левин В. И. История открытия логического моделирования дискретных систем // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы X Общероссийской научной конференции, 26–28 июня 2008 г. / под ред. В. И. Кобзаря. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. С. 437–439.
11. Мейдич А. П., Албутова Т. К., Боженко А. М. Механизированная безотходная технология возведения свайных фундаментов // Перспективы науки. 2020. № 11 (134). С. 247–249.
12. Петров Ю. А. Практическая методология науки // Вестник МСИ. 1998. № 4. С. 45–49.
13. Рябов М. Г. Реконструкция открытых городских пространств Юга России // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VI научной конференции, г. Симферополь, 21–22 октября 2020 г. Симферополь: Ариал, 2019. С. 220–225.
14. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / пер. Б. Бирюкова. М.: Аспект-Пресс, 2000. 512 с.
15. Frege G. Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens. Halle: Verlag Von Louis Nebert, 1879. 105 p.

REFERENCES

1. Biryukov B. V., Kuzicheva Z. A. [From Applications of Logic: About the Work of Gershevich "Application of Mathematical Logic to the Calculation of Structures"]. In: Kobzar' V. I., ed. *Sovremennaya logika: materialy X nauchnoj konferencii*, St. Petersburg, 26–28 iyunya 2008 g. [Modern Logic: Materials of the X Scientific Conference, St. Petersburg, June 26–28, 2008]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 194–196.
2. Biryukov B. V., Trostnikov V. I. *Zhar holodnykh chisl i pafos besstrastnoj logiki* [The Heat of Cold Numbers and the Pathos of Dispassionate Logic]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 232 p.
3. Gershevich N. M. [Application of Mathematical Logic to the Calculation of Structures]. In: Gershevich N. M. *Sobranie sochinenii. T. 1* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, Strojvoenizdat Publ., 1948, pp. 123–204.
4. Draganova A. K. [Problems and Prospects of Socio-Economic Development of Novorossiysk]. In: *Ekologo-geograficheskie problemy regionov Rossii: materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya d. g. n., professora V. I. Prokaeva i 90-letiyu estestvenno-geograficheskogo fakul'teta SGSPU, g. Samara, 15 yanvarya 2019 g.* [Ecological and Geographical Problems of Russian Regions: Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the 100th anniversary of the Birth of Doctor of Science, Prof.

- V. I. Prokaev and the 90th Anniversary of the Faculty of Natural Geography of the SGSPU, Samara, January 15, 2019]. Samara, Samara State Social and Pedagogical University Publ., 2019, pp. 306–308.
5. Zhaldak N. N. *Zadachi po logike* [Tasks in Logic]. Belgorod, LitKaraVan Publ., 2010. 83 p.
 6. Kocherzhenko V. V., Sulejmanova L. A., Kocherzhenko A. V. *Innovacionnye svaynye tekhnologii (zabivnye svai)* [Innovative Pile Technologies (Driven Piles)]. Belgorod, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov Publ., 2021. 93 p.
 7. Krylenko V. V. [The Current State of the Coasts of the Azov-Black Sea Coast of Russia]. In: *XXIX Beregovaya konferenciya: Naturnye i teoreticheskie issledovaniya: sbornik materialov konferencii, g. Kaliningrad, 18–24 aprelya 2022 g.* [XXIX Coastal Conference: Field and Theoretical Research: Collection of Conference Materials, Kaliningrad, April 18–24, 2022]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2022, pp. 19–24.
 8. Kuzicheva Z. A. [From the History of Languages that Represent Knowledge]. In: *Voprosy kibernetiki. Kibernetika i matematicheskaya logika v istoriko-metodologicheskoy aspektе* [Questions of Cybernetics. Cybernetics and Mathematical Logic in the Historical and Methodological Aspect]. Moscow, AS USSR Publ., 1984, pp. 10–22.
 9. Couturat L. *L'algèbre de la logique* (Sleshinsky I., transl. *Algebra logiki*. Odessa, Mathesis Publ., 1909. 108 p.).
 10. Levin V. I. [The History of the Discovery of Logical Modeling of Discrete Systems]. In: Kobzar' V. I., ed. *Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke: materialy X Obshcherossiyskoy nauchnoy konferencii, 26–28 iyunya 2008 g.* [Modern Logic: Problems of Theory, History and Applications in Science: Materials of the X All-Russian Scientific Conference, June 26–28, 2008]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 437–439.
 11. Meidich A. P., Albutova T. K., Bozhenko A. M. [Mechanized Non-Waste Technology for the Construction of Pile Foundations]. In: *Perspektivy nauki* [Prospects of Science], 2020, no. 11 (134), pp. 247–249.
 12. Petrov Yu. A. [Practical Methodology of Science]. In: *Vestnik MSI* [MSI Bulletin], 1998, no. 4, pp. 45–49.
 13. Ryabov M. G. [Reconstruction of Open Urban Spaces in the South of Russia]. In: *Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VI nauchnoy konferencii, g. Simferopol', 21–22 oktyabrya 2020 g.* [Actual Issues of Protection and Use of the Cultural Heritage of Crimea: Materials of the VI Scientific Conference, Simferopol, October 21–22, 2020]. Simferopol, Arial Publ., 2019, pp. 220–225.
 14. Frege G. *Collected Works* (Rus. ed.: Biryukov B., transl. *Logika i logicheskaya semantika*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2000. 512 p.).
 15. Frege G. *Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens*. Halle, Verlag Von Louis Nebert, 1879. 105 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович – кандидат культурологии, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor P. Pryadko – Cand. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прядко И. П. Алгебра логики как средство обоснования архитектурного проекта: вклад русского инженера Н. М. Герсевича // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 108–119.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-108-119

FOR CITATION

Pryadko I. P. Logic Algebra as a Justification for an Architectural Design Project: The Contribution of the Russian Engineer N. M. Gersevanov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 108–119.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-108-119

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 572.02

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-120-129

НОМО DIGITAL – СУБЪЕКТ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Гурьянова А. В.¹, Тимофеев А. В.²

¹Самарский государственный экономический университет

443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

²Самарский государственный технический университет

443100, Самарская обл., г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать феномен “homo digital” с позиции воздействия на него ведущих достижений цифровой революции, раскрыть социальные, культурные, психологические и технологические аспекты формирования этого нового человеческого типа.

Процедура и методы. В исследовании последовательно раскрываются особенности бытия человека в современном мире, анализируется сформировавшийся в нём новый человеческий тип – homo digital, получают осмысление проблемы и вызовы, связанные с процессом его становления и развития, акцентируются социальные аспекты его бытия. Для рассмотрения указанной проблематики применяются диалектические методы анализа и синтеза, обобщения, дескриптивные процедуры, описательный метод и метод компаративного анализа.

Результаты. В исследовании сделан вывод о том, что понятие “homo digital” фиксирует не только цифровую составляющую бытия современного человека, но и культурные, социальные и психологические аспекты, связанные с его вовлечённостью в мир современной техники и технологий. Homo digital представлен как активный участник цифрового общества, который в полной мере осознаёт свою роль и ответственность в цифровом мире. Его основополагающие характеристики – цифровая грамотность, сформированные этические принципы онлайн-коммуникации, умение эффективно управлять данными и информацией, критически оценивать информацию, взаимодействовать в онлайн-среде, осознавать влияние цифровых технологий на общество и окружающую среду, заботиться о цифровой безопасности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в тематизации понятия “homo digital”, выявлении свойственных ему характерных черт и особенностей, проблем и перспектив бытия в новом цифровом мире. Практическая значимость исследования обусловлена представленными в нём практическими рекомендациями по совершенствованию образа жизни современного человека, преодолению существующих экзистенциальных проблем – цифрового неравенства, обеспечения необходимого уровня цифрового образования, соблюдения этических принципов общения и коммуникации в цифровой среде, соблюдения требований цифровой безопасности, встраивания человека в качестве полноценного субъекта в систему цифрового общества и цифровой экономики.

Ключевые слова: homo digital, цифровая революция, цифровое неравенство, цифровая безопасность, цифровой след, цифровая этика

HOMO DIGITAL – THE SUBJECT OF THE DIGITAL REVOLUTION

A. Guryanova¹, A. Timofeev²

¹ Samara State University of Economics

ul. Sovetskoi Armii 141, Samara 443090, Samara Region, Russian Federation

² Samara State Technical University

ul. Molodogvardeyskaya 244, Samara 443100, Samara Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the phenomenon of “homo digital” from the perspective of the impact on it of the leading achievements of the digital revolution, to reveal the social, cultural, psychological, and technological aspects of the formation of this new human type.

Methodology. The study consistently reveals the peculiarities of human existence in the modern world, analyzes the new human type formed in it – homo digital, comprehends the problems and challenges associated with the process of its formation and development, accents the social aspects of its existence. Dialectical methods of analysis and synthesis, generalization, descriptive procedures, descriptive method, and method of comparative analysis are used to consider these problems.

Results. The study concludes that the concept of “homo digital” fixes not only the digital component of the existence of a modern human, but also cultural, social, and psychological aspects associated with his involvement into the world of modern technics and technology. Homo digital is presented as an active participant of the digital society, who is fully realizing his role and responsibility in the digital world. His fundamental characters are digital literacy, formed ethical principles of on-line communication, the ability of effective management of data and information, critical evaluation of information, interaction in an on-line environment, realizing an impact of digital technologies on society and the environment, taking care of digital security.

Research implications. The theoretical significance of the research relates to the thematization of the concept of “homo digital”, the identification of its characteristics and features, problems and prospects of being in the new digital world. The practical significance of the study is stipulated by the practical recommendations presented in it on improving the lifeway of a modern human, overcoming actual existential problems – digital inequality, ensuring the necessary level of digital education, compliance with ethical principles of communication in the digital environment, compliance with digital security requirements, constructing a person as a full subject in the system of digital society and digital economy.

Keywords: homo digital, digital revolution, digital inequality, digital security, digital step, digital ethics

Введение

За последние несколько десятилетий мир прошёл через стадию цифровой революции, изменившей множество аспектов жизнедеятельности современного человека [7]. Цифровая революция привела к значительным трансформациям в способах коммуникативного взаимодействия людей и в техниках оперирования ими экспоненциально возрастающими массивами информации. Быстрые темпы развития инновационных технологий, таких как интернет-ресурсы, различные мобильные устройства, социальные сети, потенциал искусственного интеллекта и многое другое, существенно изменили жизнь человека, сделав её более глобальной и мобильной, а также и более «цифровой». В этой связи на страницах научно-исследовательской литературы всё чаще фигурирует понятие «цифровой человек» [6, с. 39] – “homo digital” [5, с. 72] или “homo digitalis” [3, с. 70], рассматриваются вопросы, связанные с определяющим воздействием на него комплекса цифровых технологий, их проникновением в различные сферы жизнедеятельности, такие как образование, работа, здоровье, коммуникация, социальная сфера и многие другие.

В настоящей работе мы проанализируем влияние цифровой революции на современного человека, что способствует его превращению в “homo digital”. Предметом рассмотрения станут возникающие на этом пути проблемы и вызовы, социальные аспекты бытия homo digital, а также формирующиеся у него под влиянием цифровой революции характерные черты и особенности, достоинства и недостатки. Сразу же отметим, что понятие “homo digital” фиксирует не только цифровую составляющую бытия современного человека и его техническую оснащённость, но также культурные, социальные и психологические аспекты, связанные с вовлечённостью человека в мир современной техники и цифровых технологий [8, p. 140].

Особенности бытия человека в цифровом мире

Ведущей особенностью современного homo digital является высокая степень его информационной грамотности и активности. Человеку, сформировавшемуся в эпоху цифровых технологий, важно уметь ориентироваться в огромных информационных массивах, а также анализировать, критически осмысливать, отсортировать и интерпретировать оцифрованную информацию. Homo digital должен иметь представление о цифровой безопасности, различать достоверные и недостоверные источники информации, уметь защищать свои персональные данные и права в онлайн-пространстве.

Цифровая революция породила целый комплекс новых разновидностей и форм коммуникативного взаимодействия, которые уже стали важнейшей частью жизнедеятельности homo digital. Социальные сети, мессенджеры, видеоконференции и другие современные средства связи позволяют осуществлять общение даже на больших расстояниях. Кроме того, homo digital имеет возможность влиять на общественное мнение, выражать собственную точку зрения, а также участвовать в гражданских и общественных дебатах через посредство

социальных сетей, онлайн-петиций и прочих средств цифровой коммуникации. Это способствует формированию полноценного гражданского общества и утверждению демократических ценностей.

Цифровая трансформация открывает для homo digital новые возможности в области научных исследований и разработки технологий будущего. Чтобы быть успешным, homo digital должен развивать определённые компетенции и навыки: для него важно целенаправленно обучаться цифровой грамотности, уметь эффективно и безопасно использовать цифровые технологии, разбираться в цифровой экономике, уметь анализировать и критически оценивать информацию в интернете, обладать навыками работы в команде и умением адаптироваться к непрерывно происходящим изменениям цифрового мира. Важно также уметь находить разумный баланс между цифровым и аналоговыми (виртуальным и гибридным) мирами [1, с. 6]: homo digital должен уметь находить время для офлайн-общения, физической активности и творческой деятельности.

Ещё одним значимым аспектом бытия homo digital является его взаимодействие с новейшими технологиями, и в частности с искусственным интеллектом. С развитием автоматизации, робототехники и искусственного интеллекта homo digital начал сталкиваться с экзистенциальными проблемами, связанными с автоматизацией рабочих мест, этическими аспектами использования искусственного интеллекта, вопросами безопасности и ответственности в автоматизированных системах и др. Homo digital должен быть готов к преодолению подобного рода вызовов, развивая в себе навыки, необходимые для жизни и работы в цифровом мире.

При этом он должен отдавать себе отчёт в наличии цифровых следов, ответственно относиться к своим действиям в интернете. Последнее предполагает соблюдение авторских прав и этических принципов использования информации, уважение к другим пользователям и борьбу с цифровым мошенничеством, кибербуллингом

и прочими негативными проявлениями в сети. Homo digital отличают осознанное использование данных, уважение к приватности в цифровой среде, нетерпимость к дискриминации, распространению фейков и дезинформации. Homo digital должен быть ответственным и осознанным участником цифровой коммуникации.

Ещё одной важной особенностью бытия homo digital является его способность эффективно использовать цифровые технологии для работы, образования и личного развития. Благодаря различным цифровым инструментам, таким как электронная почта, облачные хранилища, цифровые образовательные платформы, онлайн-сервисы и др., homo digital получает доступ к практически неограниченному количеству ресурсов и возможностей. Он может знакомиться с новыми видами деятельности, приобретать профессиональные навыки, работать дистанционно, осваивать онлайн-курсы, вести бизнес, создавать и распространять контент, осуществлять беспрепятственную коммуникацию с пользователями по всему миру, делать заказы, совершать покупки и многое другое.

Немаловажную роль в формировании человека в качестве homo digital играет цифровое образование. Современный образовательный процесс должен включать в себя не только традиционные навыки, такие как чтение и письмо, основы математических исчислений, но также и цифровую грамотность, основы анализа данных, формирование критического мышления, технических навыков и прочих компетенций, необходимых для успешной адаптации в цифровом обществе. Homo digital может использовать цифровые технологии для саморазвития, личностного и профессионального роста. Он может обучаться онлайн, находить любую требующуюся ему информацию, сотрудничать с другими людьми в сети, развивать свои творческие навыки, участвовать в проектах и создавать свой собственный контент. Это открывает исключительные возможности для профессионального роста и карьеры в цифровом мире.

Феномен “homo digital”

Итак, кто же такой homo digital? Homo digital – это современный человек, который активно взаимодействует со сферой цифровых технологий, обладает необходимыми компетенциями и навыками для успешной адаптации в цифровом обществе. Он ответственно относится к своим действиям в сети, соблюдает базовые принципы информационной этики, осознаёт наличие цифровых следов и умеет эффективно управлять своими данными в сети. Он также заботится о цифровой безопасности, предпринимает меры для защиты своих учётных записей, паролей и личной информации от разного рода киберугроз.

Homo digital способен критически оценивать информацию, находящуюся в сети, различать достоверные и поддельные источники, проводить исследования, анализировать данные и принимать взвешенные решения на основе цифровой информации. Он также осознаёт важность критического мышления и оценки информации, – это необходимо для того, чтобы избежать попадания в ловушки манипулирования и дезинформирования в цифровом пространстве. Homo digital также способен эффективно взаимодействовать в онлайн-среде. Он умеет выстраивать конструктивные отношения с другими пользователями, уважать мнения и права других, проявлять толерантность и развивать межкультурную коммуникацию. Он также умеет использовать цифровые инструменты для сотрудничества, обмена идеями, и создания совместных проектов.

Homo digital осознаёт влияние цифровых технологий на общество и окружающий мир. Он заботится о вопросах цифровой этики, таких как защита приватности, борьба с цифровым неравенством, развитие цифровой грамотности среди малоимущих слоёв населения и других социальных групп. Он также может быть активным участником в обсуждении и формировании цифровой политики, что позволяет обеспечивать развитие цифрового обще-

ства на основе уважения прав и интересов всех его участников. Однако homo digital также сталкивается с вызовами и рисками в цифровом мире. Это касается, в частности, потери приватности, кибербуллинга, цифрового выгорания, зависимости от технологий и прочих негативных явлений. Поэтому важно, чтобы homo digital осознал эти риски и принимал меры для их снижения, такие как использование надёжных паролей, ограничение общедоступности своих личных данных, обучение и воспитание детей в вопросах цифровой безопасности и т. д.

Homo digital должен быть информированным потребителем цифровых продуктов и услуг. Он умеет различать легальные и нелегальные формы онлайн-деятельности, знает свои права и обязанности как пользователя, а также заботится о своей финансовой безопасности при совершении онлайн-транзакций. Homo digital также осознаёт важность цифровой грамотности и обучения. Он стремится к постоянному обновлению своих навыков и умений в области цифровых технологий, чтобы эффективно использовать их в повседневной жизни, работе и образовании. Он также поддерживает инициативы по повышению цифровой грамотности в обществе и внедрению цифровых технологий в образовательные процессы. Homo digital осознаёт важность цифровой экологии и устойчивого развития. Он заботится о влиянии цифровых технологий на окружающую среду, стремится обойтись без излишнего энергопотребления, сократить рост электронного мусора и прочих экологических проблем, использовать цифровые ресурсы ответственно и экономно.

Итак, homo digital – активный участник цифрового общества, который осознаёт свою роль и ответственность в цифровом мире. Он обладает цифровой грамотностью, сформированными этическими принципами, умеет эффективно управлять своими данными и информацией, критически оценивать информацию, взаимодействовать в онлайн-среде, осознавать влияние цифровых технологий на общество

и окружающую среду, заботиться о своей цифровой безопасности. Развитие цифровой грамотности и формирование осознанных цифровых поведенческих навыков среди населения становится всё более актуальным в современном мире, где цифровые технологии выступают неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности человека.

Проблемы и вызовы цифровой революции

Чтобы стать успешным, homo digital необходимо не только учитывать позитивные аспекты цифровой революции, но и быть готовым к решению возникающих в этой области проблем и вызовов. Цифровая революция повлекла за собой целый ряд проблем, таких как рост цифрового неравенства, снижение потребности в офлайн-общении и межличностном взаимодействии, угрозы безопасности и приватности личных данных. Излишнее пребывание в сети и приверженность онлайн-развлечениям может приводить к формированию зависимости, отвлекать от реальной жизни, снижать качество межличностных отношений и, тем самым, негативно влиять на психологическое и физическое здоровье индивида.

Ещё одним существенным риском является угроза безопасности и приватности данных. Homo digital должен быть осведомлён о методах защиты своих данных; его задача – оберегать личную информацию и соблюдать меры предосторожности в цифровом пространстве. Homo digital должен осознавать возможные угрозы, связанные с хранением и передачей персональных данных, вирусами, хакерскими атаками и прочими видами киберпреступлений. Для защиты своих персональных данных homo digital должен использовать надёжные пароли, быть внимательным при открытии подозрительных ссылок и вложений в электронных сообщениях, не передавать личную информацию третьим лицам без необходимости и регулярно об-

новлять программное обеспечение своих устройств.

Следует также отметить, что цифровая безопасность – это не только ответственность отдельного пользователя, но и важная задача всего общества целом. Государство, компании, организации и образовательные учреждения также должны предпринимать меры по защите информации своих пользователей и обучению населения правилам цифровой безопасности [2, с. 76]. Сегодня *homo digital* может столкнуться с проблемами в области кибербуллинга, киберпреступности, нарушения личной приватности, зависимости от цифровых технологий и другими негативными явлениями. Поэтому важно обучать цифрового человека осознавать такие риски и учиться эффективно справляться с ними. Кибербезопасность, защита персональных данных, критическое мышление, эмоциональная и социальная компетентность в цифровом пространстве – важные навыки, которыми должен обладать *homo digital*.

Ещё одной актуальной проблемой свершившейся цифровой революции стала проблема цифрового неравенства и доступности информации. Несмотря на то, что цифровые технологии предлагают множество возможностей, не все люди имеют равноценный доступ к ним. Неравномерное распределение доступа к интернету, различия в уровне цифровой грамотности, ограничение в доступе к цифровым ресурсам – всё это может приводить к появлению цифрового разрыва между разными группами населения. В цифровом мире всё ещё существует разрыв между теми, кто имеет доступ к высокоскоростному интернету, высокотехнологичным устройствам и информационным ресурсам, и теми, кто такой возможности лишён. *Homo digital* должен быть информирован о проявлениях цифрового неравенства, должен стремиться к его снижению, поддерживая инициативы по повышению доступности и инклюзивности цифровых технологий для всех слоёв населения.

Важным аспектом цифровой жизни является также защита личной информации и обеспечение кибербезопасности. *Homo digital* должен быть осведомлён о рисках, связанных с передачей и хранением личных данных в сети, применять соответствующие меры защиты, такие как использование надёжных паролей, защищённых соединений, антивирусного программного обеспечения и других средств защиты. Он должен осознавать важность этики использования данных, соблюдать правила конфиденциальности и не нарушать права других пользователей.

Одним из проблемных проявлений современной цифровой жизни является также вопрос о «цифровых следах». Такие следы оставляет каждое действие, совершённое пользователем в цифровом пространстве: это могут быть данные, фотографии, комментарии, «лайки» и другая информация о человеке, которая становится доступна другим пользователям и может использоваться третьими лицами. *Homo digital* должен быть осведомлён о своих цифровых следах, он должен уметь контролировать и защищать свою цифровую идентичность, а также соблюдать правила конфиденциальности и безопасности в цифровом мире.

Социальные аспекты бытия *Homo digital*

Homo digital – «представитель современного цифрового общества», формирующийся как «ответ на запрос цифрового мира» [4, с. 520], значимость социальных аспектов существования которого он непременно должен осознавать. Социальные сети и онлайн-сообщества предоставляют ему широкие возможности для общения, сотрудничества, создания контента, однако они также могут стать источником негативных проявлений, таких как целенаправленное манипулирование сознанием человека, распространение заведомо фейковой или непроверенной информации и пр. *Homo digital* должен быть способен критически оценивать информацию и

контент, соблюдать правила этики и безопасности в онлайн-сообществах, уважать права и мнения других пользователей, быть активным участником цифровой культуры.

Homo digital также должен осознавать влияние цифровых технологий на экономику, политику, культуру и прочие аспекты социальной жизнедеятельности. Он должен быть готов к постоянным изменениям и новым вызовам, связанным с развитием технологий, и уметь адаптироваться к ним. Это может включать развитие навыков цифрового предпринимательства, умение работать с большими объёмами данных, понимание принципов действия и регулирования цифровой экономики, а также осознание этических, правовых и социальных аспектов использования технологий.

Homo digital должен развивать навыки критического мышления и решения проблем в цифровой среде. Способность к анализу информации, оценке её достоверности, критическому мышлению, поиску альтернативных решений и принятию информированных решений является важным аспектом цифровой грамотности. Цифровой мир предоставляет множество информации, однако она не всегда является достоверной и проверенной. Homo digital должен быть способен различать факты и мнения, проверять источники информации, а также анализировать её достоверность и контекст.

Наконец, homo digital должен развивать навыки эффективной коммуникации и сотрудничества в цифровой среде. Он должен уметь эффективно общаться, сотрудничать и строить отношения в онлайн-среде, учитывая особенности виртуального взаимодействия и разнообразие культурных и социальных контекстов. Умение адаптироваться к различным коммуникационным инструментам, таким как электронная почта, мессенджеры, социальные сети, видеоконференции и др., а также умение выстраивать конструктивный диалог, разрешать проблемные ситуации и уважать мнения других пользователей являются

важным навыком homo digital, формирующимся в условиях цифрового общества.

Следует обратить внимание на вопросы этики использования цифровых технологий [10, p. 96]. Homo digital должен в полной мере осознавать ответственность за свои действия в цифровом пространстве и соблюдать этические принципы. Это включает уважение прав других пользователей, соблюдение авторских прав, предотвращение распространения фейковых сообщений и дезинформации, борьбу с онлайн-буллингом, соблюдение правил этики в социальных сетях и других онлайн-платформах.

Важнейшим социальным аспектом цифровой жизни является цифровое образование. Homo digital должен развивать свои навыки и компетенции в области цифровых технологий, чтобы эффективно использовать их в своей повседневной жизни, профессиональной деятельности и образовании. Важно, чтобы цифровое образование было качественным и доступным для всех граждан, независимо от их возраста, социального статуса, уровня образования и места проживания. То же самое можно сказать и о вовлечённости homo digital в функционирование цифровой экономики [9, p. 655]. Всё больше сфер социальной жизни становятся цифровыми, и homo digital должен быть готов к участию в цифровых экономических отношениях. Это включает умение использовать цифровые инструменты для предпринимательства, онлайн-торговли, совершения финансовых операций и других аспектов экономической деятельности. При этом важно осознавать проблемы кибербезопасности, защиты финансовых данных и соблюдения правил этики в цифровой экономике.

Социально значимой характеристикой homo digital является умение эффективно использовать цифровые ресурсы в личных и профессиональных целях. Последнее подразумевает умения осуществлять навигацию в интернете, производить поиск и оценку информации, использовать социальные сети, создавать и управлять

цифровыми контентом, использовать онлайн-инструменты и приложения в ходе профессиональной и образовательной, коммуникативной и досуговой деятельности. Homo digital должен развивать свои умения и навыки в цифровой сфере, чтобы успешно функционировать в современном цифровом обществе. Кроме того, homo digital должен уметь адекватно оценивать влияние цифровых технологий на общество, экономику, политику и культуру. Это включает осознание этических, правовых и социокультурных аспектов цифровой революции, а также способность критически анализировать технологические инновации, их потенциальные последствия и влияние на различные аспекты жизни общества.

Homo digital также должен развивать критическую способность, навыки анализа и оценки информации в современной цифровой среде. С увеличением количества информации и данных в цифровом мире важно уметь определять достоверность, актуальность и надёжность информации, а также быть критически настроенным в отношении дезинформации, фейковых новостей и техник манипулирования, весьма распространённых в современном цифровом пространстве. И, наконец, homo digital должен в полной мере осознавать свою роль в создании и формировании самого цифрового общества. Это может включать активное участие в создании и формировании цифровой культуры, развитие цифровых компетенций и навыков, следование этическим принципам и выстраивание толерантной коммуникации в цифровом пространстве. Homo digital должен стремиться к конструктивному взаимодействию в цифровом обществе, что, несомненно, будет содействовать цифровому развитию, справедливому распределению и использованию цифровых ресурсов.

Заключение

Подводя итоги проведённому исследованию, отметим, что цифровая революция привела к значительным изменениям в формах человеческого бытия, способах коммуникативного взаимодействия, в техниках оперирования экспоненциально возрастающими массивами информации. Быстрые темпы развития инновационных технологий существенно изменили жизнь современного человека, превратив его тем самым в “homo digital”. Данное понятие фиксирует не только цифровую составляющую бытия современного человека, но и его техническую оснащённость, а также культурные, социальные и психологические аспекты, связанные с вовлечённостью человека в мир современной техники и инновационных цифровых технологий.

Homo digital – активный участник цифрового общества, который в полной мере осознаёт свою роль и ответственность в цифровом мире. Он обладает цифровой грамотностью, сформированными этическими принципами, умеет эффективно управлять данными, критически воспринимать информацию, взаимодействовать в онлайн-среде, осознавать влияние цифровых технологий на общество и окружающую среду, заботиться о собственной цифровой безопасности. Homo digital способен адекватно оценивать влияние цифровых технологий на экономику, политику, культуру. Это предполагает осознанное принятие этических, правовых и социокультурных аспектов цифровой революции, а также способность критически анализировать технологические инновации, просчитывая их потенциальные последствия и влияние на разные аспекты жизни общества.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в «Цифровую» экономику / под общ. ред. А. В. Кешелова. М.: ВНИИТеосистем, 2017. 28 с.
2. Гурьянов Н. Ю., Пальмов С. В. Глобализация и её воздействие на информационную безопасность Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 76–83.

3. Коломеец Т. В. Homo digitalis (человек цифровой) // Национальные приоритеты России. 2019. № 2 (33). С. 70–74.
4. Рязузова Е. В. Homo digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 520–525.
5. Сорочайкин И. А. Homo digital – в поисках идентификации // Архонт. 2022. Т. 6. № 33. С. 72–78.
6. Тимофеев А. В. «Цифровой человек» как субъект виртуальной коммуникации // Научное мнение. 2019. № 10. С. 39–41.
7. Шваб К. Четвёртая промышленная революция / под ред. А. Меркурьевой. М.: ЭКСМО, 2021. 208 с.
8. Guryanova A. V., Krasnov S. V., Frolov V. A. Human Transformation under an Influence of the Digital Economy Development // Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 908. Cham: Springer, 2020. P. 140–149.
9. Guryanova A. V., Timofeev A. V., Tikhonov V. A. Social Problems and Achievements of the Digital Economy Development // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Vol. 79. London: European Publisher, 2020. P. 655–661.
10. Socio-Ethical Problems of the Digital Economy: Challenges and Risks / A. V. Guryanova, I. V. Smotrova, A. E. Makhovikov, A. S. Koychubaev // Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 908. Cham: Springer, 2020. P. 96–102.

REFERENCES

1. Keshelava A. V., ed. *Vvedenie v "Cifrovuyu" ekonomiku* [Introduction to the "Digital" Economy]. Moscow, VNIIGeosistem Publ., 2017. 28 p.
2. Gur'yanov N. Yu., Pal'mov S. V. [Globalization and Its Impact on the Information Security of the Russian Federation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 2, pp. 76–83.
3. Kolomeec T. V. [Homo Digitalis (Digital Person)]. In: *Nacional'nye priority Rossii* [National Priorities of Russia], 2019, no. 2 (33), pp. 70–74.
4. Ryaguzova E. V. [Homo Digitalis: A Request for a New Configuration of Individuality]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2021. vol. 21, iss. 3, pp. 520–525.
5. Sorochajkin I. A. [Homo Digital – in Search of Identification]. In: *Arhont* [Archon], 2022, vol. 6, no. 33, pp. 72–78.
6. Timofeev A. V. ["Digital man" as a Subject of Virtual Communication]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2019, no. 10, pp. 39–41.
7. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution (Rus. ed.: Merkur'eva A., ed. *Chetvyortaya promyshlennaya revolyuciya*. Moscow, EKSMO Publ., 2021. 208 p.).
8. Guryanova A. V., Krasnov S. V., Frolov V. A. Human Transformation under an Influence of the Digital Economy Development. In: *Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 908*. Cham, Springer., 2020, pp. 140–149.
9. Guryanova A. V., Timofeev A. V., Tikhonov V. A. Social Problems and Achievements of the Digital Economy Development. In: *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Vol. 79*. London, European Publisher, 2020, pp. 655–661.
10. Guryanova A. V., Smotrova I. V., Makhovikov A. E., Koychubaev A. S. Socio-Ethical Problems of the Digital Economy: Challenges and Risks. In: *Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 908*. Cham, Springer, 2020, pp. 96–102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянова Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и философии Самарского государственного экономического университета;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий Самарского государственного технического университета;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Guryanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Theory of Law and Philosophy Department, Samara State University of Economics;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Alexander V. Timofeev – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Information Technologies, Samara State Technical University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Homo digital – субъект цифровой революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 120–129.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-120-129

FOR CITATION

Guryanova A. V., Timofeev A. V. Homo Digital – The Subject of the Digital Revolution. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp 120–129.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-120-129

УДК 17.177

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-130-138

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ, СВЯЗАННОГО С РЕПРОДУКТИВНЫМ ЗДОРОВЬЕМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обоснование проблемы репродуктивного здоровья российской молодёжи в контексте с духовно-нравственных ценностей. Разработка рефлексивной модели управления качеством жизни в отношении репродуктивного здоровья российской студенческой молодёжи на основе экспликации их ценностно-смысловых приоритетов, личностного потенциала и для стратегии накопления человеческого капитала и духовно-нравственного воспитания.

Процедуры и методы. Основное содержание работы составляет анализ концептов *здоровье, репродуктивное здоровье, качество жизни, связанное со здоровьем, личностный потенциал, автономия личности, человеческий капитал, рефлексивность, рефлексивная модель управления качеством жизни в отношении репродуктивного здоровья*. С использованием феноменологического, герменевтического, концептуального подходов рассматривается проблема репродуктивного здоровья российской молодёжи в контексте их ценностно-смыслового выбора.

Результат. Актуализирована значимость проблемы репродуктивного здоровья российской молодёжи. Показана необходимость концептуальной разработки рефлексивной модели управления качеством жизни по репродуктивному здоровью молодёжи в контексте изменений их ценностных приоритетов в сознании.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе проблематизируется репродуктивное здоровье молодёжи. Концептуализируются его составляющие: *здоровье, качество жизни по репродуктивному здоровью, личностный потенциал, рефлексивная модель управления качеством жизни по здоровью для стратегии накопления человеческого капитала*. Доказывается, что без ориентации на духовно-нравственные и смысложизненные установки в сознании молодёжи не разрешима проблема качества жизни в отношении репродуктивного здоровья. Полученные результаты могут быть использованы в научно-педагогической и учебно-воспитательной деятельности, для разработки образовательных проектов по духовно-нравственному воспитанию студентов, для проектов по демографической, семейной и молодёжной политике.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, личностный потенциал, модель рефлексивного управления качеством жизни по здоровью, репродуктивное здоровье, студенческая молодёжь, человеческий капитал

SPIRITUAL AND MORAL CONTEXT OF THE PROBLEM OF QUALITY OF LIFE ASSOCIATED WITH REPRODUCTIVE HEALTH OF RUSSIAN YOUTH

E. Evstifeeva¹, S. Filippchenkova

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina, Tver 22170026, Tver Region, Russian Federation

Abstract

Aim. Substantiation of the problem of reproductive health of Russian youth in the context of spiritual and moral values. Development of a reflexive model of quality-of-life management for the reproductive

health of Russian students based on the explication of their value-semantic priorities, personal potential and for the strategy of accumulating human capital and spiritual and moral education.

Methodology. The main content of the work is the analysis of the concepts of *health, reproductive health, health-related quality of life, personal potential, personal autonomy, human capital, reflexivity, reflexive model of quality of life management in relation to reproductive health*. Using phenomenological, hermeneutic, conceptual approaches the problem of reproductive health of Russian youth is considered in the context of their value and semantic choice.

Results. The importance of the problem of the reproductive health of Russian youth has been updated. The need for a conceptual development of a reflexive model of quality-of-life management for the reproductive health of young people in the context of changes in their value priorities in the minds is shown.

Research implications. The work prolemtizes the reproductive health of young people. Its components are conceptualized – health, quality of life in terms of reproductive health, personal potential, a reflexive model of quality-of-life management in terms of health for the strategy of accumulating human capital. The results obtained can be used in scientific and pedagogical and educational activities, for the development of educational projects on the spiritual and moral education of students, for projects on demographic, family and youth policy.

Keywords: spiritual and moral values, personal potential, model of reflexive management of quality of life by health, reproductive health, student youth, human capital

Введение

Последние десятилетия цифры вымирания российского населения пугают. В 2022 г. Россия потеряла более полумиллиона своих жителей. И это катастрофическая ситуация. Почему не удаётся решить национальную демографическую проблему, несмотря на масштабно финансируемые национальные проекты по демографии, здравоохранению, образованию? Одним из ответов на этот вопрос является проблема репродуктивного здоровья молодёжи, значительная часть которой, как показали наши социологические и психологические исследования, не осознаёт бесценный дар жизни [2]. Ведь репродукция – это благо жизни, которое надо беречь как высшую ценность и смысл. Как объяснить тот факт, что часть молодёжи не собирается нести на себе традиционную духовность через смысл и ценность любви, семейных отношений и репродуктивного здоровья? Отметим, что в контексте нашей темы исследований духовность мы различаем вслед за Д. А. Леонтьевым как «такой высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами её жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности,

находящиеся между собой в иерархических взаимоотношениях»¹.

Молодёжь ориентируется на прагматическую, утилитаристскую полезность, на мобильность. Возникает вопрос – молодёжь заблудилась? Как в цитате из «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу, Утратив правый путь во тьме долины»².

Пафос наших исследований – в рефлексии того, что без наличия в сознании молодёжи духовно-нравственных ценностей, среди которых смысл, ценность жизни и стоящее за ней репродуктивное здоровье, невозможно решать проблему сохранения репродуктивного здоровья молодёжи. Смысл нельзя дать, его нужно найти. Смысл нельзя выдумать, его надо открыть. Так своей экзистенциальной философией, психологией, психотерапией, логотерапией объясняет В. Франкл [12]. Признание репродукции как высшей ценности сравнимо с духовностью личности человека, с

¹ Леонтьев Д. А. Духовность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+: Реабилитация, 2009. С. 217.

² Алигьери Д. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 9.

её ответственностью перед национальным демографическим вызовом.

Рефлексивная модель управления качеством жизни по репродуктивному здоровью

Авторская рефлексивная модель управления качеством жизни в отношении репродуктивного здоровья российской студенческой молодёжи восходит к экспликации духовно-нравственного контекста и ценностно-смысловых установок в сознании студенческой молодёжи, актуализирующих и проблематизирующих отношение к репродуктивному здоровью (РЗ). Данная цель служит идентификации личностного потенциала молодого человека и стратегии накопления человеческого капитала (ЧК).

Способом решения указанной проблемы предстаёт следующая последовательность:

- в фокусе стратегии накопления человеческого капитала эксплицировать конфигурацию ценностных установок (духовно-нравственные символы, просоциальные устремления, ценности мобильности (доверительности) у российской студенческой молодёжи);

- разработать авторскую социологическую анкету, позволяющую распознать детерминации традиционных духовно-нравственных ценностей и демографических экспектаций российской молодёжи;

- выявить ключевые компоненты личностного потенциала (автономия, ответственность, рефлексивность, смысло-жизненные ориентации) студенческой молодёжи как основу её личностного самоопределения для построения модели рефлексивного управления качеством жизни по РЗ;

- на основе сравнительного анализа дескрипторов ценностных установок молодёжи, её личностного потенциала, влияющих на показатели качества жизни (КЖ) по РЗ, и с помощью мониторинга идентифицировать духовно-нравственный, ценностно-смысловой, личностный профили

человека, влияющие на изменение показателей КЖ по здоровью;

- построить модель рефлексивного управления КЖ по репродуктивному здоровью молодёжи, раскрыть её управленческий потенциал для использования в целях накопления ЧК, духовно-нравственного воспитания, раскрытия личностного потенциала, генерирования репродукции;

- апробировать комплексный психодиагностический и социологический инструментарий по оценке КЖ в отношении к РЗ и как источника накопления ЧК и духовно-нравственного воспитания у обучающейся молодёжи;

- разработать программу тренинга раскрытия личностного потенциала (автономности (самодетерминации), ответственности, рефлексивности, смысло-жизненных ориентаций) для студентов);

- разработать нормативные документы и аналитические материалы для целей воспитательной и психолого-педагогической направлений деятельности вузов и органов государственной власти;

- внедрить результаты исследования в проекты по стратегии накопления ЧК молодёжи, по её духовно-нравственному воспитанию и личностному самоопределению;

- внедрить результаты проекта в образовательную практику, в учебно-воспитательную работу, в мероприятия по молодёжной политике с целью валидации социологического и психологического диагностического инструментария по оценке КЖ в отношении к репродуктивному здоровью.

Ключевые концепты рефлексивной модели управления качеством жизни по репродуктивному здоровью

Логика концептуального обоснования рефлексивной модели управления качеством жизни по репродуктивному здоровью требует объяснения главных концептов. Среди них – репродуктивное здоровье [13], качество жизни, связанное со здоровьем [11], личностный потенциал [4], авто-

номия личности [6], человеческий капитал [9], рефлексивность, модель рефлексивного управления качеством жизни в отношении репродуктивного здоровья [5].

Здоровье, в том числе репродуктивное, остаётся не до конца исследованным объектом и открытым для интерпретации концептом. Репродуктивное здоровье – важнейший витальный ориентир человека. Его адекватная идентификация, оценка, забота как пропедевтика, терапия – звучат как признание и исповедование дара жизни. Концепт *здоровье* имеет ценностную окраску, посылом которой предстают ценностно-смысловые структуры сознания наличного человека. Персональные ценностные приоритеты в отношении здоровья детерминируют содержательные границы его идентификации.

Мы различаем «навигационную» объективацию, объяснение и понимание репродуктивного здоровья, обусловленного ценностно-смысловым выбором и личностным потенциалом человека. В таком ракурсе «навигационное» толкование здоровья позволяет увидеть ценностно-смысловую иерархию, личностный ресурс и смыслополагающую деятельность человека на пути к сохранению репродуктивного здоровья. Под навигационным аспектом здоровья нами понимается ориентированные на ключевые индикаторы КЖ в отношении здоровья состояние благополучия человека, самовоспроизводство человеком собственного самотождества. Здоровье есть одухотворённость и высшая ценность для человека. Нет здоровья, нет полноты жизни, нет смыслополагающего горизонта бытия. Репродуктивное здоровье – многомерный феномен, имеющий биомедицинское, генетическое, психофизиологическое, психологическое, социальное, духовное измерения. Репродуктивное здоровье заточено на сохранение человеческой жизни, которая бесценна. Жизнь – это чудо, то, что полностью не поддаётся структурированию и научному измерению. Жизнь неделима, не может быть частичной жизни, есть жизнь как целостное явление и как полнота жизни. Полнота

жизни человека манифестирует о его здоровье.

Качество жизни, связанное со здоровьем, – составляющая КЖ как интегральной оценки антропокосмоса, или всех составляющих жизни человека. В оценке качества жизни «заложены» многоаспектное представление о здоровье, учёт соразмерности объективной и субъективной сторон жизненного благополучия человека, их постоянной изменчивости и трансформации.

Концепт *качество жизни* – исчисляемая переменная, инициируемая желаниями и ожиданиями человека, его ценностно-смысловыми и личностными предпочтениями. Оценка качества жизни учитывает соразмерность объективной и субъективной оценки здоровья, их темпоральную изменчивость. Состояние субъективного и психологического благополучия, как доказывают психологи, свидетельствует о таких «характеристиках психологического благополучия и личностных ресурсах, как удовлетворённость жизнью, положительные эмоции, диспозиционный и атрибутивный оптимизм, осмысленность жизни, удовлетворённость всех трёх базовых психологических потребностей (согласно модели теории самодетерминации), персональная ответственность, чувствительность к обратной связи» [7, с. 113].

Концепт *качество жизни, связанное со здоровьем* передаёт состояние субъективного благополучия, или целостного переживания удовлетворённости человека, инициированного ценностно-смысловой мотивацией, личностным опытом. Мы отдаём себе отчёт в том, что концептуальное описание феномена «здоровье» и его экспликанта «КЖ, связанное со здоровьем» или «КЖ по отношению к здоровью» зависит от социокультурных, лингвистических, семиотических особенностей, языкового сознания и коммуникативного поведения человека. Сошлёмся на новейшее исследование, где сравниваются интерпретации концепта *здоровье* в китайском и русском языках [10, с. 113]. Сюецзяо Ван, Ф. Г. Фаткуллина, ссылаясь на другие ра-

боты, указывают на смысловые различия идентификации здоровья по «признаку качества» в русском культурном коде, где здоровье метафорически звучит через прилагательные *добрый, слабый, сильный, хороший, плохой, цветущий, железный, пухлый, драгоценный, превосходный, завидный, героический, красивый, могущественный* [8]. А в китайском языке «прилагательные редко используются со словом "здоровье", потому что в национальном сознании китайского народа "здоровье" означает "хорошее состояние здоровья", поэтому другие прилагательные не используются для модификации этого слова. В связи с ускорением темпов современной жизни и углублением понимания людьми ценности здоровья в китайском языке активизировалось понятие *суб-здоровье*. «Суб-здоровье / 亚健康» означает, что при медицинском обследовании у человека нет никаких заболеваний, но он чувствует себя некомфортно» [10, с. 430].

Заметим, что данное исследование подтверждает важность обращения к концепту «КЖ по отношению к здоровью» и понимания его семантической амбивалентности, диалектики объективной и субъективной его составляющих. Как мы полагаем, концепт *суб-здоровье* указывает на возможные расхождения параметров «КЖ в отношении здоровья», если ориентироваться на методику оценки качества жизни, связанного со здоровьем [3].

Субъективная составляющая КЖ в отношении здоровья «напрямую» зависит от конфигурации ценностных установок, сформированности главных компонентов личностного потенциала студенческой молодёжи. Ценностно-смысловой выбор, ключевые составляющие личностного потенциала влияют на оценку человеком своего личностного и социального положения, они детерминируют уровень притязаний и степень жизненной удовлетворённости человека, повышая или понижая уровень качества жизни в отношении здоровья.

В отечественной философии, общественно-политической и социогумани-

тарной науках разрабатывается конструкт личностного потенциала [4]. Он обладает объяснительной возможностью для изучения «корзины» и динамики личностных характеристик будущего специалиста, соизмеримости личностной самодостаточности с активной самостоятельностью, способностью к самоизменению в трансформирующихся средах. Личностный потенциал студенческой молодёжи нами рассматривается как генерализованная возможность личностного конституирования и самоопределения, как интенция к самоизменению в рефлексивно-активной среде. Конструкту личностного потенциала имплицитны такие взаимозависимые личностные идентификаторы, как автономия, ответственность, развитая рефлексивная активность, которые в комплексе готовят человека к самоменеджменту и смыслополагающей активности. Как нам представляется, конструкт «личностный потенциал» имеет методологическую перспективу для объяснения и интерпретации множественных маркёров КЖ, он «заточен» на объяснение личностного и ценностно-смыслового фактора в достижении высшего уровня переживания КЖ как психологического благополучия.

Автономия личности нами моделируется как рефлексивная ось личности, самоисполнение закона, личностный модус, который обеспечивает раскрытие индивидуальных способностей, субъектных и личностных качеств, когнитивную активность, реализацию изменяющихся желаний и потребностей, скоординированных с особенностями социальных реалий и практик [6]. В широком смысле автономии личности конгруэнтны феномены жизни и здоровья. Автономия соизмеряется со свободой, ответственностью, саморазвитием, самодетерминированным поступком, рефлексивной позицией. Как личностная диспозиция, автономность – это имманентная само устремлённость, способность выбирать между альтернативными возможностями с ориентацией на внутреннюю поддержку и ценностно-смысловые структуры сознания. Поэтому автономия

личности – это самозаконодательство морального субъекта. Синергия автономии и смысложизненных установок инициирует корректировку самоидентичности и социальных идентификаций у молодого человека.

Под человеческим капиталом (ЧК) нами понимаются персонафицированные способности, знания, опыт, активная самостоятельность, детерминированные наличной конфигурацией ценностно-смысловых установок и личностного потенциала, которые влияют на показатели субъективного и психологического благополучия человека, или его КЖ в отношении здоровья [9]. Сегодня человеческий капитал (ЧК) студенческой молодёжи недостаточно используется и слабо капитализируется. Это вызвано тем, что отечественная система образования пока инициирует не человеческое и личностное развитие молодёжи, а экономические показатели роста.

Духовно-смысловой контекст проблемы репродуктивного здоровья молодёжи

Наличное самосознание немалой части российской молодёжи в отсутствие образа позитивного будущего, который не может предоставить деидеологизированное общество, демонстрирует другую конфигурацию ценностных приоритетов [2]. Студенческая молодёжь по результатам социологического опроса и психологического тестирования выбирает в качестве абсолютной значимости для себя мобильность как ценностную и утилитаристскую модальность и жизненный приоритет, а не духовно-нравственные символы. В контексте с традиционной для российского социокультурного кода иерархией ценностей такая с ног на голову поставленная ценностная пирамида формирует клиповое сознание с безличностным началом, с усечённой самоидентичностью, с симуляцией смысложизненных ценностей, среди которых репродуктивное здоровье. Глобальная идентичность, которая инициируется значимостью мобильности как абсолютизации безответственной дове-

рительности, формируется не понятийным мышлением как диалогом с Другим, а алгоритмизацией жизни. Алгоритм – это процесс без цели и мотивации. И в результате – потеря ЧК и его составляющих.

Разработка модели рефлексивного управления качеством жизни по репродуктивному здоровью в контексте актуализации духовно-нравственных, ценностно-смысловых детерминант в сознании молодёжи представляется вариантом решения проблемы генерирования репродуктивного здоровья молодёжи. В предыдущих статьях мы определились с содержательным контекстом концепта рефлексивности: «Рефлексивность – стержневая личностно-субъектная, когнитивная способность человека. Она генерирует любое человеческое действие, субъектный и личностный ресурсы человека. Её функционал – это адаптация, регуляция, коммуникация, что задаёт мобилизационный потенциал. Интенция рефлексивности – к самопониманию, что отражается на актах понимания Другого, на выстраивании способа и стиля коммуникации. Как механизм саморазвития личности, рефлексия говорит о ценностном влечении сознания человека. Саморефлексия сознания является имманентным способом ценностно-смыслового развития этого сознания. Рефлексивность – это главный кодовый набор, определяющий специфику сопряжённости чувств, эмоций, мышления, воли, бессознательного человека, его духовно-нравственной и смысловой позиции, его самоидентичности и социальных идентификаций. Рефлексивность актуализируется на основе культурных кодов, включая культуру конкретной семьи и семейной морали. Границы рефлексивности вместе с духовно-нравственными установками, смысложизненными проекциями, детерминируют субъективные, ментальные и психологические показатели качества жизни, связанного с репродуктивным здоровьем» [1, с. 45].

Под рефлексивным управлением КЖ в отношении репродуктивного здоровья понимается целенаправленный процесс

воздействия на изменяющиеся параметры КЖ по здоровью, инициированный выявлением духовно-нравственных ценностно-смысловых приоритетов, личностного и репродуктивного потенциалов молодёжи. Рефлексивное управление КЖ по здоровью осуществляется через управление предикторами КЖ по здоровью, которые постоянно изменяются.

Заключение

В итоге для решения проблемы сохранения репродуктивного здоровья молодёжи предлагается модель рефлексивного управления качеством жизни в отношении

здоровья. Предложенная концептуальная модель объясняет проблематичность сохранения репродуктивного здоровья молодёжи, показатели которого критичны в нашей демографической ситуации, без изменения наличных ценностных установок в сознании молодёжи. С учётом духовно-нравственного выбора, ценностно-смысловых приоритетов, личностного потенциала (автономия, рефлексивность, смысловые ориентации) можно влиять на показатели качества жизни по репродуктивному здоровью и накапливать человеческий капитал молодёжи.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И. Перспективы разработки модели рефлексивного управления качеством жизни в контексте репродуктивного здоровья российской студенческой молодёжи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 1. С. 44–47.
2. Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И., Удалова Л. В. Традиционные духовно-нравственные ценности, репродуктивное здоровье российской молодёжи и технологии его генерирования в образовательных практиках: междисциплинарный проект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 3 (36). С. 21–29.
3. Лебедева А. А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. С. 3–19.
4. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 469 с.
5. Лепский В. Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.
6. Майкова Э. Ю. Социально-философская концепция личности: автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 2015. 44 с.
7. Моспан А. Н., Леонтьев Д. А. Апробация и валидизация методики веры в свободу / детерминизм (FAD-Plus) на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 109–128.
8. Пенягина Е. Б. Вариативность концепта «здоровье»: лингвокогнитивное исследование // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 156–160.
9. Социогуманитарные источники накопления человеческого капитала в цифровом мире: коллективная монография / под ред. А. А. Тягунова. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2019. 196 с.
10. Сюецзяо Ван, Фаткуллина Ф. Г. Сравнительный анализ концепта «здоровье» в китайском и русском языках // Российский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 6. С. 428–436.
11. Филиппченкова С. И., Евстифеева Е. А., Мурашова Л. А. Качество жизни студенческой молодёжи: риски потери репродуктивного здоровья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 2. С. 104–107.
12. Франкл В. Подсознательный бог: Психотерапия и религия / пер. Д. А. Леонтьевой, Т. В. Куличенко. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 218 с.
13. Filippchenkova S. I., Evstifeeva E. A., Murashova L. A. Risk Factors for Youth Reproductive Health Loss [Электронный ресурс] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpsBS). 2020. Vol. 102. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.02.02.33> (дата обращения: 01.02.2023).

REFERENCES

1. Evstifeeva E. A., Filippchenkova S. I. [Prospects for the Development of a Model of Reflexive Quality of Life Management in the Context of the Reproductive Health of Russian Students]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education], 2022, no. 1, pp. 44–47.
2. Evstifeeva E. A., Filippchenkova S. I., Udalova L. V. [Traditional Spiritual and Moral Values, Reproductive Health of Russian Youth and Technologies for Its Generation in Educational Practices: An Interdisciplinary Project]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2021, no. 3 (36), pp. 21–29.
3. Lebedeva A. A. [Theoretical Approaches and Methodological Problems of Studying the Quality of Life in Human Sciences]. In: *Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012, vol. 9, pp. 3–19.
4. Leont'ev D. A. *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* [Personal Potential: Structure and Diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011. 469 p.
5. Lepsky V. E. *Metodologicheskij i filosofskij analiz razvitiya problematiki upravleniya* [Methodological and Philosophical Analysis of the Development of Management Problems]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2019. 340 p.
6. Maikova E. Yu. *Social'no-filosofskaya koncepciya lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Socio-Philosophical Concept of Personality: Abstract of Dr. Sci Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 44 p.
7. Mospan A. N., Leont'ev D. A. [Approbation and Validation of the Methodology of Belief in Freedom / Determinism (FAD-Plus) on the Russian Sample]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 109–128.
8. Penyagina E. B. [Variability of the Concept “Health”: Linguo-Cognitive Research]. In: *Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Research], 2020, no. 8, pp. 156–160.
9. Tyagunov A. A., ed. *Sociogumanitarnye istochniki nakopleniya chelovecheskogo kapitala v cifrovom mire* [Socio-Humanitarian Sources of Human Capital Accumulation in the Digital World]. Tver, Tver State Technical University Publ., 2019. 196 p.
10. Xuezziao Wang, Fatkullina F. G. [Comparative Analysis of the Concept of “Health” in Chinese and Russian]. In: *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2022, vol. 11, no. 6, pp. 428–436.
11. Filippchenkova S. I., Evstifeeva E. A., Murashova L. A. [Quality of Life of Student Youth: Risks of Loss of Reproductive Health]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education], 2020, no. 2, pp. 104–107.
12. Frankl V. *Der unbewußte Gott. Psychotherapie und Religion* (Rus. ed.: Leont'eva D. A., Kulichenko T. V., transl. *Podsoznatel'nyj bog: Psihoterapiya i religiya*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2022. 218 p.).
13. Filippchenkova S. I., Evstifeeva E. A., Murashova L. A. Risk Factors for Youth Reproductive Health Loss. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*, 2020, vol. 102. Available at: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.02.02.33> (accessed: 01.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующий кафедрой психологии и философии Тверского государственного технического университета;

e-mail: pif1997@mail.ru

Филиппченкова Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;

e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: pif1997@mail.ru

Svetlana I. Filippchenkova – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: sfilippchenkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И. Духовно-нравственный контекст проблемы качества жизни, связанного с репродуктивным здоровьем российской молодёжи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 130–138.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-130-138

FOR CITATION

Evstifeeva E. A., Filippchenkova S. I. Spiritual and Moral Context of the Problem of Quality of Life Associated with Reproductive Health of Russian Youth. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 130–138.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-130-138

УДК 141.3; 141.154

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-139-152

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ КАК СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СЕТИ

Жульков М. В.*Ивановский государственный университет**153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Работа посвящена исследованию геополитических треугольников, являющихся частью многообразных отношений формирующегося многополярного мира. Глобальная цивилизация представлена авторской концепцией мировой цивилизационной сети, где узлами являются столицы и крупные города, а соединительные линии показывают потоки вещества, энергии, информации. Эта мировая сеть цивилизации находится в процессе становления, геополитические треугольники представляют один из существенных способов её самоорганизации.

Процедура и методы. Геополитические треугольники исследуются с применением методологии системного и ноосферного подходов, ноосферного энергетизма, авторской концепции мировой цивилизационной сети.

Результаты. Выявлена идеальная модель геополитического треугольника, включающая активный и пассивный полюса (страны) и страну-посредника, обеспечивающую взаимодействие в треугольнике. Выделены информационно-семиотический (мировоззренческий), структурно-энергетический (военно-политический), вещественный (экономический) уровни их функционирования. Становление реального геополитического треугольника стремится к проявлению этой структуры, но в каждый данный момент определяется текущим экономическим, политическим, культурным развитием и взаимодействием стран. Рассмотрены три типа геополитических треугольников (стратегический, региональный, этнический) и четыре дополнительных для распространения влияния отдельных стран или треугольников. Показано, что целостность геополитического треугольника образуется общим информационно-семиотическим полем, в котором страны ищут общие подходы к решению региональных / глобальных проблем. Исследованы положительные и отрицательные режимы функционирования геополитических треугольников, показано, что для возвращения к нормальным режимам необходимы поиск точек соприкосновения по вопросам решения текущих региональных / глобальных проблем, добрая воля, намерения сторон для поиска компромиссов.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в дальнейшем формировании учения о геополитических треугольниках, исследовании их как способа самоорганизации мировой цивилизационной сети.

Ключевые слова: геополитический треугольник, мировая цивилизационная сеть, многополярный мир, ноосферный энергетизм, самоорганизация, системный подход

GEOPOLITICAL TRIANGLES AS A WAY OF SELF-ORGANIZATION OF THE WORLD CIVILIZATION NETWORK

M. Zhul'kov*Ivanovo State University**ul. Ermaka 39, Ivanovo 153025, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of geopolitical triangles, which are part of the diverse relations of the emerging multipolar world. Global civilization is represented by the author's concept of the world civilization network, where the nodes are capitals and large cities, and connecting lines show the flows of matter, energy, and information. This global network of civilization is in the process of formation, geopolitical triangles represent one of the essential ways of its self-organization.

Methodology. Geopolitical triangles are studied using the methodology of systemic and noospheric approaches, noospheric energetism, the author's concept of the world civilization network.

Results. The ideal model of the geopolitical triangle is revealed, including the active and passive poles (countries) and the intermediary country providing interaction in the triangle. The information-semiotic (ideological), structural-energy (military-political), material (economic) levels of their functioning are highlighted. The formation of a real geopolitical triangle tends to manifest this structure, but at each given moment is determined by the current economic, political, cultural development and interaction of countries. Three types of geo-political triangles (strategic, regional, ethnic) and four additional ones for spreading the influence of individual countries or triangles are considered. It is shown that the integrity of the geopolitical triangle is formed by a common information-semiotic field in which countries are looking for common approaches to solving regional / global problems. The positive and negative modes of functioning of geopolitical triangles are investigated, it is shown that to return to normal regimes, it is necessary to search for common ground on the issues of solving current regional / global problems, goodwill, intentions of the parties to find compromises.

Research implications lies in the further formation of the doctrine of geopolitical triangles, the study of them as a way of self-organization of the world civilization network.

Keywords: geopolitical triangle, world civilization network, multipolar world, noospheric energetism, self-organization, systematic approach

Введение

Глобальная цивилизация, развивающаяся последние триста лет, может быть описана концепцией мировой цивилизационной сети. Страны в ней представлены столицами и другими крупными городами, между ними протягиваются линии связи – экономические, политические, культурные, которые и образуют сеть. Эта сеть начала функционировать именно как глобальная примерно с середины XIX в. Концепция цивилизационной сети создаёт новый взгляд на цивилизацию и динамические процессы её самоорганизации, одним из важных факторов которой являются формирование и функционирование геополитических треугольников. Вписывание геополитических треугольников в более широкую концепцию мировой цивилизационной сети определяет их значение в современном мире, обогащает саму эту концепцию. Актуальность работы определяется ещё и тем, что мир находится в состоянии формирования многополяр-

ности мира, формирования и преформирования геополитических треугольников, и понимание природы и функционирования геополитических треугольников имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Работа посвящена исследованию модели геополитических треугольников и её воплощения в реальных треугольниках различного типа. Новизна работы заключается в следующем: исследована структура геополитических треугольников, предложена их классификация (выделено три основных, четыре дополнительных типа геополитических треугольников). Выявлены три уровня их функционирования: информационно-семиотический (мировоззренческий), структурно-энергетический (политический), вещественный (экономический). Показано, что целостность геополитического треугольника определяется общим информационно-семиотическим полем, в котором участники ищут точки соприкосновения, пути решения проблем,

компромиссы. Исследованы варианты формирования треугольников, режимы их функционирования – нормальные (положительные) и отрицательные, обоснован путь возвращения к нормальным режимам через общие намерения сторон, поиск компромиссных решений имеющих протирочий.

Многообразие отношений в мировой цивилизационной сети можно свести к двум типам – парные и тройственные отношения между странами. Отношения двух стран образуют биполярную структуру, часто имеющую характер жёсткого противостояния (что ярко показала холодная война), появление третьего элемента (страны) производит разряжающий напряжение эффект – циркуляция энергии уменьшает противостояние между странами, делает возможным их своеобразную интеграцию в треугольник, конструктивное решение двусторонних и других региональных и глобальных проблем. В случае биполярной структуры холодной войны этой третьей страной с 1970-х гг. становится Китай. Другим явлением, вписывающимся в парадигму тройственности, с 1960-х гг. стало движение неприсоединения. Как известно, в 1970-х гг. началась разрядка международной напряжённости, и формирование стратегического треугольника (СССР – США – Китай), циркуляция в нём различных энергий были причинами этого позитивного явления.

Формирование геополитических треугольников в дополнение к биполярным отношениям выступает позитивным явлением в политической и социально-экономической жизни человечества, т. к. по своей природе они нацелены не на конфронтацию, а на сотрудничество между странами. Противоречия отношений между странами заменяются динамикой энергий и отношений, циркуляция энергий способствует поиску компромиссных решений протирочий, региональных и глобальных проблем.

В исследовании используются несколько методов – концепция мировой цивили-

зационной сети, системный подход, ноосферный подход, ноосферный энергетизм.

Концепция мировой цивилизационной сети представляет цивилизацию как сеть столиц (представляющих страны) и крупных городов, геополитические треугольники являются формой самоорганизации этой мировой сети. Ноосферный энергетизм и системный подход способствуют исследованию структуры треугольника, а также трёх составляющих его функционирования. Основной ноосферный закон показывает взаимосвязь этих структур, позволяет определить главное звено, обеспечивающее целостность треугольника. Анализ эмпирического материала приводит к выделению основных типов треугольников. Системный и ноосферный подходы применяются для исследования вариантов их самоорганизации, режимов функционирования.

Концепция мировой цивилизационной сети моделирует глобальную цивилизацию, она предстаёт узлами (города) и линиями между ними, символизирующими экономические, политические, культурные связи. Представляется, что данная концепция объединяет информационные (информационного общества), сетевые (сетевые структуры, в основном благодаря коммуникационным технологиям), экономические и системные (мир-системный анализ), политические (многополярного мира) концепции. Наиболее близкой к авторской является коннектография Параг Ханна [14]. Исследователь описывает глобальную цивилизацию как формирующуюся сеть крупных городов и последствия этого для отдельных людей, рассматривает информационные, экономические отношения. Наш подход рассматривает города не только как узлы цивилизации, но и как единицы глобального и национального сознания. Цивилизация рассматривается в совокупности экономической, политической, культурной жизни.

В настоящее время глобальность однополярного мира постепенно заменяется глобальностью многополярного мира, в котором будет несколько основных цен-

тров силы. Эти центры образуют ряд геополитических треугольников, которые будут определять развитие мира в ближайшие десятилетия. Формирование геополитических треугольников – один из основных способов самоорганизации мировой цивилизационной сети.

Система, согласно параметрической общей теории систем А. И. Уёмова [11], состоит из концепта (системообразующего свойства), структуры и субстрата (совокупности элементов). Приложение этой концепции к гуманитарным исследованиям было разработано И. В. Дмитриевской, в нём система рассматривается с точки зрения тройственности вещества – энергия – информация, которую объединяет основной ноосферный закон: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [6, с. 27–28]. Тогда в системе геополитического треугольника концептом является культурная, информационно-семиотическая составляющая, политическая образует структуру, а сами страны, экономические отношения и организационные структуры формируют субстрат данной системы. Именно системное свойство производит из взаимодействующих элементов систему, утверждает целостность треугольника как системы.

Ноосферный энергетизм [9] исследует информационный и вещественный уровни мира, которые взаимосвязаны энергоинформационными потоками, что позволяет анализировать эти составляющие в геополитических треугольниках. Ноосферный энергетизм утверждает сопряжённую эволюцию сознания и формы его выражения. В приложении к данной теме это означает, что треугольник символизирует не только объединение стран (частичное, конечно), но и объединение национальных сознаний. Здесь речь идёт о формировании общего информационно-семиотического поля для сближения точек зрения на решение тех или иных региональных или глобальных проблем, поиска компромиссов, разрешения противоречий.

Ноосферный энергетизм, системный подход предоставляют возможность ис-

следовать процессы самоорганизации системы геополитических треугольников, режимы их функционирования, в том числе отрицательные, когда функционирование геополитического треугольника искажено или заторможено по всем или ряду направлений.

Модель и типы геополитических треугольников

Рассмотрим модель геополитического треугольника. Структура геополитических треугольников достаточно подробно рассмотрена в нашей статье [8], к которой мы и отсылаем читателей. Применение системного и ноосферно-энергетического подходов дают информационно-семиотический, структурно-энергетический, вещественный уровни геополитического треугольника. В данном исследовании будем употреблять их как синонимы культурной, политической, экономической организации треугольников. Что касается структуры геополитического треугольника, получаем три страны, играющие роли: одна – духовного и культурного лидера, задающего концепцию развития, цели и т. п., другая – источника материальной, экономической жизни, третья – задаёт политические взаимодействия. Одна страна является активным полюсом, другая – пассивным, третья – полюсом-посредником, образующим канал связи между двумя другими полюсами. Циркулирующие энергии в основном будут определяться активным полюсом и двигаться к пассивному через посредника. Такая структура, как представляется, имеет динамический характер, т. е. полюса могут менять свои основные характеристики и роли в треугольнике в своём текущем выражении. Здесь проявляется разница между теоретической моделью и её выражением в реальности, которое может быть искажённым, в чём-то несоответствующим модели. В развитом треугольнике должно происходить свободное движение энергии в обоих направлениях (прямом и противоположном). Используем полученную структуру

для исследования реальных геополитических треугольников. Выделим несколько типов треугольников.

1. По общности происхождения – генетические, или этнические. Примеры: восточнославянский треугольник, германских народов, англо-саксонский. В этническом треугольнике распределение ролей может быть проявлено географически (географический детерминизм вообще широко распространён в геополитике). Поскольку дух в человеке наименее развит, то страна – источник (хранитель) духовной культуры этноса – самая маленькая по величине. А страна, развивающая и аккумулирующая главные достижения суперэтноса, и материальные, и духовные – самая большая. Средняя по величине – страна-источник этноса. Примеры подтверждают данное наблюдение. В треугольнике *Германия* (источник этноса) – *Англия* (дух этноса) – *США* (главные результаты эволюции) это отчётливо видно. В чисто англо-саксонском треугольнике, недавно образованном *США – Англией – Австралией* (AUKUS), Австралия может стать местом образования нового этноса.

Другой пример такого треугольника – восточнославянский: Украина (источник этноса), Белоруссия (духовный аспект этноса, его цели и особенности, пока недостаточно развит), Россия (результат всей славянской эволюции). Отметим, что география стран и происхождение этносов даны, а энергопотенциалы могут находиться и находятся в процессе развития. Текущее состояние треугольника может выявляться на самых разных стадиях развития, определяться экономическим, политическим, военным, культурным потенциалами и взаимодействиями. Тогда отношения в треугольнике имеют два слоя: первый определяется этническим происхождением треугольника, роли в котором уже определены; второй – социально-экономическим, политическим, военно-техническим, культурным развитием. Так, в восточнославянском треугольнике Россия имеет подавляющее превосходство в этих сферах общественной жизни.

2. Региональные – это собственно геополитические треугольники. Они создаются для решения текущих проблем или фиксируют постоянные отношения между странами и народами. Могут быть не только региональными, но и глобальными.

Например, основной треугольник антигитлеровской коалиции: *Англия – СССР – США*. Такие треугольники А. Б. Елацков называет силовыми, они являются ядром более сложного формирования [7, с. 57], в данном случае стран антигитлеровской коалиции. Переговоры лидеров этого геополитического треугольника – И. В. Сталина, Ф. Рузвельта, У. Черчилля – заложили основы архитектуры послевоенного мира, привели к образованию Организации Объединённых Наций, формированию существующей системы безопасности. Исходя из наличия миссий наций-государств (Л. Ларуш), отметим, что Англия прорабатывает идеи и формы правильного управления, США – правильных человеческих отношений, и СССР (Россия) – идеи братства народов, правильного воспитания и образования. Функционирование этого треугольника заторможено началом холодной войны. В треугольниках этого типа «роли» распределяются по триадному принципу. Интересны и способы выполнения своих миссий этими странами. Англия тесно связана с прошлым, она консервативна, медленно меняет способы управления. США живут в настоящем, быстро приспосабливаясь к текущим проблемам, Россия направлена в будущее, при этом излишне разрушая своё прошлое. Отметим, что в настоящее время созданы предпосылки объединить различные этапы истории России в одно целое, извлекать из прошлого необходимые уроки, брать из него всё лучшее и реализовывать в настоящем для решения стратегических задач. Некоторые другие примеры силовых треугольников: ядром ЕАЭС является геополитический треугольник *Россия – Белоруссия – Казахстан*; ядром БРИКС и ШОС – треугольник *Россия – Индия – Китай*.

Примером других треугольников могут служить: *Париж – Берлин – Москва* – си-

ловой треугольник «новой Европы», который начинал складываться в 2000-е гг., затем проявил себя в норманнском формате (2014 г.), но в настоящее время он функционирует в отрицательном режиме. Об этом треугольнике и возможной судьбе Европы в случае его функционирования написана книга М. Руссе [16]. Н. У. Ханалиев анализирует формирующийся треугольник *Россия – Турция – Иран*. Он приходит к выводу, что агрессивная политика США на Ближнем Востоке толкает эти страны с разными геополитическими интересами к более тесным отношениям для защиты своих национальных интересов в регионе [12]. Треугольник проявил себя в переговорах по Сирии в Астане в 2017 г., поскольку все три страны вовлечены в конфликт в этой стране. В настоящее время (2022 г.) наблюдается его дальнейшее функционирование и развитие связей. Отметим, что эти страны активно участвуют в делах обширного региона – Ближнего Востока и Кавказа, здесь сталкиваются их интересы [1]. В настоящее время страны приходят к необходимости сотрудничества и поиску компромиссов для решения региональных проблем, развития экономических связей.

3. Стратегические треугольники. Основной стратегический треугольник, который создавался ещё в XX в., – СССР – США – Китай. Биполярная структура противостоящих друг другу сверхдержав постепенно заменялась стратегическим треугольником СССР – США – Китай [13], идею которого продвигали и США (Г. Киссинджер), и СССР, развивая политические и экономические отношения с Китаем. В настоящее время в треугольнике преобладают двусторонние отношения, третья сторона используется как фактор в двусторонних отношениях, на что указывается в исследовании «Треугольник Россия – США – Китай в АТР: факторы неопределённости». Данный факт показывает относительную неразвитость этого треугольника. Авторы исследования пришли к выводу о необходимости сформировать «скоординированное мировоззрение» по вопросам бу-

дущего глобального мира [10, с. 113]. Нам представляется, что выработка именно единого мировоззрения вряд ли возможна, но возможен диалог и компромиссы. Т. е. необходимо общее информационное поле, в котором и будут вырабатываться общие подходы к решению глобальных и региональных проблем. В настоящее время треугольник переживает непростые времена.

В процессе формирования нового, многополярного мира, значение взаимодействия стран стратегического треугольника остаётся если не решающим, то значительным: «Тем не менее, характер взаимоотношений между странами “тройки” ключевым образом повлияет на процесс формирования нового миропорядка», – отмечает А. С. Давыдов в монографии, посвящённой этому треугольнику [4, с. 377]. Автор утверждает, что наилучший сценарий с точки зрения экономического сотрудничества – такое распределение ролей, когда страны будут дополнять друг друга: «Например, в случае функционирования США в качестве технологического, Китая – производственного, а России – ресурсного центров. При подобном “распределении обязанностей” добиться гармонизации взаимоотношений легче и проще. Однако реальная ситуация вряд ли будет близка к идеальной, и тогда на первый план неизбежно выдвинутся амбициозные стремления, открывая дорогу к конфликтным ситуациям, новым вариантам биполярности или открытому противоборству» [4, с. 377]. Здесь мы видим триадное распределение ролей: Китай остаётся «мировой фабрикой», США – информационным центром, а Россия – посредником между ними (вспомним продвигаемую Россией идею быть мостом между Азией и Европой, реализуемую в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь»). Реальная ситуация действительно далека от идеальной, поскольку США продвигают конфликтный сценарий взаимоотношений.

Помимо основного стратегического треугольника (*Россия – США – Китай*) формируются треугольники этих стран с

участием Индии. В результате в ближайшие десятилетия мир будет определяться не одним, а четырьмя стратегическими треугольниками [8, с. 43]. Геополитическое значение России в настоящее время определяется громадной территорией, объединяющей северную Евразию, наличием основных полезных ископаемых, развитием в ряде направлений сельским хозяйством, военно-политическим потенциалом (наличие ядерного щита), поиском компромиссов в решении региональных и глобальных проблем. Поворот в экономической политике к развитию основных отраслей современной экономики позволяет надеяться на более быстрый рост экономического потенциала страны. В этом случае Россия сможет осуществлять своё влияние как в мировом, так и в региональном масштабах, в первую очередь на постсоветском пространстве, в полной мере.

Д. А. Дегтярев, М. С. Рами в своём исследовании называют шесть основных центров силы в современном мире: Россия, ЕС, Индия, Китай, США, Япония [5, с. 34]. Эти страны могут сформировать двадцать стратегических треугольников, которые в той или иной степени уже существуют и функционируют. На фоне начинающегося передела сфер влияния и формирования многополярного мира отношения в части треугольников носят конфронтационный характер. К перечисленным центрам силы в ближайшие годы могут добавиться ещё некоторые страны, такие как Бразилия, Индонезия, среди международных объединений можно назвать АСЕАН, организацию стран Юго-Восточной Азии, имеющую уже сейчас достаточно большой человеческий и экономический потенциал (около 700 млн человек и около 10 трлн долл ВВП по ППС по итогам 2022 г.). АСЕАН пока не так заметна в политической сфере, но это показывает стадию развития. Индонезия играет в объединении ключевую роль как основная экономика.

Далее перечислим несколько типов смешанных треугольников, в которых или за которыми стоит одна или две сверхдержавы.

4. Один плюс два: одна глобальная держава и две региональные. Один из примеров: *Россия – Казахстан – Белоруссия* – он является основой ЕАЭС, определяет его жизнеспособность. Другой пример: *США – Англия – Австралия* (AUKUS) создан США для проведения своего влияния в Тихоокеанском регионе для противодействия Китаю. *Россия – Иран – Турция*, о котором последнее время много размышляют, называя его ситуативным, поскольку он создан, по-видимому, для уменьшения влияния США на Ближнем Востоке. В таких треугольниках глобальная держава является интегрирующей стороной и арбитром, балансирующим отношения в треугольнике.

5. Две глобальные и одна региональная. Примером служит треугольник *США – Китай – Япония*, идею которого продвигал З. Бжезинский, по мнению которого он мог бы обеспечивать мир в регионе. Примеры других формирующихся треугольников: *Китай – США – Новая Зеландия* [15], *Китай – США – Пакистан* [17].

6. Один плюс три. Сильная страна «осеняет» региональный треугольник. Так, на «литиевый» (Аргентина, Боливия, Чили) треугольник оказывают влияние США и Европейский Союз, рассматриваемый как единица. На треугольник Бенлюкса влияют более крупные европейские страны, такие как Англия, Франция, Германия.

7. Три плюс один. Треугольник фокусируется на какой-либо стране для достижения определённых результатов. Например, Астанинский формат, в котором участвуют Россия, Турция, Иран, объединяет усилия этих стран для улучшения ситуации в Сирии. Этот же треугольник, проводя скоординированную политику, способствует уменьшению влияния США на Ближнем Востоке. Основной стратегический треугольник (*Россия – США – Китай*) решает проблемы ядерной программы Ирана, Северной Кореи.

В четырёх последних вариантах речь идёт о распространении влияния крупных держав. При этом растут количество переплетающихся треугольников и их взаимосвя-

вязь, так продвигается самоорганизация мировой цивилизационной сети.

В связи с выделенными типами треугольников интересно разобраться в том, какие функции выполняют или могут выполнять геополитические треугольники.

Функции геополитических треугольников

Геополитические треугольники образуют новые связи в мировой цивилизационной сети. Главным отличием треугольников от парных отношений является циркуляция различных энергий и информации, что увеличивает жизненность мировой цивилизации. Благодаря взаимодействию в треугольнике происходит интеграция стран-участников, что влияет и на окружение этих стран, особенно если треугольник региональный. Безопасность является одним из важных условий для развития в современном мире, а взаимодействие в треугольнике увеличивает потенциал этих стран в вопросах безопасности.

Циркуляция энергий в треугольнике производит системный эффект: сила треугольника значительно выше простой арифметической суммы потенциалов стран. Треугольники аккумулируют, умножают силы трёх стран, вместе они могут решать проблемы, региональные и даже глобальные, неподвластные одной стране. Конечно, в полной мере такой эффект возникает в развитом треугольнике, который интегрирует экономическое, политическое и культурное сотрудничество (в другой транскрипции вещественное, структурно-энергетическое, информационное взаимодействие), но треугольники эффективны и в решении отдельных региональных политических или экономических проблем. Системное взаимодействие в треугольнике позволяет со временем гармонизировать отношения между странами, гармонизация – ещё одна функция геополитических треугольников. Гармонизация проявляется также в балансе сил, балансировка происходит как внутри треугольника, так и в большем масштабе, поскольку треуголь-

ник можно рассматривать как целостную единицу, обладающую гораздо большим потенциалом, чем страны по отдельности.

Подводя краткий итог, перечислим функции геополитических треугольников. Благодаря взаимодействию в основных областях появляются политическая, экономическая, культурная функции.

В результате трёхуровневого взаимодействия в треугольнике появляется системное свойство, что делает треугольник целостным образованием, единицей геополитики. С системной организацией связаны следующие функции: системная (формирует целостность, умножает силы стран-участников); информационная (обмен информацией разного рода, включая информационное противостояние); структурно-энергетическая (формирование отношений, объединение усилий, политических, военно-технических потенциалов); вещественная (торговое, экономическое сотрудничество).

С точки зрения самоорганизации мировой цивилизационной сети выявляются следующие функции: структурирующая (треугольники формируют новые отношения в мировой цивилизационной сети); динамическая (развивают динамику мировой сети); распределительная (распределяют энергии в сети); интегрирующая (объединение благодаря взаимодействию стран); балансирующая (способствуют формированию баланса сил в региональном и глобальном масштабах); гармонизирующая (сглаживают противоречия, благодаря компромиссам и более свободному и интенсивному взаимодействию); целевая (могут создаваться для достижения определённых целей); функция безопасности (объединение потенциалов и усилий для обеспечения безопасности в регионе, внутри стран-участников).

Таким образом, геополитические треугольники выполняют целый ряд функций, развивая и обогащая жизнь современной цивилизации, позволяя решать глобальные и региональные проблемы, повышая безопасность в странах участниках, как в региональном, так и в глобальном масштабах.

Проблема формирования и целостности геополитических треугольников

Для её решения воспользуемся системным подходом. Как было отмечено выше, концепт определяет системное свойство, которое делает структуру, состоящую из элементов, системой. Поэтому проблема целостности геополитического треугольника сводится к концепту, которым, по нашему мнению, является информационно-семиотическая конструкция, мировоззренческое поле для диалога, сближения точек зрения на решение той или иной проблемы, формирование парадигмы совместного развития стран треугольника, которое умножает силы стран, обеспечивает безопасность, проведение общих интересов в жизнь, выстраивание экономической и политической повестки. Далее необходимо отметить, что функционирование развитого треугольника включает экономическое, политическое, культурное сотрудничество, каждый уровень относительно самостоятелен и имеет собственное значение. Одновременно они связаны основным ноосферным законом, показывающим взаимосвязь *информация – энергия – вещество*. В результате все три уровня связаны друг с другом и поддерживают друг друга. Связь экономики с политикой никто не подвергает сомнению, это является фактом многих столетий исторического развития человечества. Однако информационное развитие после Второй мировой войны приводит к формированию информационного общества и решающего значения информации в современной жизни, что символизируется известным высказыванием: кто владеет информацией, владеет миром. Существование конфликтных ситуаций в конце концов ведёт к диалогу и переговорам, формулированию позиций, их сближению, формированию компромиссных решений и затем внедрению их в жизнь. Так в обеспечение целостности геополитического треугольника все три структуры вносят свой вклад при всё более доминантной роли информационно-семиотического обеспечения общего

мировоззренческого поля, взглядов на мир в целом, на решение конкретных проблем.

Ноосферный энергетизм [9] помогает теоретически разобраться в этих вопросах. Он утверждает сопряжённую эволюцию сознания и форм его социального выражения. Сущностью геополитического треугольника становится общее информационно-семиотическое поле стран-участников, диалог национальных сознаний на различных уровнях и в различных организационных формах. Национальные сознания проявляют себя через выражение своих национальных интересов, организацию диалога по мировоззренческим вопросам, по решению тех или иных проблем и противоречий международной жизни.

Таким образом, целостность геополитического треугольника обеспечивается всем комплексом отношений – экономических, политических, культурных, однако ядром этого единства является общее мировоззренческое поле, диалог, выработка общих взглядов на решение тех или иных проблем.

Ещё одной важной проблемой является проблема формирования геополитических треугольников, его основных ступеней и закономерностей. Поскольку отдельные структуры геополитического треугольника (политическая, информационно-семиотическая, экономическая) сами являются подсистемами, которые могут функционировать до определённой степени автономно, то и формирование треугольника возможно с любой из них. Однако, основной ноосферный закон показывает взаимосвязь подсистем и их формирование «сверху вниз», от информационных к структурно-энергетическим и вещественным подсистемам.

В этом варианте формирование треугольника начинается с информационных, т. е. мировоззренческих конструкций, необходимых для решения какой-либо проблемы, или обосновывающих необходимость и преимущества формирования треугольника. В этом случае имеем классический вариант: идея – ментальная конструкция (проект) – энергия (намерения и совместные усилия) – организационные структуры, договоры

и т. п. (овеществление идеи) – функционирование треугольника (реализация идеи).

Постепенное овеществление идеи (информация – энергия – вещество) иллюстрируется историей формирования геополитического треугольника РИК (*Россия – Индия – Китай*), который со временем стал основой БРИКС – объединения, имеющего значительный вес и перспективы в современном мире, об этом подробнее см. [3]. Примером неудачного конструирования треугольника являются размышления З. Бжезинского о возможном диалоге между США, Японией и Китаем. Он пишет: «Японско-американские связи, послужив почвой для примирения Японии и Китая, станут основой для согласованных усилий по формированию американо-японско-китайского трёхстороннего сотрудничества. Этот треугольник обеспечит каркас для конструктивного урегулирования стратегических вопросов, возникающих из растущего регионального влияния Китая» [2, с. 477]. Реализация данного треугольника действительно могла бы послужить делу мира (и развитию мировой цивилизационной сети), однако к настоящему времени он остаётся в области ментальных конструкций, не получая энергии для своего воплощения. Возможно, стадия формирования данного треугольника впереди.

Придерживаясь фактов, констатируем, что многие треугольники образуются «по Платону», т. е. сначала приходит идея треугольника, затем она обрастает ментальной конструкцией, усложняется, становится проектом, набирается энергии и политической воли государств, начинает воплощаться, формируются различные организационные механизмы, международные договорённости. На стадии «формирования проекта» большую роль играет человеческий фактор – три лидера встречаются и обсуждают, проводят консультации, говоря дипломатическим языком. Так, образованию Движения неприсоединения предшествовали трёхсторонние консультации И. Б. Тито (Югославия), Г. А. Насера (Египет) и Д. Неру (Индия). Лидеры основных стран антигитлеров-

ской коалиции (И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль) не только координировали свою деятельность во время Второй мировой войны, но и заложили основы послевоенного мира, Организации Объединённых Наций, системы безопасности. Часто в политической жизни наблюдаются сначала двусторонние, а затем и трёхсторонние переговоры, которые приводят к решению той или иной проблемы. Например, переговоры лидеров России, Турции, Ирана по урегулированию в Сирии; переговоры Президента России В. В. Путина с лидерами Армении и Азербайджана, а затем и трёхсторонние встречи по урегулированию кризиса вокруг Нагорного Карабаха. Эти примеры, которые можно умножить, показывают значение трюичности в политике вообще, а также значение человеческого фактора, лидеров стран, видных политических деятелей в формировании и функционировании геополитических треугольников.

Консультации, общение трёх лидеров приводит к сближению точек зрения на ту или иную проблему, нахождению компромиссных решений – всё это принадлежит информационно-семиотической структуре геополитического треугольника. В результате постепенно складывается концепт, системообразующее свойство, которое в дальнейшем приводит к формированию различных договорённостей, организационных структур, соглашений, определяющих экономические, политические, культурные связи и отношения в геополитическом треугольнике.

Идея треугольников уже проложила себе дорогу в геополитической жизни, поэтому формирование треугольника может начинаться с поиска политических мер решения какого-либо кризиса, тогда ментальная конструкция и проект решения образуются в процессе политического диалога. Это второй, упрощённый вариант формирования треугольника. В этом случае он может быть временным и ситуативным.

Другим возможным способом образования треугольника являются экономические отношения, и формирование мо-

жет начаться именно с этой вещественной структуры, которая постепенно приводит к оформлению двусторонних, а затем и трёхсторонних отношений. Это может иметь место в этнических геополитических треугольниках. Существует отдельный феномен геоэкономических треугольников, пример – литиевый треугольник в Латинской Америке (*Аргентина – Боливия – Чили*). В дальнейшем они могут перерасти в полноценные геополитические треугольники. Интересно, что экономические связи могут развиваться и составлять большую долю от всей внешней торговли со странами, с которыми имеются идеологические и политические разногласия, как это имеет место в отношениях США, Западной Европы и Китая.

Таким образом, все три возможных способа формирования геополитических треугольников присутствуют: информационно-семиотический (идеологическая общность, общность цивилизационных кодов, религий), собственно политический (необходимость решения политических проблем), экономический. Но полноценным следует считать путь формирования от информационно-мировоззренческого поля к формированию политических, экономических, организационных структур и договорённостей.

Режимы функционирования геополитических треугольников

Один из важных вопросов, который по-является при изучении геополитических треугольников, – вопрос режимов функционирования геополитических треугольников.

Отметим, что для нормального функционирования геополитического треугольника необходимы три составляющие: информационно-семиотическая (культурная составляющая), структурно-энергетическая (политическая), общие действия и усилия по решению каких-либо проблем (экономическое сотрудничество, организационные структуры).

Понятно, что реальные геополитические отношения не могут быть идеальны-

ми, такими, которые рассматривают философско-религиозные учения о троичности. Во-первых, реальные треугольники находятся в процессе становления, во-вторых, в режиме динамических равновесий, а также в текущем состоянии экономического, политического и культурного развития и отношений. В связи с указанными факторами и режимы работы геополитических треугольников могут быть самыми разными, что и наблюдается в реальной жизни: когда доминирует один тип отношений из названных выше, или два, при отсутствии или слабости других двух или одного. Все эти типы функционирования являются позитивными, т. к. определённая целостность треугольника (на экономическом, политическом, информационно-семиотическом) уже образуется.

В реальности возможны режимы, которые можно назвать отрицательными, когда треугольник фактически перестаёт работать. Так, перестал функционировать основной силовой треугольник антигитлеровской коалиции СССР – США – Англия, начало холодной войны превратило СССР, с одной стороны, и США и Англию, с другой, в соперников. Другим примером является восточнославянский треугольник *Россия – Белоруссия – Украина*, который в настоящее время не работает. Ещё один характерный пример – основной стратегический треугольник современного мира *Россия – США – Китай*. При наличии диалога и экономических связей, он всё же не функционирует в должной мере из-за текущей позиции Соединённых Штатов (открытая конфронтация с двумя другими странами из желания сохранить однополярный мир). Отметим здесь, что З. Бжезинский в конце своей научной и политической карьеры призывал развивать этот треугольник как раз для сохранения роли США как мировой сверхдержавы¹.

¹ Brzezinski Z. How to Address Strategic Insecurity in a Turbulent Age. The Ideal Geopolitical Response to the Crisis of Global Power is a Trilateral Connection between the United States, China and Russia // Noema Magazine: [сайт]. URL: <https://www.noemamag.com/how-to-address-strategic-insecurity-in-a-turbulent-age> (дата обращения: 01.03.2023).

Функционирование этих треугольников прекратилось или, лучше сказать, перешло в отрицательные режимы, по мировоззренческим причинам, когда одна или две страны пытаются заставить третью пересмотреть свои взгляды на мироустройство, общественный строй и политику, или же одна страна из-за идеологических разногласий постепенно сворачивает сотрудничество. Это ещё раз показывает, что целостность треугольника лежит в информационно-семиотической сфере. И, следовательно, восстановить нормальное функционирование треугольника возможно только при сближении взглядов участников на мир в целом, или на решение тех или иных региональных или глобальных проблем. В случае треугольника *США – Россия – Китай* его распаду служит желание США ослабить своих, как они считают, политических противников, а это структурно-энергетическая (политическая) составляющая геополитического треугольника. Одновременно экономические связи остаются основой сохранения геополитического треугольника. Значит, важными являются все три составляющие функционирования треугольника – общее или компромиссное мировоззрение, политическая воля и общие действия.

Заключение

Геополитические треугольники являются составной частью мировой цивилизационной сети, представляют способ её самоорганизации, образуют каналы протекания культурно-семиотических, политических, экономических энергий. Они формируются для решения общих проблем, региональных или глобальных, а также могут иметь этническое происхождение.

Выделены этнический, региональный и стратегический типы треугольников, а также четыре дополнительных, обеспечивающих расширение влияния отдельных государств и треугольников государств.

Основой целостности геополитического треугольника является информационно-семиотическая составляющая – общее мировоззренческое поле для поиска точек соприкосновения и компромиссов, диалога по решению определённых мировых и региональных проблем. При функционировании геополитического треугольника постепенно проявляется его общая структура: активное звено (страна), пассивное и страна-посредник, обеспечивающая циркуляцию энергий в треугольнике. Полноценное функционирование треугольника включает культурное, политическое и экономическое взаимодействие. Геополитический треугольник может функционировать в различных режимах, включая отрицательные, когда его нормальная деятельность прекращается, участники переходят к конфронтационным отношениям. Для возвращения к нормальным режимам функционирования необходимы добрая воля (намерения) участников и диалог по мировоззренческим вопросам с целью нахождения общего поля для решения проблем.

Геополитические треугольники, циркуляция энергии в треугольниках всё в большей степени образуют каркас жизни современной цивилизации. Учение о геополитических треугольниках требует своего дальнейшего развития, поскольку они представляют собой одну из важнейших форм самоорганизации современного мира – мировой цивилизационной сети.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аватков В. А., Касьяненко А. В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» [Электронный ресурс] // Мировая политика. 2021. № 3. URL: https://nbpublish.com/e_wi (дата обращения: 01.03.2023).
2. Бжезинский З. Выбор. Стратегический взгляд / пер. О. Колесникова, М. Н. Десятовой. М.: АСТ, 2018. 480 с.
3. Го Чанчао. РИК (Россия – Индия – Китай) в системе международных отношений: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 202–209.

4. Давыдов А. С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры. М.: Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. 400 с.
5. Дегтерев Д. А., Рамич М. С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контурные глобальных трансформаций*. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43.
6. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2002. 177 с.
7. Елацков А. Б. Обобщенная модель «геополитического треугольника» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. III. С. 56–60.
8. Жульков М. В. Геополитические треугольники в контексте многополярного мира: системный подход // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология*. 2022. № 3. С. 33–49.
9. Жульков М. В. Ноосферный энергетизм: фундаментальная онтология // *Философская мысль*. 2017. № 9. С. 23–45.
10. Треугольник Россия – США – Китай в АТР: факторы неопределённости / отв. ред. В. Б. Амиров, В. В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 114 с.
11. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
12. Ханалиев Н. У. Треугольник «Россия – Турция – Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 1. С. 66–77.
13. Dittmer L. The Strategic Triangle: An Elementary Game – Theoretical Analysis // *World Politics*. 1981. Vol. 33. № 4. P. 485–515.
14. Parag Khanna. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. 335 p.
15. Reuben S., Dodd-Parr F. Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle between New Zealand, the US and China // *The Pacific Review*. 2019. Vol. 32. № 1. P. 90–112.
16. Rousset M. La nouvelle Europe: Paris – Berlin – Moscou. Le continent paneuropéen face au choc des civilisations. Paris: Godefroy de Bouillon, 2009. 538 p.
17. Smith P. The China – Pakistan – United States Strategic Triangle: From Cold War to the “War on Terrorism” // *Asian Affairs: An American Review*. 2011. Vol. 38. № 4. P. 197–220.

REFERENCES

1. Avatkov V. A., Kas'yanenko A. V. [Military-Political Relations in the South Caucasus in the Context of the Russia-Turkey-Iran Triangle]. In: *Mirovaya politika* [World Politics], 2021, no. 3. Available at: https://nbpublish.com/e_wi (accessed: 01.03.2023).
2. Bzhezinsky Z. The Choice. Global Domination or Global Leadership. Strategic Vision. America and the Crisis (Rus. ed.: Koesnikov O., Desyatova M. N., transl. *Vybor. Strategicheskij vzglyad*. Moscow, AST Publ., 2018. 480 p.).
3. Guo Changchao. [RIC (Russia – India – China) in the System of International Relations: Achievements and Problems]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 2, pp. 202–209.
4. Davydov A. S. *Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformacii global'noj arhitektoniki* [Beijing, Washington, Moscow: Relationships in the Context of the Transformation of Global Architectonics]. Moscow, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 400 p.
5. Degterev D. A., Ramich M. S. [Strategic Triangles as a Balancing Tool in World Politics]. In: *Kontury global'nyh transformacij* [Outlines of Global Transformations], 2021, vol. 14, no. 3, pp. 23–43.
6. Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov D. G. *Noosfernaya dinamika Rossii: filosofskie i kul'turologicheskie problemy. Ch. 2* [Noospheric Dynamics of Russia: Philosophical and Cultural Problems]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2002. 177 p.
7. Elackov A. B. [Generalized Model of the “Geopolitical Triangle”]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2015, no. 10 (60), pt. III, pp. 56–60.

8. Zhul'kov M. V. [Geopolitical Triangles in the Context of a Multipolar World: A Systematic Approach]. In: *Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Culturology. Political science], 2022, no. 3, pp. 33–49.
9. Zhul'kov M. V. [Noospheric Energeticism: Fundamental Ontology]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2017, no. 9, pp. 23–45.
10. Amirov V. B., Miheev V. V., eds. *Treugol'nik Rossiya – SSHA – Kitaj v ATR: faktory neopredelyonnosti* [Triangle Russia – USA – China in the Asia-Pacific Region: Factors of Uncertainty]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2009. 114 p.
11. Uyomov A. I. *Sistemnyy podhod i obshchaya teoriya system* [System Approach and General Theory of Systems]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 272 p.
12. Hanaliev N. U. [Triangle “Russia – Turkey – Iran” in the Context of the US Strategy in the Middle East]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 2019, vol. 21, no. 1, pp. 66–77.
13. Dittmer L. The Strategic Triangle: An Elementary Game – Theoretical Analysis. In: *World Politics*, 1981, vol. 33, no. 4, pp. 485–515.
14. Parag Khanna. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York, Random House, 2016. 335 p.
15. Reuben S., Dodd-Parr F. Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle between New Zealand, the US and China. In: *The Pacific Review*, 2019, vol. 32, no. 1, pp. 90–112.
16. Rousset M. *La nouvelle Europe: Paris – Berlin – Moscou. Le continent paneuropéen face au choc des civilisations*. Paris, Godefroy de Bouillon, 2009. 538 p.
17. Smith P. The China – Pakistan – United States Strategic Triangle: From Cold War to the “War on Terrorism”. In: *Asian Affairs: An American Review*, 2011, vol. 38, no. 4, pp. 197–220.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жульков Михаил Вячеславович – кандидат философский наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного университета;
e-mail: mzh1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail V. Zhul'kov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Ivanovo State University;
e-mail: mzh1@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жульков М. В. Геополитические треугольники как способ самоорганизации мировой цивилизационной сети // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 139–152.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-139-152

FOR CITATION

Zhulkov M. V. Geopolitical Triangles as a Way of Self-Organization of the World Civilization Network. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 139–152.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-139-152

УДК. 130.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-153-168

РОЛЬ ТЕОЛОГИИ В ВОЗРОЖДЕНИИ ПОДЛИННОГО ПРИЗВАНИЯ УЧЁНОГО

Седанкина Т. Е.*Российский исламский институт**420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В настоящее время наблюдается тенденция к профанации некоторых сфер деятельности, ранее считавшихся сакральными. К сожалению, одной из них стала наука. Следует также констатировать, что призвание учёного, воспринимаемое ранее как особый экзистенциальный дар, миссия, теряет свой изначальный высокий смысл. В представленной работе рассматриваются причины исчезновения духа науки, её демистификации, одной из которых, на наш взгляд, является потеря связи с живой традицией, восстановить которую способна теология как наука, являющаяся носителем непосредственной традиции, а потому, призванная стать мостом, соединяющим сакральное и профанное, вдыхая дух в современную научную мысль, предлагая отточенную веками систему координат, основанную на высших принципах морали и нравственности, способствуя возрождению подлинного призвания учёного.

Процедуры и методы. На основании анализа литературы, а также опыта как собственной научной деятельности, так и руководства научными исследованиями теологов автором предпринята попытка нового осмысления идей философов-идеалистов, традиционалистов, богословов и теологов разных веков и религиозных традиций относительно особой миссии учёного и подлинных целей науки, раскрывающих новыми гранями смыслы евангельских притч и мусульманских хадисов.

Результаты. Изучение опыта прошлого сквозь призму настоящего даёт осознание возможности и необходимости привнесения из религиозного поля в поле академическое ценностно-смысловых оснований благодаря посреднической роли теологии как науки, способствующей возрождению подлинного призвания учёного и возвращению науке её сакральных смыслов.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе выявлены пять проблем, являющихся, по мнению автора, причиной утраты учёными звания «соли земли» и «наследников пророков», представлены возможности теологии, её духовно-нравственного потенциала и мировоззренческого фундамента в решении каждой из указанных проблем, а также рассмотрены условия, соблюдение которых позволит теологии внести свой вклад в восстановление изначальных смыслов. Считаем, что предложенный подход возможно экстраполировать в другие научные сферы в качестве специального компонента общей системы воспитания молодого исследователя.

Ключевые слова: духовный кризис современной науки, десакрализация науки, дух науки, дух живой традиции, образ подлинного учёного, «наследники пророков», призвание, миссия, экзистенциальный дар, теология, теолог-исследователь, поклонение

THE ROLE OF THEOLOGY IN THE REVIVAL OF THE TRUE VOCATION OF THE SCHOLAR

T. Sedankina*Russian Islamic Institute**ul. Gazovaya 19, Kazan 420079, Russian Federation*

Abstract

Aim. At present there is a tendency to profanation of some spheres of activity formerly considered sacred. Unfortunately, science has become one of them. It should also be stated that the vocation of a scientist, previously perceived as a special existential gift, a mission, is losing its original high meaning. In the presented work the reasons of disappearance of Spirit of science, its demystification are considered, one of which, in our opinion, is the loss of connection with the living tradition, which can be restored by theology as a science, which is a carrier of direct tradition and, therefore, called to become a bridge, connecting sacred and profane, breathing Spirit in modern scientific thought, offering the system of coordinates honed by centuries, based on the highest principles of morality and ethics, promoting revival of the real vocation of a scientist.

Methodology. Based on an analysis of the literature, as well as on our own experience of scholarly activity and leadership in scholarly research, the author attempts to reconsider the ideas of idealist philosophers, traditionalists, theologians and theologians from different centuries and religious traditions concerning the specific mission of scientists and the true goals of science, by demonstrating the meaning of evangelical parables and Islamic Hadiths.

Results. Studying the past through the prism of the present enables us to realize the possibility and necessity of introducing the field of values and meaning from the religious to the academic field, thanks to the intermediary role of theology as a science which helps revive the real vocation of science and gives back to science its sacred meanings.

Research implications. In article five problems which, in opinion of the author, are the cause of loss by scientists of a rank “Salt of the Earth” and “Heirs of prophets” are revealed; possibilities of theology, its spiritual and moral potential and world outlook basis in the decision of each of the specified problems are presented, and also the conditions the observance of which will allow theology to make the contribution to the restoration of original senses are considered. We believe that it is possible to extrapolate the proposed approach to other scientific fields as a special component of the general system of education of a young researcher.

Keywords: spiritual crisis of modern science, desacralization of science, spirit of science, spirit of living tradition, image of the true scientist, “heirs of the prophets”; vocation, mission, existential gift, theology, theologian researcher, worship

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к профанации некоторых сфер деятельности, считавшихся ранее сакральными, возвышающими, пробуждающими дух и доступными лишь избранным ввиду особого статуса. Одной из таких сфер является наука, приверженцы которой ещё недавно приравнивались к высшей жреческой касте¹, для которых «мысль, обращённая к высшему знанию, была значительно важнее прагматических целей» [8,

с. 82, 90, 139], а служение истине являлось одной из форм поклонения, сравнимого с безусловной формой героизма, выражающейся, по мнению Юлиуса Эволи (1898–1974), в готовности учёного «без сожаления жертвовать своей жизнью ради великой идеи, не заботясь о своей личности, так как он являет собой не жизнь и не личность, но нечто причастное сверхиндивидуальному и сверхвременному началу» [33, с. 161, 391]. Одной из причин «профанации», на наш взгляд, является утрата современным обществом духовного измерения, сакрального начала, хранящего «дух Традиции», о чём довольно отчётливо заявляют философы-традиционалисты. Ананда Кумарасвами (1877–1947) убеждён, что «в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится

¹ Вебер относил к первым интеллектуальным профессиям шаманов и жрецов – «тех, кто знает», первых профессионалов в интеллектуальной сфере, изначально «слышащих призыв», испытывающих нечто вроде религиозного обращения, дающего возможность претендовать на свой статус, полагаясь на личную когнитивно-экзистенциальную настроенность [12, с. 20].

частью Пути, в таком обществе нет ничего «профанного»; противоположность чему мы наблюдаем в светском обществе, где нет ничего святого» [14, с. 138]. Мартин Хайдеггер (1889–1976) также полагал, что «отличительной чертой нынешней эпохи и её единственной бедой является закрытость к священному измерению» [29]. Рене Генон (1886–1951) видит возможность возвращения науке своего первоначального статуса посредством возрождения в ней высшего Принципа: «Любая наука может стать сакральной, вобрав в свой арсенал высшее, “анагогическое” значение – более глубокое, нежели то, которая она имеет сама по себе» [8, с. 19]. Учитывая предостережения И. В. Дёмина о «соблазне рассмотрения интегральной традиционалистской метафизики Генона сквозь призму фундаментальной онтологии Хайдеггера и наоборот» [10, с. 2], мы не ставим данной цели, но благодаря сопоставлению точек зрения выдающихся мыслителей различных направлений и школ, пытаемся выявить возможные причины утраты истинного призвания учёного, изначальной подлинности её миссии и пути выхода из этого тупика.

Для этого вначале обратимся к исследованиям советских и российских философов, специалистов по теории познания Н. Н. Трубникова (1929–1983), А. Л. Никифорова (1940), И. Т. Касавина (1954), а также группе исследователей, участвующих в проекте РФН «Миссия учёного в современном мире: наука как профессия и призвание», таких как А. Ю. Антоновский, И. Т. Касавина, Е. В. Масланов, О. Е. Столярова, Л. А. Тухватулина. Далее проанализируем опыт прошлого в контексте настоящего, для чего рассмотрим изречения известных философов и теологов относительно призвания учёного: Иоганна Фихте (1762–1814); Фридриха Шлейермахера (1768–1834); Макса Вебера (1864–1920), Гордана Олпорта (1897–1967), Рене Генона (1886–1951); Юлиуса Эвола (1898–1974), Ананды Кумарасвами (1877–1947); Мартина Хайдеггера (1889–1976); Пауля Тиллиха (1886–1965); Гранта Осборна (1942–2018); Кевина Ванхузера

(1957). В заключение на основании анализа идей вышеназванных исследователей и собственного опыта автором перечислены причины проблем, связанных с утратой истинного понимания понятия «призвание учёного», и предложены некоторые пути выхода из сложившейся ситуации благодаря теологии как науке, её духовно-нравственному потенциалу и мировоззренческому фундаменту.

Причины утраты истинного призвания учёного

Говоря о духовном кризисе современной науки, Н. Н. Трубников (1929–1983) отмечал, что он является «симптомом общего духовного кризиса» [25, с. 295], а потому предлагал искать выход не только в пересмотре научной парадигмы с внесением в неё духовно-нравственного компонента, но и в переосмыслении самой морали, нравственности, культуры в целом. «Решение следует искать не в самой науке, не в том, чтобы сочетать науку и нравственность узами брака, а в том, чтобы сделать моральной саму нашу мораль, и нравственной саму нашу нравственность, сделать цивилизованной нашу цивилизацию, культурной нашу культуру» [25, с. 295]. Н. Н. Трубников отмечал, что современная наука потеряла «право на роль высшей инстанции человеческого духа», критерии научности, чётко очерчивающие границы научного и вненаучного знания, «утратили достоинство высшего критерия в нравственном, мировоззренческом, и общегуманистическом смысле» [25, с. 281], а сам учёный лишился «ореола святости», являющегося показателем бескорыстного служения истине, которая сама со временем стала обретать черты архаичности, ввиду её многомерности, неоднозначности и недостижимости, в отличие от чётких прагматичных целей современной науки, довольствующейся лишь достоверным, конструктивным, приносящим сиюминутную пользу знанием.

Продолжая идею исчезновения из науки духа – наиболее ценного, чем она первонач-

чально обладала, А. Л. Никифоров (1940) очерчивает возможные причины происходящего: «очищение» научного поля от «проникновения в него спекулятивной метафизики»; освобождение методологии от «сомнительных», слабо верифицированных субъективных переживаний исследователей (мистические озарения, личный мистический опыт), что несомненно ведёт к приземлению исследовательского полёта мысли и приданию ей «твёрдой почвы» [19, с. 298].

Словосочетание «твёрдая почва», используемое А. Л. Никифоровым, переносит наше внимание к фразе К. Маркса касательно диалектики Гегеля: у него «диалектика стоит на голове. Надо её поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [2, с. 132]. Как пишет французский философ-марксист Луи Пьер Альтюссер (1918–1990), метафора «поставить на ноги» (в нашем случае «придать твёрдую почву») указывает на необходимость «упразднения мистификации» (т. е. самой идеи, заложенной Гегелем в своё учение). Причём для её инверсии (переворачивания) «недостаточно отделить её от первого облачения (т. е. системы). Следовало освободить её и от той второй оболочки, которая срослась с её телом, которая является (не побоюсь этого выражения) её собственной кожей, неотделимой от неё самой, которая является гегельянской вплоть до самых оснований (Grundlage)» [2, с. 134]. В результате операции демистификации (извлечения духа учения), диалектика Гегеля перестала быть гегельянской и стала марксистской» [2, с. 132]. Нечто подобное произошло и с понятием «душа», первоначально вынесенным психологией «за скобки» с целью сохранения научной методологии, а затем и вовсе забытым, став «тенью собственной тени» [5, с. 9]. Приведённые примеры, на первый взгляд несколько уводящие нас от заявленной темы, демонстрируют, каким образом из различных научных теорий может изыматься её суть с целью «приземления», «очищения», «интеллектуализации», «расколдовывания», лишая тем самым на-

уку её подлинного духа. Несмотря на неимоверное усердие науки по демифологизации, устранению разного рода суеверий и предрассудков, а также по укреплению уверенности в том, что всё можно понять рациональным путём (в чём и заключается расколдовывание), А. Л. Никифоров приходит к заключению, что это «не позволило учёным обнаружить ответы на важнейшие экзистенциальные смыслообразующие вопросы, тем самым ничего не привнеся для духовно-нравственного развития человечества. Более того, расколдовывание мира в целом и науки в частности оказалось причиной ещё большей нравственной деградации общества» [18, с. 24], в результате чего, как замечает М. Вебер, «высшие благороднейшие ценности ушли из общественной жизни в потустороннее царство мистической жизни...» [7, с. 733–734], а вместе с ними «подлинное знание, истина, являющиеся ранее приоритетной целью научных исследований, стали лишь побочным продуктом прикладных исследований», – констатирует А. О. Никифоров, задаваясь вопросом, вызвавшим большой резонанс в научной среде: «Не являемся ли мы свидетелями конца науки как бескорыстного поиска истины, вдохновляемого нашей природной любознательностью и чувством прекрасного?» [18, с. 28].

Данный вопрос вновь возвращает нас к философам-традиционалистам, заявляющим о «профанации науки», сводящейся лишь к эмпирическому и аналитическому изучению фактов, возрождение которой возможно лишь «через установление контакта с живыми традициями. Утерянная традиция может быть реставрирована и оживлена только благодаря контакту с духом живой Традиции» [8, с. 37], причём, как указывает Рене Генон (Абд аль-Вахид Яхъя), «истинное традиционное мировоззрение всегда и везде является сущностно одним и тем же, в какую бы форму оно ни облекалось» [8, с. 38].

На сегодняшний день традиционному мировоззрению удалось сохраниться лишь в религии, поэтому считаем, что теология, являющаяся носителем непосредственной

традиции, призвана стать мостом, соединяющим сакральное и профанное, вдыхая Дух в современную научную мысль, предлагая отточенную веками систему координат, основанную на высших принципах морали и нравственности, способствуя возрождению подлинного призвания учёного, которое И. Т. Касавин (1954) называл «особым экзистенциальным даром, миссией, переживаемой исследователем интуитивно, отвечая всей своей жизнью на призыв Абсолюта» [22, с. 256].

Далее попытаемся воссоздать подлинный образ учёного, описание которого можно обнаружить в работах философов-идеалистов, богословов и теологов.

Попытка воссоздания подлинного образа учёного, на основании изучения взглядов философов-идеалистов, богословов и теологов

Немецкий философ-идеалист Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814), размышляя о сути подлинного учёного, использовал евангельскую метафору, сравнивая учёного человека, посвятившего свою жизнь поиску истины, с «солью земли»¹. Философ был убеждён, что истинный учёный должен быть образцом духовного совершенствования, и остерегаться потери «силы соли», к чему призывал Иисус своих учеников. Сила соли заключается во внутренней чистоте и устремлённости, а также способности влиять на умы других людей, делая их жизнь «духовно целенаправленной» [28, с. 54]. Аналогичные идею находим в исламской традиции. Читаем в хадисах: «Поистине, учёные являются наследниками пророков, пророки же не оставляют в наследство ни динаров, ни дирхамов, но оставляют в наследство одно только зна-

ние, и тому, кто приобрёл его, достался великий удел». (Абу Дауд 3641, ат-Тирмизи 2682).

Несомненно, Фихте осознавал, что далеко не каждый учёный является подлинно «солёным», в связи с чем он разделял их две категории:

– «полуучёные» исследователи, рассматривающие науку как средство извлечения личных выгод;

– «подлинные учёные, для которых наука не является средством достижения какой-либо цели, но она сама по себе является целью» [27, с. 14].

Данный подход довольно чётко коррелирует с концепцией внешней и внутренней религиозности, предложенной американским психологом Горданом Олпортом² (1897–1967). В связи с тем, что Фихте предлагает взглянуть на научную деятельность в контексте деятельности религиозной, позволим себе рассмотреть религиозность в контексте научной деятельности, для чего, употребляя слово «религия», будем подразумевать под ним слово «наука». Итак, согласно Олпорту:

– внешняя религиозность характеризуется отсутствием глубокого интереса к религии (науке), поверхностным обладанием набором религиозных убеждений (научных установок), отсутствием внутренних обязательств перед религиозным (научным) сообществом при внешнем проявлении социально-согласованных форм религиозного (научного) поведения; незрелая религиозная (научная) идентичность; внешняя мотивация личности, для которой религия (наука) не является ценностью сама по себе, а служит для других нужд и носит прагматический характер;

– внутренняя религиозность характеризуется глубоким пониманием смысла верования (научного поиска) и сознательным следованием религиозным (научным) целям в соответствии с внутренними стрем-

¹ «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу; то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поправление людям» (Матфей 5: 13). «Соль добрая вещь: но ежели соль не солона будет, чем вы поправите? Имейте в себе соль; и мир имейте между собою.» (Марк 9: 50). «Соль добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить её? Ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают её. Кто имеет уши слышать, да услышит.» (Лука 14: 34–35).

² Современная западная психология религии: хрестоматия / ред., сост. Т. В. Малевич; под ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017. С. 382.

лениями и жизненными смыслами; внутренняя мотивация личности, живущей религией (наукой)¹.

С сожалением приходится констатировать, что вместе с «десакрализацией» науки и постановкой её на «твёрдую почву» кардинально изменился и взгляд на подлинного учёного. Так, Е. В. Маслановым выделяется две группы исследователей: «профессиональные учёные», ориентирующиеся на решение больших научных и научно-технических проблем, участвующие в научных проектах, конкурсах на получение грантов с целью построения научной карьеры; «учёные-дилетанты», занимающиеся наукой ради удовлетворения собственных познавательных интересов (любопытства), невзирая на отсутствие материального поощрения за интеллектуальный труд. Е. В. Масланов, сравнивая первых с музыкантами, «чья деятельность связана с тяжёлой, не всегда интересной и приятной работой», а вторых с «любителями помузыцировать» для себя [17, с. 44], заявляет, что лишь любознательностью и эстетическими критериями сегодня в науке не обойтись [17, с. 38], а вот «использование энтузиазма дилетантов» и «привлечение» их в профессиональные научные проекты, может привести к созданию нового образа науки [17, с. 44]. На наш взгляд, «использование» «подлинно солёных» как минимум не корректно, хотя, с другой стороны, даже столь «приниженная роль» может содействовать тому, что современная наука будет «осолённой» пусть и незначительным количеством «подлинно солёных», которых, как мы полагаем, не больше, чем в предположении Г. Олпорта, касающемся «подлинно религиозных», а это уже шаг на пути к восстановлению изначальной миссии учёного и науки в целом.

Продолжая идею Фихте о миссии учёного как «соли земли», логично вспомнить отрывок из Евангелия от Матфея о невозможности служить одновременно двум

господам², в данном контексте указывающий на невозможность быть учёным наполовину. Образ «подлинного учёного» прекрасно описан средневековым арабским географом Шамсутдином аль-Мукаддаси (946–990): «Наука открывает своё лицо лишь тому, кто целиком посвящает себя ей с чистым разумом и ясным пониманием и, вымолив себе помощь Аллаха, собирает воедино все силы своего рассудка; кто, засучив рукава, бодрствует ночи напролёт, утомлённый рвением; кто добивается своей цели, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний; кто не насилует науку бесцельными отступлениями и безрассудными атаками; кто не блуждает в науке наугад, как слепой верблюд в потёмках» [24, с. 49]. Образ «подлинного учёного», описанный в X в. мусульманским учёным, вполне соответствует описанию «идеала учёного», представленного в XIX в. Максом Вебером (1864–1920), по убеждению которого «учёный является своего рода "праведным страстным аскетом", образ жизни которого уже гарантирует истину его высказываниям» [3, с. 185]. Данное утверждение вновь отсылает нас к исламской традиции, согласно которой учёный получает гарантированную награду от Аллаха, даже несмотря на возможные заблуждения в ходе своего исследования: «Тому из них, кто достиг истины, полагаются две награды: одна за усердие, а вторая за правильность. Тому же, кто ошибся, приложив свои усилия, прощается ошибка и даруется вознаграждение за его стремление и начальные верные шаги в поиске истины» (Аль-Изз Абду-с-Салам в «Кава'ид аль-ахкам» (2/370))³. Страсть учёного-аскета заключается в жертвенном служении⁴, в

¹ Будучи заинтересованным возможностью измерения «подлинной религиозности», Гордан Олпорт предполагал, что её носителями являются не более 10% людей.

² «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6: 24).

³ Учёные и их положение в исламе. Серия: «ада'уату-ссялия», часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/30977209-Seriya-ad-da-uatu-ssalyafiya-chast-1-pervoe-izdanie-podgotovleno-redakciey-sayta.html> (дата обращения: 17.01.2021).

⁴ В исламском энциклопедическом словаре под редакцией С. М. Прокурова даётся следующее определение ал-Иджтихада. Аль-Иджтихах («усерд-

отречении от всего временного и преходящего (признания, похвалы) ради «движения по пути к истинному Богу, истинному бытию, истинному счастью» [3, с. 175]. Вебер подчёркивал, что: «странное упоение учёного, вызывающее улыбку у всякого постороннего человека, абсолютно необходимо для оплодотворения рутинного исследовательского труда» [7, с. 708].

За век до Вебера немецкий протестантский богослов и философ Фридрих Шлейермахер (1768–1834) полагал, что для «оплодотворения науки» необходим дух, рассматриваемый им в прямом религиозном значении. Философ был убеждён, что именно «дух науки» указывает истинные ориентиры, наполняет умы искателей истины высокими помыслами, придавая науке особую атмосферу одухотворённости. Основной задачей учёного Шлейермахер видел разворачивание сжатого ядра истины посредством развития силы научного мышления, происходящего в процессе преобразования исследователем себя, «в ходе само-преодоления и подъёма над самим собой в сферу духа» [27, с. 14], тем самым привнесения духа в науку. Очевидно, что невозможно привнести дух (тем более в науку), если исследователь не актуализирует его внутри самого себя. На важность «алхимического делания», направленного на преобразование человека из «железа в золото», указывал средневековый мусульманский мыслитель аль-Газали (1158–1111) в своём труде «Алхимия счастья» [1, с. 62], подчёркивая важность проживания насыщенной, осмысленной и глубокой жизни, приводящей к «внутренней химической реакции», трансформирующей дух, одухотворяя тело. «Тело становится Духом, а Дух превращается в Тело. Одухотворение

тела не является его превращением в менее плотную материю... Напротив, речь идёт о том, что тело, внешне оставаясь тем же, теперь существует фактически только как функция духа, а не для себя» [32, с. 193, 198], – пишет философ-традиционалист Юлиус Эвола (1898–1974) в «Герметической традиции», переносит наше внимание к классикам герменевтики, указывающим на важность присутствия Духа в ходе исследовательского процесса. Американский теолог Грант Осборн (1942–2018) убеждён, что «Дух настраивает на процесс познания, открывая глаза, укрепляя разум исследователя» [9, с. 554, 565], а его коллега Кевин Ванхузер (1957) считает, что исследователю, ведомому «духом живой традиции», легче осуществлять исследовательский процесс, сравниваемый им в духовной борьбе, в которой учёный готов пожертвовать собой, «умерев» для себя, ради проникновения в искомое» [6, с. 614].

На основании рассмотрения взглядов философов, богословов и теологов разных веков выявлен собирательный образ подлинного учёного. Истинные учёные, посвятившие свою жизнь поиску истины, являются высоконравственными и стремящимися к духовному совершенствованию людьми, в связи с чем богословы и философы сравнивали их с «солью земли», называли «наследниками пророков», «праведными страстными аскетами», образ жизни которых уже «гарантировал истину их умозаключений». Будучи ведомыми «духом живой традиции», они готовы жертвовать собой ради приближения к искомому. Подобный образ жизни запускает внутренние «алхимические процессы», способствующие преобразованию учёного из «железа в золото», приводя к «трансформации его духа» и «одухотворению тела», что, в свою очередь, поднимает исследователя над самим собой в сферу духа и даёт возможность привнести дух в науку, т. е. одухотворить её.

Однако следует констатировать, что в настоящее время всё чаще встречаются «полуучёные», не считающие необходи-

ствование», «большое старание») – деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приёмов, используемых им при исследовании, а также степень авторитетности самого учёного (туджтахид) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников. См.: Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. С. 91.

мым посвящать свою жизнь поиску истины, «бодрствуя ночи напролёт, утомляясь рвением, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний», не стремящиеся посвящать себя жертвенному служению науке, отрекаясь от всего временного и преходящего ради великой идеи, не обрётшие «силы соли», не оживившие в себе дух, указующий подлинные ориентиры. Думаем, что именно эта категория людей, год от года пополняющая ряды научного сообщества, ввиду некоего престижа, материальных доплат, повышения самооценки и потребности в уважении, подрывает подлинную идею призвания как миссии. Это усугубляется ещё тем, что в настоящее время всё чаще количество научных статей и их тематика зависят не от внутренней потребности исследователя, а от всё возрастающих требований извне, что профанирует как идею призвания, так и самой науки в целом.

Далее рассмотрим роль теологии как науки в возрождении подлинного призвания учёного и возвращении науке её сакральных смыслов.

Роль теологии как науки в возрождении подлинного призвания учёного и возвращении науке её сакральных смыслов

Для того, чтобы представить возможности теологии, открывающиеся благодаря её духовно-нравственному потенциалу и мировоззренческому фундаменту, вначале перечислим проблемы, являющиеся причиной утраты учёными звания «соли земли» и «наследников пророков». Далее представим возможности теологии в решении проблем возвращения науке и призванию учёного их первоначального высокого статуса. В заключении укажем условия, соблюдение которых позволит теологии внести свой вклад в восстановление подлинных изначальных сакральных смыслов.

А). Проблемы, являющиеся причиной утраты учёными звания «соли земли» и «наследников пророков».

1. Следует признать, что на сегодняшний день призвание учёного утратило свой первоначальный сакральный смысл, заключающийся в «даре услышать призыв Абсолюта и ответить на него» [22, с. 256] посредством героического самоотверженного поискового процесса, воспринимаемого как миссия.

2. Приходится констатировать, что в связи с провозглашением «принципа научной свободы от ценностей мировоззрения» [3, с. 175] наука и нравственность оказались разделёнными, что привело к утрате понимания важности духовного совершенствования личности учёного и его работы над своим нравственным обликом. Данное обстоятельство стало причиной того, что учёные из «соли земли» и «наследников пророков» превратились в «наёмных работников»¹, а наука стала «ремеслом» («профессией»), не имеющей ничего общего с изначальным смыслом и целями [15, с. 18–19].

3. Утрата изначального смысла и целей исследовательской деятельности привела к подмене подлинного духа науки современным «корпоративным духом», когда, например, в ходе конференции докладчик может не иметь никакого отношения к результатам исследования [26, с. 52], так же как и к статье, соавтором которой он является, благодаря «формальному включению в состав авторского коллектива с целью увеличения количества научных публикаций и повышения индекса цитирования» [4, с. 28].

4. Ввиду «массовости высшего образования» наблюдается массовая критика научных изысканий теми, кто разбирается в предмете критики весьма поверхностно, что приводит как к принижению статуса науки и учёного, так и к «уничтожению всякого намёка на сакральность научного действия» [12, с. 21]. В глазах научного общества и массовом сознании в целом

¹ Миссия учёного в современном мире: наука как профессия и призвание. РОИФН Аннотация проекта [Электронный ресурс]. URL: <http://rshps.org/гранты-рнф/миссия-ученого-в-современном-мире> (дата обращения: 20.07.2022).

происходит профанирование образа «подлинного учёного» через сравнение его с «дилетантом, музицирующим для своего удовольствия» [17, с. 44], «угрюмым гением-одиначкой или рассеянным чудаком, погруженным в размышления об абсолютно бесполезных вещах» [11, с. 130], в результате чего происходит искажение вплоть до инверсии (переворачивания) первоначальной цели науки и истинного предназначения учёного, которые, по словам М. Вебера, становятся «исчезающими иллюзиями» [3, с. 175].

5. К сожалению, основным мотивом научной деятельности всё чаще становятся внешние стимулы. За счёт установленного организацией определённого «эффективного контракта» и «коммерциализации деятельности учёного» наблюдается «лихорадочная гонка за публикациями» [4, с. 28], что, несомненно, накладывает отпечаток на качество научных работ. Результаты опроса научных работников России в более двадцати субъектах РФ, проводимого А. Ю. Огородниковым в 2021 г., показали, что «61% опрошенных получают дополнительные выплаты за публикации в высокорейтинговых журналах; 31% получают стимулирующие выплаты за выступления на международных конференциях; 28% – за получение научных грантов; 22% за развитие образовательных технологий» [20, с. 103]. Погоня за рейтингами, приводящая к «имитации научной деятельности, умножению числа неглубоких, но зато “мейнстримных” работ» [4, с. 28], превращает исследовательский процесс в «симулякр – образ, лишённый сходства с предметом, но создающий эффект подобия, маскирующий отсутствие глубинной реальности или вообще не соотносящийся с ней» [4, с. 29]. Мотивация научных изысканий становится весьма банальной – престиж, карьера, заработок, в результате чего происходит полная «десакрализация интеллектуального труда» [12, с. 18], и учёный из строителя «сакрального здания науки» превращается в «каменщика».

Б). *Возможности теологии в решении проблем возвращения науке и призванию*

учёного их первоначального высокого статуса.

1. В случае рассмотрения исследовательской деятельности в качестве особого вида служения (поклонения)¹, целью которого является достижение довольства Всевышнего посредством реализации Его великого замысла (что для теолога является вполне естественным), может быть возрождён её сакральный смысл, а научное призвание станет восприниматься исследователем как особая миссия, «особый экзистенциальный дар свыше», которого достоин отнюдь не каждый. И несмотря на то, что после этого осознания массовость поступления в магистратуру и аспирантуру может снизиться, тем не менее в этих «сконцентрированных сакральных водах» может проявиться «соль».

2. Понимание теологом того, что призвание учёного как «особый дар свыше» является некой привилегией, которую возможно заслужить путём высоко нравственного образа жизни и духовного совершенствования:

¹ В исламской традиции большое внимание уделено важности размышления, что непосредственно является частью исследовательского процесса. Важность размышления многими мусульманскими богословами сравнивается по важности с молитвой, причём с ночной, которая является особенно ценной для мусульманина. Во всех нижеприведённых хадисах длительность часа размышления соотносится с разным отрезками времени, уделяемого молитве (от одной ночи до шести лет). Несмотря на то, что среди богословов ведутся споры о достоверности / недостоверности этих хадисов, а также в связи с тем, что сведения о продолжительности молитвы настолько разнятся, все они указывают мусульманину на важность размышления. «Размышление в течение часа лучше, чем поклонение в течение целой ночи». (Хасан аль-Басри); «Размышление в течение одного часа лучше, чем выстаивание ночной молитвы» (Ибн ас-Сарий в «аз-Зухд» (943), Ахмад в «аз-Зухд» (139) и Ибн Са'д в «ат-Табакъат аль-Кубра» (7/392) от Абу ад-Дарды); «Размышление в течение одного часа лучше, чем поклонение в течение одного года». (Ибн Аджийб); «Размышление в течение одного часа лучше, чем поклонение в течение шестидесяти лет». (Абу Хурайра). См.: Хадис: «Размышление в течение одного часа лучше, чем поклонение в течение одного года» недостоверный [Электронный ресурс]. URL: <https://hadis.uk/xadis-razmyshlenie-v-techenie-odnogo-chasa-luchshe-chem-poklonenie-v-techenie-odnogo-goda-nedostoverniyj/26157> (дата обращения: 4.08.2022).

– во-первых, значительно повысит статус учёного как человека, «поцелованного Богом», и мотивирует его к духовному самосовершенствованию, а также соблюдению норм этики и морали, что будет способствовать духовно-нравственному развитию общества в целом;

– во-вторых, побудит научное сообщество к парадигмальному сдвигу в сторону «осмысления науки с акцентом на её ценностно-смысловые основания» [30, с. 281] и соотнесения «принципа научности» с «принципом нравственности» [25, с. 281], возвращая последний в новую научную парадигму мышления, откуда с течением времени она и была упразднена (вынесена за скобки, вытеснена за пределы науки);

– в-третьих, позволит обратить внимание современных учёных на ценностно-смысловые аспекты теологического мировоззрения, что, по убеждению Д. В. Шмони́на, вовсе «не означает отказа от принципов научности и объективности (тем более что критерии объективности научного знания и границ науки постоянно пересматриваются)» [30, с. 282].

3. Включение ценностно-смысловых оснований теологического мировоззрения будет способствовать возвращению в науку духа традиции, сохранившегося, по мнению Рене Генона, лишь в религии [8, с. 38]. Этот дух, одухотворяя («оплодотворяя») науку, по убеждению Ф. Шлейермахера, напомнит истинные утерянные ориентиры, наполняя умы искателей истины подлинными смыслами, поднимая над самим собой в сферу Духа [27, с. 14]. Подъём исследователя в сферу Духа посредством внутренней алхимической реакции, приводящей к «трансформации железа в золото», вернёт «духовную соль» во внутреннюю суть учёного, восстанавливая высокое звание «наследника пророков».

4. Несомненно, результаты исследований «наследников пророков», несущих «соль» в «пресные научные воды», вызывают немало критики. Рене Генон разъяснял её формы и причины следующим образом: «Существуют отрицания, которые сами похожи на крики ярости, таковы напри-

мер отрицания так называемых “свободных мыслителей” по отношению ко всему тому, что относится к религии. Ненависть к тайне, по сути, есть не что иное, как одна из форм ненависти ко всему, что превосходит “средний” уровень, и к тому, что отменяет единообразие, которое хотят навязать всем» [8, с. 517]. Очевидно, что теология в целом как новая научная отрасль и теологические исследования в частности воспринимаются академическим сообществом в лучшем случае с большой насторожённостью, а в худшем подвергаются жёсткой критике. Поэтому:

– с одной стороны, современным учёным для объективности критики необходимо признать помимо «постигающего» (принудительного) типа мышления, для которого доступ к священному закрыт, наличие мышления «позволяющего», допускающего «уяснение смысла священного, посредством преодоления собственной замкнутости и открытия в себе иных возможностей» [21, с. 163]. Более того, помимо признания его наличия, важно попытаться допустить для себя возможность перехода от «постигающего» к «позволяющему» мышлению как готовности к восхождению в сферы священного¹;

– с другой стороны, теологу необходимо со всей ответственностью подходить к исследовательскому процессу, соблюдая принципы научности, нейтральности, поликультуральности, осознавая ответственность за каждое произнесённое (написанное) слово, понимая, что от качества его деятельности будет зависеть отношение к теологии как научной отрасли в целом.

5. Обращение к внутренним мотивам и стимулам, актуализирующимся благодаря восприятию исследовательской деятельности как «исключительного экзистенциального дара» и особого вида поклонения, позволяет взглянуть на научный процесс

¹ Приведённые типы мышления («постигающий» и «позволяющий») введены немецким католическим мыслителем К. Хеммерле, убеждённым, что «позволяющее мышление», называемое им также «верующим», является необходимым элементом человеческого сознания.

как на «построение храма». В данной связи вспоминается история, повествующая о строительстве храма, во время которого проводился опрос работников, касающийся причин их труда. Поэтическое переложение этой истории находим у И. Богдановской.

«Не всякий может строить храм для Бога – об этом знал премудрый Соломон,

И при закладке Храма, у дороги опрос был самый первый проведён.

Ко всем своим работникам под вечер царь обратился, придержав коня:

Мол, чем ты занят, добрый человеке?

Один ответил, жизнь свою кляня:

«С утра до ночи я таскаю камни!»,

«Кормлю семью» – проговорил второй,

«Я строю Храм. Работа дорога мне», – сказал вольнонаемник молодой...»¹.

Метафоры, приведённые в истории («построение храма», «зарабатывание денег» и «таскание камней»), приложимые и к научной деятельности, находят отражение как в христианской, так и в исламской традициях. Так, в «Откровенных рассказах странника»² встречается описание трёх путей, ведущих к Богу: «путь раба», «путь наёмника» и «путь сыновний». Причём Странник отвергает первые два как неприглядные и унижительные, указывая на единственно достойный путь сыновнего служения, заключающийся в свободном и осознанном выборе человека, ступившего на потенциальный путь достижения состояния богоподобия. В исламской традиции также встречаем упоминание о недостойном «пути раба» и «пути наёмника»: «Пусть ни один из вас не будет подобен плохому слуге, который не станет работать, не получив плату, или плохому рабу, который не сделает, не убоявшись»³, – пишет Абу

Хамид аль-Газали. Восприятие научной деятельности как «построение храма», занимающего все существование теолога-исследователя «предельной заботой о высших смыслах» [13, с. 31] (П. Тиллих), возвращает нас к «идеи чистой науки, устремлённой в горние сферы, не причастной ничему телесному, земному» [28, с. 45] (И. Г. Фихте), т. е. к «изначальной подлинности миссии, основанной на ценностно-смысловых основаниях» [30, с. 290].

В). Условия, соблюдение которых позволит теологии внести свой вклад в восстановление подлинных изначальных сакральных смыслов.

1. Видение в исследовательской деятельности особого сакрального смысла, восприятие её как особого вида поклонения, ценность которого является выше ночного молитвенного поклонения Всевышнему. Благодаря столь глубокому внутреннему стимулу формируется особое возвышенное отношение к исследовательскому процессу, способствуя упразднению формального подхода и повышению качества научной работы.

2. Осознание, что «исследовательское поклонение» открывает возможность формирования особых качеств, обладателями которых выступали подлинные учёные прошлого, являя собой пример не только интеллектуальных, но и духовно-нравственных свойств, благодаря которым и возможно стать подлинно «солёным», достойным звания «наследников пророков».

3. Признание возможности приближения к качествам «наследников пророков» посредством самоотверженного «исследовательского поклонения» позволит воспринимать научную деятельность не как ежедневную рутинную тяготу и формальную обязательность, а как привилегию, дар свыше, миссию.

4. Осознание «избранности» налагает особую ответственность:

– перед самим собой, так как перекося сторону эгоистических амбиций лишает теолога права привилегии. Здесь умест-

щения: 15.07.2022).

¹ Богдановская И. О строительстве Храма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2012/05/15/6839> (дата обращения: 15.07.2020).

² Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М.: Сибирская Благовонница, 2009. 352 с.

³ Аль-Газали. О любви, тоске, радости и довольстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.salam-alejkum.narod.ru/oracle_gazali_love.html (дата обра-

но вспомнить разъяснение Евангельских понятий «званных» и «избранных» из притчи о «Брачном пире»¹ Рене Геноном: «Действительно избранными (элитой) являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не может более поддаться соблазну. Те же, кто имеет в себе лишь потенцию знания, являются только "званными" [8, с. 134];

– перед теологией, уммой и Всевышним, т. к. теолог являет собой некий мост, соединяющий сакральное и профанное посредством встраивания элементов «верующего мышления» («позволяющего», «священного») в распространённое в научной среде «постигающее мышление», закрытое к доступу священного, однако способного, с точки зрения К. Хеммерле, к переходу из одного в другое [21, с. 30]. Понимание, что способность к переходу, с одной стороны, открывает возможность проникновения сакральных смыслов в сферу профанного, с другой – создаёт опасность вхождения профанного в сферу сакрального. Получив статус науки, отождествляясь с ней, теологии и теологам важно «не загнать самих себя в безысходный тупик» [18, с. 296] вслед за философией и психологией, о чём писал А. Л. Никифоров, уверенный, что «с привнесением элементов научности, обоснованности, точности, логической строгости вновь зарождающаяся научная область может утратить нечто подлинно ценное, свойственное ей изначально» [18, с. 298].

5. Признание наличия духовных рисков и возможности (необходимости) дерзновенного вызова самому себе, академическому сообществу и части уммы, твёрдо отстаивающей неизбежность (неприкосновенность) ряда устоявшихся религиозных убеждений, которые могут оказаться в сфере научных интересов теолога-исследователя.

Во избежание рисков (убегания от рисков) теолог может заняться «вторичной работой», которой до него занимались многие поколения – «переписыванием, повторением, комментированием того, что было написано, повторено, прокомменти-

ровано ранее» [18, с. 315], из-за чего работа не будет иметь особой новизны, будет мало интересна как читателям, так и самому исследователю, который если и будет испытывать радость творчества во время своего труда, то несравнимую с той, что испытывает исследователь, пишущий работу, носящую «первичный» характер. Такой несколько формальный подход к научной деятельности, рассматриваемую нами как особый вид поклонения, можно сравнить с формальным отношением к молитве, к её обязательному ритуальному выполнению, однако без глубокого ежедневного погружения в молитвенную практику.

«Первичная работа», совершаемая под влиянием личных внутренних устремлений, предполагает напряжённый интеллектуальный поиск ответов на волнующие вопросы посредством «разворачивания сжатого ядра истины», культивирования в себе «восприимчивости к новому знанию» [28, с. 56] (Иоганн Фихте), выходящему за рамки привычных смыслов, и способности «мужественного следования смыслам предельным через проживание опыта достижения своих "пограничных линий" и "ощущения бездн" (Пауль Тиллих, 1886–1965) [23, с. 46, 114], простирающейся «перед невозможностью возможного или перед возможной невозможностью» [16, с. 161] (Мераб Мамардашвили, 1930–1990). Это «поиски, разочарования, находки, доставляющие ни с чем не сравнимое наслаждение» [16, с. 314], но вместе с тем, несомненно, и риски. Такой подход к научной работе сравним с молитвенным поклонением, смыслом которого становится ежечасное искреннее служение не ради достижения каких-то личных выгод, а ради радости единения со Всевышним. Работы, написанные таким образом, чаще всего носят новаторский характер, вызывая волну критики, но и интереса, а также внимания со стороны научного сообщества, пытающегося понять, чем же (кем) ведом теолог, какими особыми целями, в чём же заключается сущность теологии как науки, дающей такой потенциал для научного творчества¹.

¹ «Ибо много званных, а мало избранных» (Мф. 22:14); (Лк. 14:24).

Надеемся, что это внимание и интерес позволят увидеть в современном теологе транслируемый им образ страстного учёного, убеждённого в своей особой миссии, преданного своему высокому предназначению, готового и способного транслировать знания, приобретённые в результате

напряжённого интеллектуального труда другим, побуждая их своим образом жизни и действий к духовному подвигу воскрешения Науки посредством возвращения ей изначального духа – духа традиции.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Газали А. Х. «Кимийа-йи са'адат» («Эликсир счастья»). Часть 1: 'Унваны 1–4. Рукн 1. / пер. с перс., вступ. ст., комм., указ. А. А. Хисматулина. М.: Ихлас, 2011. 464 с.
2. Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация (Заметки к исследованию) / пер. с А. В. Денежкина // Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 127–186.
3. Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.
4. Бирженюк Г. М., Ефимова Т. В. Индекс Хирша как симулякр, или Уравнение известных с неизвестными // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 22–32.
5. Братусь Б. С. Проблема возвращения категории «Души» в научную психологию // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 3–12.
6. Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания / пер. В. Четирко. Черкассы: Коллоквиум, 2007. 736 с.
7. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
8. Генон Р. Кризис современного мира / пер. Н. Мелентьевой // Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 5–140.
9. Грант Р. Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование / пер. Н. Сериковой. Одесса: Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. 728 с.
10. Дёмин И. В. Принцип «онтологической дифференции» в феноменологии М. Хайдеггера и в метафизике интегрального традиционализма Р. Генона [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2015. № 7. URL: https://nbpublish.com/e_fr (дата обращения: 14.07.2022).
11. Егерев С. В. Научное творчество и общественные стереотипы // Научковедческие исследования. 2016. № 1. С. 129–154.
12. Касавин И. Т. Дилемма учёного: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 18–22.
13. Касавина Н. А. Миссия учёного в «расколдованном» мире // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 28–32.
14. Кумарасвами А. К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство / пер. М. В. Макович. М.: Беловодье, 2018. 184 с.
15. Любимова Т. Б. «Вечная философия» единой традиции в символах [Электронный ресурс] // Vox: философский журнал. 2018. № 24. URL: <https://vox-journal.org> (дата обращения: 14.07.2022).
16. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.
17. Масланов Е. В. Гражданская наука – наука как призвание // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 40–44.
18. Никифоров А. Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 20–29.
19. Никифоров А. Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред., сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 296–327.

¹ В обстоятельствах вхождения теологии в научное пространство теологу-исследователю предоставляется возможность стать образцом, передающим образ своей жизни, наполненной духовно-интеллектуальных устремлений, «ощущение истины». И пусть пока таких «образцов» не так много, однако благодаря осознанию потенциала теологии и раскрытию его перед самими теологами их может стать немного больше. В данной связи слова Ю. Эволы, представленные в его книге «Восстание против современного мира», обретают особый смысл: «Единственное, что имеет значение – это стойкость меньшинства, способствующего созданию стержня, который, хотя определён и не спасёт мир растерянных и уставших людей от самой её сути, тем не менее, поможет передать некоторым ощущение истины – ощущение, которое может стать для них началом кризиса, ведущего к освобождению» [31, с. 9].

20. Огородников А. Ю. Прагматические и аксиологические основания деятельности учёного в мировом научном пространстве // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 4. С. 100–106.
21. Пылаев М. А. Категория «Священного» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. 215 с.
22. Столярова О. Е. Призвание учёного в расколдованном и вновь заколдованном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 255–260.
23. Тиллих П. Систематическая теология. Т. I–II / пер. Т. П. Лифинцевой, О. Р. Газизовой, В. М. Ошеровой, В. В. Рынкевич. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 463 с.
24. Тимофеев И. В. Бируни. М.: Молодая гвардия, 1986. 304 с.
25. Трубников Н. Н. Наука и нравственность (о духовном кризисе европейской культуры) // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред., сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 278–295.
26. Тухватулина Л. А. О мнимом противоречии в научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 51–55.
27. Федотова О. Д., Семенов Г. В. Предназначение учёного в оценке философов – ректоров Берлинского университета // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 10–14.
28. Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении учёного // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост. В. Волжский. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7–64.
29. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. Библихина // Владимир Библихин: [сайт]. URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 14.07.2022).
30. Шмонин Д. В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 280–306.
31. Эвола Ю. Восстание против современного мира / пер. Д. Зеленцова. М.: Прометей, 2016. 476 с.
32. Эвола Ю. Герметическая традиция / пер. Г. Бутозова. Воронеж: Terra Foliata, 2015. 272 с.
33. Эвола Ю. Учение о пробуждении. Очерки буддийской аскезы / пер. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2016. 416 с.

REFERENCES

1. Al-Ghazālī A. H. Kimiya-yi Sa'adat (Rus. ed.: Hismatulin A. A., transl. "Kimiia-ii sa'adat" ("Eliksir schast'ya"). Moscow, Ihlas Publ., 2011. 464 p.).
2. Althusser L. Widerspruch und Überdetermination (Rus. ed.: Denezhkin A. V., transl. *Protivorechie i sverhdeterminaciya (Zametki k issledovaniyu)*). In: Althusser L. *Za Marksa* [Pour Marx]. Moscow, Praksis Publ., 2006, pp. 127–186).
3. Antonovsky A. Yu., Barash R. E. [On Max Weber's Science: Reception and Modernity]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2018, vol. 55, no. 4, pp. 174–188.
4. Birzhenyuk G. M., Efimova T. V. [Hirsch Index as a Simulacrum, or Equation of Known with Unknown]. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], 2018, no. 1 (53), pp. 22–32.
5. Bratus B. S. [The Problem of Returning the Category "Souls" to Scientific Psychology]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2014, no. 3 (15), pp. 3–12.
6. Vanhoozer K. J. Is There a Meaning in This Text? The Bible, The Reader, and the Morality of Literary Knowledge (Rus. ed.: Chetirko V., transl. *Iskusstvo ponimaniya teksta. Literaturovedcheskaya etika i tolkovanie Pisaniya*). Cherkassy, Kollokvium Publ., 2007. 736 p.).
7. Weber M. Wissenschaft als Beruf (Rus. ed.: Davydov Yu. N., transl. *Nauka kak prizvanie i professiya*. In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 707–735).
8. Guénon R. La crise du monde moderne (Rus. ed.: Melent'eva N., ed. *Krizis sovremennogo mira*. In: *Krizis sovremennogo mira* [Crisis of the Modern World]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, pp. 5–140).
9. Grant R. The Hermeneutical Spiral: A Comprehensive Introduction to Biblical Interpretation (Rus. ed.: Serikova N., transl. *Germenevticheskaya spiral'. Obshchee vvedenie v biblejskoe tolkovanie*. Odessa, Evro-Aziatskaya Akkreditatsionnaya Assotsiatsiya Publ., 2009. 728 p.).
10. Dyomin I. V. [The Principle of "Ontological Differentiation" in the Phenomenology of M. Heidegger and in the Metaphysics of Integral Traditionalism R. Guenon]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2015, no. 7. Available at: https://nbpublish.com/e_fr (accessed: 14.07.2022).

11. Egerev S. V. [Scientific Creativity and Social Stereotypes]. In: *Naukovedcheskie issledovaniya* [Naukovedcheskie Issledovaniya], 2016, no. 1, pp. 129–154.
12. Kasavin I. T. [Dilemma of the Scientist: After Max Weber]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no. 7, pp. 18–22.
13. Kasavina N. A. [The Mission of a Scientist in the “Disenchanted” World]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no. 7, pp. 28–32.
14. Coomaraswamy A. K. Christian and Oriental Philosophy of Art (Rus. ed.: Makovich M. V., transl. Vostok i Zapad. *Religiya, mifologiya, simvolika, iskusstvo*. Moscow, Belovod’e Publ., 2018. 184 p.).
15. Lyubimova T. B. [“Eternal Philosophy” of a Single Tradition in Symbols]. In: *Vox: filosofskij zhurnal* [Vox: Philosophical Journal], 2018, no. 24. Available at: <https://vox-journal.org> (accessed: 14.07.2022).
16. Mamardashvili M. K. *Besedy o myshlenii* [Conversations about Thinking]. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2015. 816 p.
17. Maslanov E. V. [Civil Science – Science as a Vocation]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 3, pp. 40–44.
18. Nikiforov A. L. [Transformation of Science in the 20th century: From the Search for Truth to the Improvement of Technology]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 3, pp. 20–29.
19. Nikiforov A. L. [Philosophy as a Personal Experience]. In: Kasavin I. T., ed. *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnauchnogo znaniya* [Deluded Mind? Variety of Extra-Scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 296–327.
20. Ogorodnikov A. Yu. [Pragmatic and Axiological Foundations of the Activity of a Scientist in the World Scientific Space]. In: *Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research], 2021, no. 4, pp. 100–106.
21. Pylaev M. A. *Kategoriya “Svyashchennogo” v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka* [The Category of “Holy” in the Phenomenology of Religion, Theology and Philosophy of the 20th century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 215 p.
22. Stolyarova O. E. [The Vocation of a Scientist in a Disenchanted and Re-Enchanted World]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political Science], 2020, no. 55, pp. 255–260.
23. Tillich P. Systematic Theology (Rus. ed.: Lifintseva T. P., Gazizova O. R., Osherova V. M., Rynkevich V. V., transl. *Sistematicheskaya teologiya. T. I–II*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 463 p.).
24. Timofeev I. V. *Biruni* [Biruni]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986. 304 p.
25. Trubnikov N. N. [Science and Morality (On the Spiritual Crisis of European Culture)]. In: Kasavin I. T., ed. *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnauchnogo znaniya* [A Delusional Mind? Variety of Extra-Scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 278–295.
26. Tuhvatulina L. A. [On an Imaginary Contradiction in Scientific Rationality]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 3, pp. 51–55.
27. Fedotova O. D., Semenov G. V. [The Purpose of the Scientist in the Assessment of Philosophers – Rectors of the University of Berlin]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul’tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2018, no. 1, pp. 10–14.
28. Fichte J. G. Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten (Rus. ed.: Volzhsky V., transl. *Neskol’ko lekcii o naznachenii uchyonogo*. In: Fichte J. G. *Sochineniya* [Essays. Vol. 2]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993, pp. 7–64).
29. Heidegger M. Über den Humanismus (Rus. ed.: Bibihin V., transl. Pis’mo o gumanizme. In: Bibihin V., transl. *Vladimir Bibihin*. Available at: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (accessed: 14.07.2022)).
30. Shmonin D. V. [Scientific Rationality and “Return to Theology”]. In: *Voprosy teologii* [Questions of Theology], 2019, vol. 1, no. 3, pp. 280–306.
31. Evola G. Rivolta contro il mondo moderno (Rus. ed.: Zelencov D., transl. *Vosstanie protiv sovremennogo mira*. Moscow, Prometej Publ., 2016. 476 p.).
32. Evola G. The Hermetic Tradition (Rus. ed.: Butozov G., transl. *Germeticheskaya tradiciya*. Voronezh, Terra Foliat Publ., 2015. 272 p.).
33. Evola G. La dottrina del risveglio (Rus. ed.: Shurbelev A. P., transl. *Uchenie o probuzhdenii. Ocherki bud-dijskoj askezy*. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2016. 416 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии Российского исламского института;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Sedankina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Department of Systematic Theology, Russian Islamic Institute;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Седанкина Т. Е. Роль теологии в возрождении подлинного призвания учёного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 153–168.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-153-168

FOR CITATION

Sedankina T. E. The Role of Theology in the Revival of the True Vocation of the Scholar. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 153–168.
DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-153-168

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается одиннадцать научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philosmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2023. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глуздов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philosmgou.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 10,75, уч.-изд. л. 14.
Подписано в печать: 30.06.2023 г. Дата выхода в свет: 03.07.2023 г. Заказ № 2023/06-05.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А